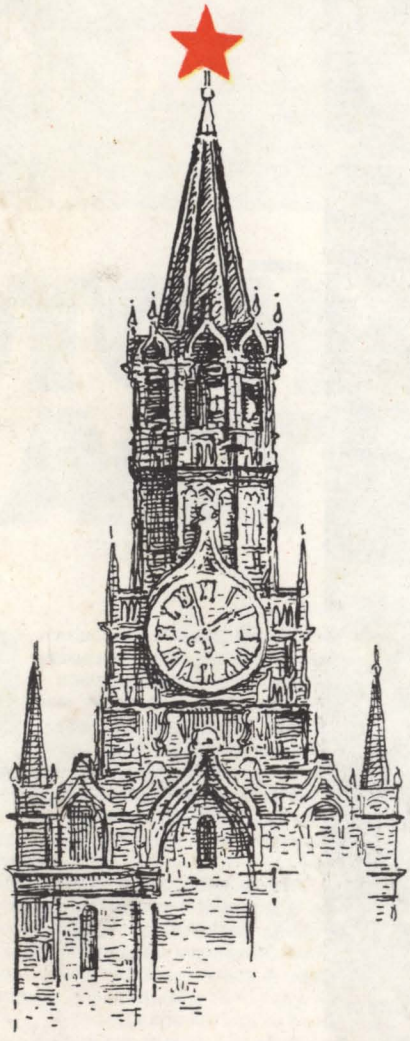
РАБОТНИЦА

№ 11 1975 Издательство «ПРАВДА»



С праздником Великого Октября, товарищи!

В. И. ЛЕНИН.

С картины
художника И. БРОДСКОГО.

ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

Московский электромеханический завод имени Владимира Ильича...

Шагаешь в утреннем многолюдном потоке ильичевцев к центральной заводской проходной. Туда, где с рабочими не раз говорил о грядущем Владимир Ильич, где он был тяжело ранен предательским выстрелом эсерки Каплан и где теперь у Партийного переулка на перекрестке нескольких улиц воздвигнут ему памятник.

Здесь все — история. История живая, динамичная, она продолжается и сегодня. В заводском музее найдешь документы, свидетельствующие о работе первых марксистских кружков... Будешь долго всматриваться в лица тех, кто сражался на баррикадах в 1905 году, и тех, кто в 1917-м шел отсюда сражаться за Советы, а в 1918-м — бить Юденича и Колчака...

Среди ветеранов завода встретишь людей, чья вера в будущее и неутомимые руки в 20-х годах побеждали разруху, в буднях первых пятилеток создавали нашу индустрию, а в годы Великой Отечественной войны ковали оружие для фронта.

Молча постоишь возле тонкой березки, перед памятником ильичевцам, павшим на поле боя в 1941—1945 годах. Мемориал воздвигнут коллективом завода к 30-летию нашей Победы над врагом.

К 1 июля, на целых два месяца раньше, чем обязались, ильичевцы выполнили план девятой пятилетки по росту объема производства. Сейчас завод встречает всех приходящих призывом: «Дадим сверхплановую продукцию в честь XXV съезда КПСС!»

В 1923 году старшее поколение ильичевцев поклялось Ленину: «...заявляем, что для укрепления экономических основ Союза Социалистических Советских Республик... с большой энергией напряжем силы на производительность нашего труда». Все последующие поколения рабочих завода остаются верны этому слову. В их многолетнем трудовом марше знаменосцами, как везде, шагают коммунисты.

Я расскажу здесь лишь о трех из них. И возраст и профессии у них различны, разными дорогами пришли они на завод. Но обо всех трех здесь говорят: «Настоящие ильичевцы».

* * *

Спросите в штамповочном цехе у любого, как найти Александру Емельяновну Шевченко,— откликнутся сразу и обязательно с улыбкой: «Тетю Шуру? Да она на слесарно-сборочном участке».

Александра Емельяновна пришла на завод, когда ей перевалило за сорок. Муж — фронтовик, умер от старых ран. Осталась она вдовой с тремя детьми. К тому времени переселилась семья в тот дом, где жили рабочие с завода Ильича.

«Что делать думаешь? — посочувствовав ее горю, в первый же день спросила соседка.— Как будешь жить?»

«Работать пойду. Да вот пока не знаю — куда... Профессии нет»,— ответила она.

«Как это куда?— удивилась соседка.— Конечно, к нам на завод. Профессии обучим. Ты, главное, не трусь. Сознательность-то у тебя есть?»

«Партийная я,— сказала Александра Емельяновна.— В двадцать восьмом принимали, комсомол рекомендовал...»

«Вот это хорошо!» — обрадовалась соседка.

За четверть века, что работает Александра Емельяновна сверловщицей, пожалуй, и не сосчитать, сколько деталей прошло через ее руки. Когда-то ее терпеливо учили мастерству, потом — не заметила как — стали к ней приставлять учеников. И сколько их перебывало

Александра Емельяновна Шевченко.

Наташа Клава-Янат.

© «Работница» 1975 г.

за все эти годы! Встретится на заводском дворе весьма солидный человек: «Тетя Шура, привет!» Пройдет мимо, а она ахнет: «Леша! Во-он какой стал!..»

Ей было под пятьдесят, когда села за парту в заводской вечерней школе, в пятом классе. Одолела его. И шестой, и седьмой, и восьмой. Нужны были знания для дела. Но упорство Александры Емельяновны было продиктовано еще и тем, что на их участке несколько парней не хотели учиться. Ссылались на ее пример: мол, наша тетя Шура и без образования в почете, да и зарабатывает хорошо. И мы проживем. Словом, потянула она за собой и парней.

Анастасия Васильевна Никонова. *Фото Н. МАТОРИНА.*

Мелькали годы — не замечала, как сменяли они друг друга. Уж и внуки народились, и на пенсию можно. А она сказала: «Да не могу я без завода, без вас...»

И работается лучше, чем прежде. Обязалась в честь предстоящего XXV партийного съезда выполнять по две нормы, и выполняет. «Сверловщица Александра Емельяновна Шевченко, опередив время, сдает продукцию в счет десятой пятилетки», — сообщила недавно заводская многотиражная газета «Ильичевец».

* * *

— Никонова долгих разговоров не любит, длинных заседаний не устраивает. Но глаз у нее острый, все замечает: что спросить, как и за кого постоять, чьи успехи отметить, — так сказали мне о председателе своего цехового профсоюзного комитета в третьем механосборочном. — Бескомпромиссная в суждениях, резкая в споре и справедливая.

Анастасия Васильевна Никонова работает в механосборочном второй десяток лет, была изолировщицей, теперь ее обязанность — находить и устранять неисправности электродвигателей, которые «подвели» на испытаниях. Со сборочного конвейера цеха уже сошли тысячи электрических двигателей в счет десятой пятилетки. Горячие предсъездовские вахты отмечены высокой требовательностью к качеству работы. Но у Никоновой мера ответственности особая — не только за себя. Результат труда многих людей теперь зависит от ее умения и старания.

Никонова шутит: «В нашем деле главное — слух да нюх». И хотя в этой шутке есть доля правды (когда в изоляции пробой, опытный человек обязательно почувствует специфический запах, а неисправность электродвигателя может определить и на слух), все же главное — опыт и знания, без которых даже самый тонкий слух и самое обостренное обоняние не помогут. И еще чувство ответственности... Никого из нас при рождении этим природа не наделяет. Оно вырабатывается самим человеком, наверное, с тех самых пор, как он помнит себя.

Ей было шесть лет, когда загорелась их изба. Надрываясь и падая, девчушка вместе со взрослыми таскала ведра с водой... Потом лихая година, когда к ним в село Юрьево, что под Малоярославцем, ворвались фашисты. Отец прятал под полом оружие для партизан, а одиннадцатилетняя Настя и ее братишки с сестренками — мал мала меньше — умели хранить тайну, хотя не раз довелось им смотреть в жестокие глаза оккупантов.

Но особенно памятна Никоновой та весна сорок седьмого послевоенного года, когда ей, комсомолке-семикласснице, колхоз доверил бригадирство среди полеводов. Верно, еще в те годы проявились черты характера, которые развились, окрепли и по достоинству оценены в рабочем коллективе.

* * *

...Рассказывают, будто недавно, заглядевшись на девушку в заводской столовой, молодой рабочий спросил соседа: кто она? «Имею точные сведения, — ответил сосед. — Клавочка Янат, копировщица из отдела главного технолога».

Разговор этот, случайно услышанный кем-то из отдела, стал поводом для смеха. «Точные сведения» нуждались в существенных уточнениях. Во-первых, не Клава, а Наташа с редкой фамилией Клава-Янат и, во-вторых, не копировщица, а старший инженер...

Обычное дело: вчера копировщица, нормировщица или токарь, сегодня инженер. Да и профессия современного рабочего требует специального образования. Поэтому десятки заводских новичков, едва оформившись в отделе кадров, спешат в учебный комбинат завода. Около тысячи рабочих обучаются в школах, техникумах, институтах. В цехах, отделах, конструкторских бюро много дипломированных специалистов — выпускников Всесоюзного заочного политехнического института, филиал которого создан при заводе.

И потому с точки зрения ильичевцев никакой особенной метаморфозы в жизни Наташи Клава-Янат, тоже выпускницы филиала, не произошло. И для самой Наташи ее профессиональный рост кажется вполне естественным.

После десятилетки пришла она в отдел главного технолога, не имея даже представления о том, что такое завод, и в первое время никак не могла отличить на чертежах кондукторы от шаблонов, планшайбы от прессформ... Понятно — и это нисколько не удивляло Наташу, — что десятки людей с готовностью помогали ей разобраться в основах новой профессии. И также не удивляло ее, что, поступив в институт, она, как и все учащиеся, пользовалась на заводе особыми льготами и особым вниманием. Конечно, и Наташе бывало нелегко, но все же она успевала увлеченно заниматься комсомольской работой, художественной самодеятельностью, спортом. Тоже, впрочем, как и многие тысячи других юношей и девушек.

Как и все... То, что становится законом жизни, обыденностью, перестает поражать. И только вдумываясь в эти будничные факты как в социальное явление, мы постигаем их смысл.

Комсомольцы отдела главного технолога избрали Наташу секретарем. А через несколько дней коммунисты принимали кандидата в члены КПСС Клава-Янат в свои ряды.

Я спрашиваю: не жалеет ли Наташа, что пошла на завод? Могла бы ведь учиться и на дневном отделении института... Она не дослушивает до конца: «Иной судьбы не хочу. Здесь все родное, мое. Помните у Маяковского о рабочем классе: «Я счастлив, что я этой силы частица...» Понимаете, завод — это... завод. А тем более наш — имени Владимира Ильича!»

* * *

Здесь, в овеянном революционной славой Замоскворечье, проникаешься каким-то особенным, высоким чувством гордости за свой народ и вновь охватываешь мысленным взором все, что в труде и боях достигнуто под знаменами ленинской партии за 58 лет, отделяющих нас от Великого Октябрьского дня.

Л. КУЛИКОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

НОЯБРЬ 1975 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

В Кремле под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова состоялось очередное заседание Комиссии по проведению Международного года женщины в СССР.

На заседании обсужден вопрос об участии советских женщин в борьбе за мир и национальную независимость народов. С сообщениями выступили председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова, секретарь ЦК ВЛКСМ З. Г. Новожилова, заместитель председателя Советского комитета защиты мира О. С. Хархардин, председатель правления Советского фонда мира Б. Н. Полевой, исполняющий обязанности председателя исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Ф. Г. Захаров, председатель президиума Союза советских обществ дружбы З. М. Круглова, заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошников.

На комиссии отмечалось, что женская общественность нашей страны, руководствуясь принятой на XXIV съезде КПСС Программой мира, активно участвует в кампаниях и акциях миролюбивых сил в защиту мира, международной безопасности и национальной независимости, за разоружение, сотрудничество и дружбу между народами. В связи с Международным годом женщины советские общественные организации приняли непосредственное участие в подготовке и проведении важных международных конференций, встреч и семинаров. Эти форумы содействовали укреплению и расширению сотрудничества советской общественности с миролюбивыми, антиимпериалистическими силами зарубежных стран.

С сообщениями об участии женщин в работе Советов депутатов трудящихся Украинской ССР и Ставропольского края РСФСР на заседании выступили первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета УССР В. С. Шевченко, заместитель председателя Ставропольского крайисполкома З. К. Карданов, член Президиума Верховного Совета СССР, директор Ивановской ткацкой фабрики имени 8 Марта З. П. Пухова. Они отмечали, что советские женщины — активные участницы общественно-политической жизни нашей страны. Ярким подтверждением этого является их участие в деятельности органов государственной власти — Советов депутатов трудящихся. За последние 10 лет в Украинской ССР, например, число женщин — председателей исполкомов увеличилось в полтора раза, а их заместителей и секретарей — на одну треть. Широко участвуют они в деятельности постоянных комиссий Советов, много сил и творческой энергии вкладывают в работу различных самодеятельных общественных организаций, функционирующих под руководством Советов.

Комиссия рекомендовала активнее использовать в работе Советов инициативу и опыт депутатов-производственниц, а также шире вовлекать в работу Советов и их комиссий женский актив.

Был заслушан также вопрос о состоянии общественного воспитания и медицинского обслуживания в детских дошкольных учреждениях. С сообщениями по этому вопросу выступили заместитель министра просвещения СССР М. И. Журавлева и заместитель министра здравоохранения СССР А. Г. Сафонов. В сообщениях указывалось, что в настоящее время действует 113 тысяч яслей, детских садов и яслей-садов, в которых воспитывается 11 миллионов детей. Разработана программа воспитания детей в детском саду, которая широко внедряется в практику дошкольных учреждений. Ребята получают значительно больший объем знаний и навыков, усилена общеобразовательная роль детского сада. Расширяется подготовка кадров для дошкольных учреждений.

Комиссия обратила внимание Министерства просвещения СССР, Министерства здравоохранения СССР, местных Советов на серьезные недостатки, имеющиеся в работе детских дошкольных учреждений. В частности, отмечено неудовлетворительное использование больших средств, выделяемых государством на строительство детских садов и яслей. Комиссия рекомендовала продолжить работу по дальнейшему улучшению деятельности детских дошкольных учреждений, укреплению их материальной базы, улучшению медицинского обслуживания, совершенствованию системы воспитания детей. (ТАСС).

ЗА ХРЕБТАМИ АЛА-ТОО

Полвека назад, когда женщины Киргизии съехались на свой первый съезд, уже сама эта встреча была событием в жизни республики. Перед делегатками стояла важнейшая задача: вовлечь землячек в общественную жизнь страны. Нынче, собравшись на свой VII съезд, труженицы Киргизстана могли с гордостью оглянуться на пройденный путь: они сегодня составляют более половины всех работающих в промышленности и 41 процент — в сельском хозяйстве.

Достойными представителями женщин республики были 800 делегаток съезда, встретившихся в Киргизском государственном ордена Ленина академическом театре оперы и балета. Они только что возложили цветы к памятникам борцам революции и воинам, отдавшим жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками, побывали у монумента Суракан Кайназаровой, открытого в преддверии съезда женщин. Дважды Герой Социалистического Труда, знатный свекловод, она одной из первых получила рекордный в стране урожай корнеплодов. В годы Отечественной войны Кайназарова вырастила и воспитала семерых приемных детей разных национальностей. И до сих пор они частые гости в горном ауле, где живет Суракан.

Фото Ю. РОМАНОВА

На съезд приехали: Салиман Оросбаева, мать-героиня, секретарь горкома партии Рыбачьего, города-порта на озере Иссык-Куль; член-корреспондент Академии наук республики В. А. Исабаева, директор Института физиологии и экспериментальной патологии высокогорья Академии наук Киргизской ССР. Здесь же депутат Верховного Совета СССР А. А. Дергунова, директор Сокулукской птицефабрики, которая уже работает в счет десятой пятилетки; швейницы с фабрики «40 лет Октября», тоже перешагнувшей в следующее пятилетие, М. Турдалиева, Е. Саламатина и В. Балашова, которые за одну пятилетку выполнили задание двух. Среди делегатов чабан колхоза «Бирдик» Бурулбу Турдубаева, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета страны. В ее отаре каждая сотня овцематок приносит по 150 ягнят... Врачи, артисты, земледельцы, инженеры, учителя — полноправные представительницы чуть ли не всех существующих в республике профессий — собрались на съезд.

Очень тепло сказал о них в своей речи первый секретарь ЦК Компартии Киргизии, член ЦК КПСС Т. У. Усубалиев: «Сколько золотых звезд, орденов, медалей принесли в этот зал участницы съезда! Смотришь — и душа радуется... Горячая вам благодарность, сердечное спасибо, дорогие женщины, за ваш замечательный, вдохновенный труд, за материнскую заботу о детях, за все то светлое, радостное и благородное, что вы вносите в жизнь нашего общества».

С трибуны съезда выступило более 20 делегаток. Они обсуждали доклад Сакин Бегматовой, заместителя Председателя Совета Министров Киргизской ССР, «О повышении общественно-политической и трудовой активности женщин республики в коммунистическом строительстве и достойной встрече XXV съезда КПСС». Каждая рассказала о трудовых достижениях и планах своего коллектива. Делились трудностями, советовались, как лучше преодолеть их.

В конце работы делегаты с большим подъемом приняли приветственное письмо ЦК КПСС и правительству страны. В Обращении ко всем женщинам республики участницы съезда заявили: «Общий успех зависит от личного трудового вклада, от того, с какой отдачей сил, энергии, инициативы будет работать каждая из нас... Дорогие товарищи женщины! Ударным трудом ознаменуем завершающий год девятой пятилетки. Встретим XXV съезд КПСС новыми трудовыми подвигами во славу Отчизны!»

Н. АЛЕКСАНДРОВА

ОБЖИВАЕМ ТАЙГУ

А. ДИХТЯРЬ

Путевые заметки

Чуть больше полутора лет прошло с тех пор, как первые десантники укрепили при выезде из Усть-Кута самодельный указатель «На Таюру!», а сейчас на обжитых и обстроенных берегах этой таежной реки, в поселке Звездном, отмечают дни, оставшиеся до прихода первого поезда.

Этот поезд начнет свой путь от станции Лена и пройдет под ажурными переплетами нового моста — первого на великой сибирской реке.

Ожила тайга и у северной оконечности Байкала — к порталам будущих тоннелей пришли отряды метростроевцев.

У города Комсомольска с правого берега на левый шагнул через Амур мощный полуторакилометровый железнодорожный мост — один из самых крупных на трассе БАМа.

Построено 16 новых поселков — будущих станций Байкало-Амурской магистрали.

В таежных чащобах пробито и расчищено около полутора тысяч километров просеки. На свежеотсыпанное полотно уложено 250 километров рельсов. На пять месяцев раньше срока началось рабочее движение поездов на железнодорожной линии Бам — Тында.

Это далеко не полный перечень того, что было воздвигнуто, пущено и построено на БАМе в нынешнем, 1975-м году.

Вспоминается фраза, популярная на центральном участке БАМа: «Живем со скоростью час в минуту». В первый раз я услышала ее в Тындинском, в общежитии, от инженера Елены Соболевой.

ТЫНДА, КОМНАТА № 5. ЛЕНА И ЕЕ ДРУЗЬЯ

— Время идет со скоростью час в минуту. Как будто мы и не расставались. А ведь прошел целый год,— сказала Лена.

Год назад мы ехали в одном эшелоне, увозившем на БАМ первый Всесоюзный комсомольский отряд строителей. Разве представляли тогда эти девушки, покинувшие Ригу с ее уютными кафе, яркими фонарями и разноголосым говором европейского порта, что их ждет в далеких, неизвестных краях? Хотелось самостоятельной работы, манила значительность стройки. Об этом и говорили мы тогда с Леной Соболевой и Леной Полторацкой.

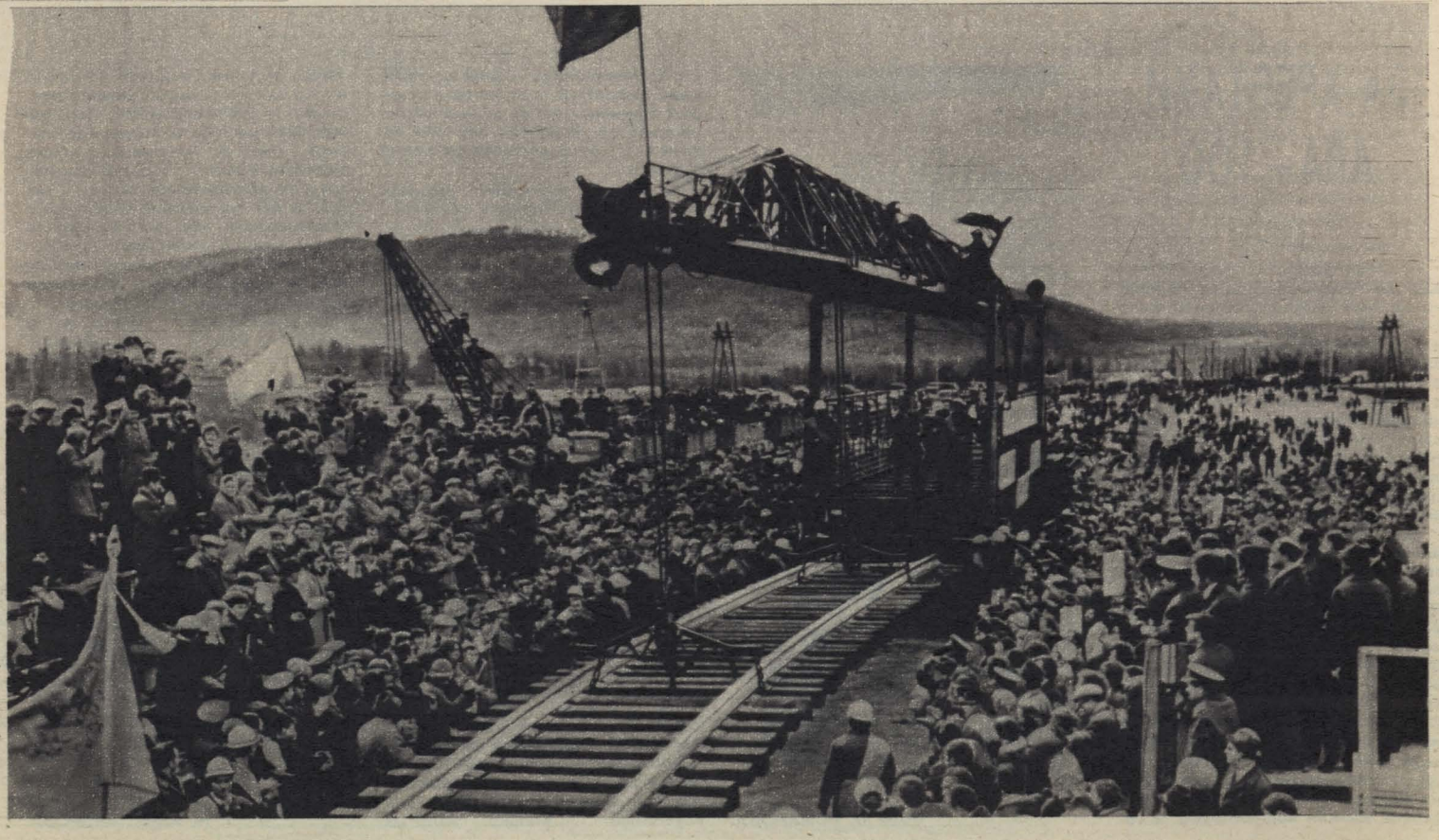
Сейчас обе девушки работают в строительной лаборатории — проверяют прочность и стойкость материалов, из которых строятся дома и мосты, а в скором времени будут возводиться станции и платформы. Ощущение значительности своего дела, которое не теряется даже в общем потоке работ, когда ты сам можешь увидеть и оценить, какой от тебя прок для главной стройки страны, приносит большое удовлетворение. То же самое скажет и Валентина Зельч (теперь уже Балан) — мастер бригады отделочников, уже сдавшая в Тынде несколько жилых домов, общежитие, магазин, котельную, гаражи.

Я попросила назвать события года, самые для них знаменательные. Все четверо (я не упомянула еще одну хозяйку комнаты № 5 — Лилю Шпакову) стали рассказывать о 8 мая 1975 года. И вот что представилось из этих рассказов.

...Шум поезда еще не был слышен, но по тому, как взметнулись за сопкой птицы, стало понятно, что состав где-то близко. А пока внимание тысяч людей сосредоточил на себе путеукладчик. Чуть дрогнув, могучая машина остановилась, держа на весу 25-метровый рельсовый прогон — «серебряное» звено. Сноровистые парни в новых касках, с алыми лентами через плечо укладывают и закрепляют последнее звено. Когда путеукладчик отошел на запасный путь, из-за сопки появился поезд. Низкорослые рыжебокие олени, лихо подгоняемые эвенками, скакали рядом с поездом, и тепловоз, в котором была, наверное, тысяча оленьих сил, не обгонял оленей. Медленно и торжественно он приближался к последнему, 178-му километру.

— Даже ради этой минуты,— говорили мне рижанки,— стоило приехать сюда.

...Пятая комната! На маленьком столе у окна — бархатно-синие



Тында. Укладывается последнее звено пути. Фото А. ПЬЯНОВА.

лилии,— растут такие по берегам таежных рек. В углу на табурете из пня — радиола новейшей марки. Полки с книгами. На стене — смешные самодельные фигурки чертей и подсвечники из корневищ. Сегодня у подруг торжественный день. Лиля Шпакова закончила 11-й класс вечерней школы, и теперь строительно-монтажный поезд, где она работает, направляет ее учиться в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта.

С Лилей я тоже познакомилась год назад, в первом эшелоне. Помню, прямо в пути шла пресс-конференция. Ребятам задавали вопросы о будущей работе, о профессиях, а Лилю спросили:

— С чего вы начнете наводить порядок в своем новом доме?

— Поставлю цветы,— ответила девушка, не очень понимая, почему ей, технику-строителю, задают такие вопросы.

Но руководители отряда, те, кто протянул по тайге не одну дорогу, знали: нормальная оседлая жизнь начинается там, куда хозяйкой приходит женщина. Что новые поселки в тайге останутся временным холостяцким пристанищем до тех пор, пока не запахнет здесь борщами и на веревке, протянутой от сосны к сосне, не заплещутся ползунки и распашонки.

Больше сорока тысяч строителей трудится сегодня на трассе. Женщин — примерно четвертая часть. Девчата рвутся в тайгу, на просеку. Пытаются убедить неумолимых мастеров, что им под силу таскать двухпудовую бензопилу. И не все понимают, что сегодня великая ценность и незаменимость их для Байкало-Амурской магистрали определяются преданностью таким профессиям, как воспитатель, учитель, медсестра, повар, продавец...

ПОСЕЛОК МОГОТ. НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

За окном посветлело, но было по-прежнему тихо. Таежный рассвет молчалив: ни шума деревьев, ни гомона птиц. Только вдруг прошуршит гравий под чьими-то сапогами. Долетят обрывки негромкого разговора.

— Удивительное ощущение. Как будто слышишь дыхание каждого человека...

Наталья Викторовна взяла кисть. Нацелилась на чистый лист ватмана, лежащий перед ней.

— Да, я не сказала, что здесь у нас будет изостудия.— Кисточка в ее руке превратилась в указку.— А там, за стенкой, в красном уголке, мы откроем дискуссионный клуб «Данко». Организуем постоянную выставку «В мире красоты». Создадим литературное объединение. Заведем фонотеку — будем транслировать по радио Чайковского.

К концу года эти планы станут реальностью. Здесь, на Моготе, не болтают зря.

Итак, поселок Могот. Чтобы попасть сюда, мы поехали на север от Тындинского по знаменитому Амуро-Якутскому тракту. Потом свернули вправо по только что отсыпанному шоссе и уперлись в бурливую реку, которая и дала имя поселку. Захватив письма у водителя почтовой машины, в растерянности стоящего на берегу, мы на КРАЗе вброд переехали на противоположную сторону.

Поселок удивил чистотой покрытых гравием улиц. Аккуратными рядами коттеджей среди сосен и лиственниц. Эти коттеджи, так называемые «ПДУ» — «передвижные дома утепленные» — постепенно приходят на смену вагончикам не только в Моготе, а по всей трассе. С просторной верандой, двумя комнатами, кухней, санузлом, подсобками, они удобней любого другого передвижного жилья.

В незаконченном здании школы я познакомилась с бригадиром строительной бригады и парторгом строительно-монтажного поезда Владимиром Григорьевичем Новиком Он и стал моим гидом.

— К зиме мы заселим 36 домов. Проведем водопровод и канализацию,— объяснял бригадир.— Это наша новая пекарня. Прежняя стала мала — каждый день новоселов встречаем. Скоро сдадим детсад и следом новый заложим. Рядом со школой планируем спортивный комплекс...

Вспомнилось, как лет тринадцать назад я вот так же ходила по строящимся поселкам на казахстанской целине. Первыми сдавали фермы, конторы, жилье, а уж потом — столовые и школы. О спортивных залах и клубах даже не заикались.

— У нас сегодня иные возможности,— делился своими мыслями начальник строительства Могота Л. Е. Кузнецов. Ему есть с чем сравнивать: он знал стройки Братска, Абакана, Тайшета.— И молодые строители нынче — народ более требовательный. Сказывается более высокое образование, знания, кругозор. Большие духовные и культурные потребности. Вот почему я принял в штат СМП профессионального художника. А воспитателем в молодежном общежитии работает недавний преподаватель сельскохозяйственной академии имени Тимирязева Наталья Викторовна Тарасова.

Именно с ней, Натальей Викторовной, мы и заговорились до самого утра в моготской «изостудии». Высокая, красивая, она сидела среди эскизов и сохнувших плакатов и рассказывала мне, что успела сделать за два месяца и один день работы на БАМе. Создан бытсовет. Идет соревнование за образцовый порядок в вагончиках. На днях подведут итоги, и победитель «конкурса чистоты» разрежет ленточку у входа в новое большое общежитие. Провели первые концерты самодеятельности.

Я ушла в гостиницу, оставив Наталью Викторовну перед чистым листом ватмана. До утра она рисовала шаржи и дорабатывала собственную сатирическую поэму. В восемь часов ее голос напомнил по радио о комсомольском субботнике на территории будущего стадиона. Домой, в вагончик, в те сутки она забежала лишь для того, чтобы переодеться к субботнику: сменить туфли на сапоги, а плащ — на кожаную куртку — «комиссарку».

НАГОРНЫЙ. О ЛЮДЕ, КОТОРАЯ НЕ СТАЛА МАЛЯРОМ

Мы сидели под крышей двух больших сблокированных палаток. Отчаянно хлестал дождь, но никто не замечал его дробного боя. От души «трудились» гитаристы и ударники тындинского ансамбля «Орфей». Геодезист Евгений Филимонов читал Есенина и Маяковского вперемежку со своими стихами. Звучала гитара местного барда и художника Валерия Федорищенко, кудрявый чуб и молодой возраст которого так не вязались с представлением о его должности начальника отдела снабжения строительно-монтажного поезда.

В центре огромного п-образного стола, собравшего чуть ли не весь поселок, сидели Светлана Инжиевская и Валерий Свириденко. Жених и невеста. Это была первая свадьба в поселке Нагорный. А подарок молодым — первая квартира. В одном из тех домов, что, сверкая желтизной свежего дерева, спускаются с сопок к полотну будущей дороги, отмеченной пока лишь цепью колышков-пикетов.

С девчатами, которые трудятся на отделке домов, я познакомилась на свадьбе: это комсомольско-молодежная бригада Ларисы Матвеевой. Кстати, работает здесь и сама невеста.

— Вы тоже маляр?— спросила я у миловидной девушки, которая сидела рядом со мной.

— Почти угадали,— засмеялась она.

«Штукатур-маляр». Именно так было записано в комсомольской путевке Люды Новиковой, которая на самом деле работала продавцом, имела специальное образование и продолжала учиться в торговом вузе. Формируя в Орле отряд строителей Нагорного, В. М. Травков, бывший начальник СМП-577, отказался и от повара, и от секретаря, и от нее — продавца. Ради БАМа Люда решила поступиться любимой работой и стать маляром.

Но, как она и думала, ее настоящая профессия на новом месте оказалась просто необходимой. Больше того, понадобился и второй продавец.

— Мне удалось уговорить Любу Агошкову перейти из отделочниц в торговлю,— рассказывает мне Люда.— Правда, получаем мы меньше отделочников, но ведь не ради денег ехали на БАМ!

36 магазинов, 17 столовых, больше 20 медицинских учреждений уже открыто в этом году по трассе БАМа. 14 детских комбинатов приняли осенью малышей. Построено много новых школ. Но раньше покупателя в магазин приходит продавец, в столовую — повар, раньше первоклассницы войдет в школу учитель. Нужно ли говорить, как поднимается в условиях отдаленной стройки роль тех профессий, которые всегда считались женскими! Воспитатели и хозяйки в поселках строительно-монтажных поездов, мехколонн, мостоотрядов, они организуют быт, нормальную жизнь бамовцев и в большой степени определяют их верность своему новому таежному дому.

В этом году на Байкало-Амурскую магистраль прибыло 63 комсомольских отряда. Новое пополнение составило 17 тысяч человек. А в учреждениях Минтрансстроя и ЦК ВЛКСМ лежит еще 160 тысяч писем с просьбой: пошлите на БАМ! И по-прежнему только один из десяти желающих получает комсомольскую путевку. Выбирают лучшего лесоруба и укладчика пути, лучшего штукатура и каменщика. Но выбирался ли для работы на БАМе самый способный воспитатель, тактичный продавец или самый искусный повар? Что-то никто не слышал о таких конкурсах.

Пожалуй, только донбассовцы, отправляя в подшефный им поселок Ургал ударный комсомольский отряд, включили в его состав и парикмахера, и сапожника, и хлебопека. О подобных специальностях, к сожалению, не позаботились москвичи — шефы Тындинского. И на месте, в самой Тынде, о кадрах для сферы обслуживания думают мало. За год сменилось около половины продавцов и работников столовой. Не случайно по настоянию профсоюзных органов недавно был снят с поста начальник Управления рабочего снабжения центрального участка БАМа. А новых руководителей обязали как следует заботиться о столовых для ночных и вечерних смен, о доставке горячей пищи на отдаленные участки, о нормальной работе магазинов.

На БАМе никто никого не уговаривает хорошо трудиться. Попробуйте найти здесь нерадивого строителя или волынщика-шофера. Но плохого продавца, неряху-повара, ленивую официантку, к сожалению, иногда можно встретить.

Не так много — 250 человек требуется сейчас в общественное питание на центральный участок. Но это должны быть люди, полные внимания к человеку, инициативные, хозяйственные. Такие, как продавцы в Магистральном, работницы прачечной в Улькане, повара в Моготе.

И Люда Новикова, которая не стала маляром,— одна из таких людей.

Рисунок И. УШАКОВА.

В ДОБРЫЙ ЧАС

Антонина КОПТЯЕВА

Из новых книг

Тридцать с лишним лет работает в литературе лауреат Государственной премии Антонина Коптяева. Нет надобности перечислять книги писательницы: их и без того хорошо помнят читатели.

Сейчас Антонина Дмитриевна работает над новой для себя историко-революционной темой. Ее трилогия (пока написаны только две части) «На Урале-реке» посвящена одной из героических, но еще недостаточно изученных страниц гражданской войны — обороне Оренбурга рабочими города и разгрому армии белого атамана Дутова, которого поддерживало зажиточное оренбургское и уральское казачество.

Мы печатаем отрывок из второй книги романа, повествующий о грозных событиях в жизни казачьего населения одной из крупных станиц Приоренбуржья. Местные богатеи на стороне белоказачьего атамана, часть вернувшейся с фронтов мировой войны молодежи — против него.

Среди них главный герой романа Нестор Шеломинцев, взявший в жены Фросю — девушку из рабочего поселка и порвавший отношения с богатым домом отца.

Бросив поводья и привязав пугливо бившегося в оглоблях коня, Харитина помогла Фросе выбраться из кошевы, а когда та, как слепая, зашагала по двору, догнала ее и, схватив за локти, с силой повернула к себе.

— Да поплачь ты, коли сердце так защемило! Господи боже мой, и что это творится на свете? Фросенька, сестричка моя родная, не гляди ты так на меня, мне и без того страшно!

Харитина подтолкнула Фросю к дому, расслышав уныло-певучие возгласы заупокойной службы, начавшейся на площади.

— Ироды, пра ироды! Накрошили человечины и ну бога благодарить. Попа-то как совесть не зазрит — пасха ведь! Светлый христов день, а они шашками взялись христосоваться! — Харитина почти насильно втащила Фросю на высокое крыльцо, через темные сени провела в свою спаленку, на ходу сдвигая пуховый платок со лба, взмокшего от волнения и пережитого ужаса.

Усадив невестку на высокую под периной кровать, она стащила валенки с ее маленьких горячих ног, сняла нахолодевшее сверху пальто, шаль и, силком опрокинув на подушки, накрыла тулупом.

Фрося молчала, податливая, как тряпичная кукла. Лишь глаза жили на помертвевшем лице взмахами длиннющих траурных ресниц: ни мыслей, ни чувств, ни кровиночки под кожей.

Только теперь Харитина заметила, как истаяла за эти дни Фрося, выдались скулы, опали щеки, резче, крупнее обозначились губы над заостренным подбородком, а шейка — хоть перерви.

«Боль-то какую она в сердце носит с тех пор, как Нестора забрали. А может, уже застрелили его изверги! Дался им этот атаман Дутов, богом проклятый! И чего это мы ради него муку такую принимаем? — Мысль о гибели мужа и о возможной смерти любимого брата вновь пронзила Харитину нестерпимой тоской. И она заплакала, теребя Фросин пуховый платок, который Нестор привез после съезда Советов из Оренбурга. — Какой веселый был тот день, как радостны и красивы были Нестор и Фрося! И мы бы с Николашей так же... кабы казаки не затеяли злую свару с Советами. А теперь вон как все обернулось!» Обливаясь слезами, Харитина чуткими руками умелой вязальщицы сложила шали в одну, свернула их углом и вдруг услышала, как затопали кони у ворот, брякнула щеколда и потекли во двор конники.

Харитина в чем была — шасть на мороз, на высокое крыльцо и, придерживаясь за точеную балясину, с волнением всматривалась в ловко спешившихся казаков: кого это принесло.

— Чего столбом стала? Маманя где? Уж некому и встренуть — коней принять.

Михаил бросил на руки сестре новенький полушубок, толкнул к ногам ее какой-то мешок с припасами.

— Куда это все работники подевались? — громовым раскатом отдался в ее ушах голос папани, тоже приволокшего к крыльцу набитые мешки.

«Невтерпеж добычей похвалиться», — подумала Харитина враждебно, но тут же склонила в привычно покорном поклоне спину.

— Маманя и работники на хуторе, в степи.

Прорычав что-то, отец протопал в сени, настежь распахнув двери для хлынувшей следом за ним чубатой вольницы.

— Тащи водку и брагу! Соленьев там... Мечи на стол все, что есть! — приказал Михаил и тут же повернулся к усатому молодому сотнику: — Прихвати кого из казаков, подсобите сеструшке бочонок из погреба поднять.

Горница, где ломился от закусок пасхальный стол, осветилась, дом заполнился гулом голосов. У порога над лоханью гости сливали на руки друг другу — отмывали кровь.

«Ну точь-в-точь как в сказках про разбойников!» — неприязненно отметила Харитина, летавшая то в погребицу, то в амбар за бараниной и свининой, а за ней подручные — усатый румяный сотник с маслено-черными глазами и молодой, глядевший бирюком казак.

В горнице запахло жареным мясом: шкварчала на двух громадных сковородках порезанная ломтями свинина.

— Нестор-то где? — подскочила к Михаилу Харитина.

— Нестор? Он в Линевке, — нехотя проронил Михаил. — В кутузке сидит. Достукался наш хорунжий, выпороли его за дерзость и неповиновение воинскому кругу. Кабы не батины заслуги, пустили б в расход. Да ишшо неведомо, чего ему предстоит! — И, тяжело помолчав, щуря лиловато-красные, как у быка, глаза, с нехорошей ухмылкой бросил: — Все эта стерва Ефросинья с толку его сбила. Где она сейчас, красуля нахаловская?

У Харитины так дробно забилось сердце, что даже ноги ослабли, задрожав под коленями: еще ни разу до этого Михаил не вел столь зазорных речей о жене брата...

— На хуторе, с маманей,— превозмогая страх, сказала она и снова засновала по дому с посудой и яствами, довольная тем, что внимание казаков сосредоточено на еде и выпивке.

Улучив свободную минутку, она заскочила к Фросе. Та лежала пластом: светлое личико утопало в массе разметавшихся по подушке волос, вскинутый подбородок заострился, и ярко рдел полуоткрытый горячим дыханием рот.

«Никак в жару горит! Только бы не всшумнула. Помилуй бог!»

Выскользнув в полутемный коридорчик, Харитина бесшумно продела замок в петлю накладки, повернула ключ и замерла: большая рука протянулась из-за плеча, сжала легонько ее сразу похолодевшие пальцы. Нет, слава богу, не Михаил: щекотнули щеку усы, и рядом с ее лицом замигали маслено-черные глаза склонившегося к ней сотника.

— Что хоронишь от гостей в своей светелке, хозяюшка?

— Чистую постелю свою берегу!— дерзко бросила Харитина.— Налижетесь до упаду, завалитесь куда попало: и в красный угол и промеж свиней на базу.

— Гляди ты какая! А и хороша сеструшка у Михаила Шеломинцева.

— Хороша, да не про тебя!

Харитина сбросила с плеча цепкую руку и, опустив ключ в карман фартука, побежала в горницу прислуживать гостям. Разгул шел вовсю. Светло горела под белым абажуром подвешенная над столом керосиновая лампа «Молния». Таращились по углам большие, как подошвы, листья фикусов. А между фикусами и лампой — багровые лица под косматыми чубами, и сивыми от седины, и русыми, и воронными.

Подгуляв, даже старики заводят непристойные речи, с Харитиной заигрывают:

— Что ж ты с нами не похристосовалась, хозяюшка, в светлый-то праздник!

— Некогда было, а вам особливо!

— Да уж посекли сегодня комиссаров вволю!..

— Наших рубке не обучать! С шашкой свычны, как с законной женой.

— Оно бы не мешало и с незаконной...

— Послезавтра в Оренбурге разговеемся.

«Опять на Оренбург собираются. Мало, видно, наших казаков побило в прошлом году»,— сокрушенно думала Харитина, принимая со стола опустевшую сковородку.

Подхватив с плиты чапельником на коротком черенке сковородку со шкварчащей свининой, Харитина поспешила в горницу, где шло гульбище. По пути заглянула в закуток у своей боковушки и увидела (или уже в глазах мутилось), будто дверь в светелку полуоткрыта. Не чуя тяжести, перенесла она горячую сковородку через плечи и головы тесно сидевших у стола казаков, сунула ее на деревянный поддонок и бросилась обратно.

Дверь, точно, была приоткрыта, а накладка вместе с замком болталась на косяке. Перескочив через порог, Харитина плотно прикрыла за собой дверь, сжимая в руке увесистый сковородень, огляделась в полумраке и увидела широкую согнутую спину казака, навалившегося поперек кровати на бившуюся, как рыба, и молчавшую так же, как рыба, Фросю.

— Ах, ты, стервец!— яростно бросилась на казака Харитина.

— Уйди! Убью!— закричал он, уже доведенный до неистовства.

Она узнала усатого сотника и, взмахнув кованым чапельником, тюкнула его по макушке и, уже не в силах остановиться, ударила еще раз не то в висок, не то промеж маслено-черных запримеченных ею глаз.

Он сразу уронил голову и, дернувшись всем телом, съехал на край постели. Схватив сотника за ворот мундира, Харитина сбросила его на пол. Фрося уже сидела на койке и, отплевываясь, вытаскивала изо рта затиснутый насильником платок.

— Молчи теперь! Бежать надобно!— Харитина оттолкнула в сторону сотника, ощупью нашарила на полу валенки невестки.— Одевайся за ради бога скорее, они горланят там и все пьяным-пьяны. Надевай-ка поверх пальтушки Колину шинель, да вот папаха его. Побежишь со мной на погребицу, будто казачишка.

Харитина, уже одетая сама, помедлила, наклонилась, провела рукой по холодеющему лицу сотника.

— Готовый! Ну-ка, подсоби его на койку завалить!— С жестокой расчетливостью мгновенно сдернула она с убитого сапоги и зашвырнула их под койку, обмотала ему первой попавшейся тряпкой голову и, вдавив в перину, чтобы казался поменьше, закрыла одеялом.— Ну, с богом! Молчи и делай, что я.

Выскочив без оглядки в закуток коридорчика, она вихрем влетела на кухню, где толкались, стоя вокруг стола, казаки попроще. Харитина резко схватила с лавки опустевший бочонок, сунула его Фросе. Забрав по пути еще два жбана, они вместе выбежали в сени. Навстречу, заслонив им выход, шагнул с крылечка через порог Михаил, огромный, взлохмаченный, пышущий самогоном.

— Куда это собралась, сеструшка?

Харитина чуть не упала от страха, однако успела с разгона повиснуть на локте брата и отвернуть его от Фроси, дав ей возможность ускользнуть во двор.

— Вылакали и самогон и бражку. Батя приказали ишшо поднести.

— Ну, подноси, шут их дери!

Фрося ждала за углом, дрожа, схватила ее за руку. Они побежали к базу, но, увидев заложенную парой кошеву возле коновязи, не сговариваясь, повернули к ней: ворота так и звали — распахнутые...

И тут же зазвенели полозья на подстывшем к ночи снегу, и полетела в лица мерзлая ископыть.

— Куда ты?— сказала Фрося, увидев, что Харитина правит в степь на Буранное.— Нам лучше к Соль-Илецку — там хоть свои.

— Утром туда же погонят наши. А может, еще и Нестора вызволим. Только бы не хватились меня до утра... А и хватятся — спит баба в постели мертвым сном.

— А того искать не будут?

— Кой черт!— задорно от нервозной приподнятости отозвалась Харитина, нахлестывая бока вихрем несущихся лошадей.— Кто хмельного казака до сбора искать будет?

— Вдруг поймают нас, а он мертвый.

— Ну и что? Я же его не звала. Коли силой полез, силой и встретила, потом со страху сама сбежала. А тебя будто по дороге с хутора прихватила.

— Экая ты отчаюга... А вот я несмелая.

— Сказывай! Забыла, как попа-то треснула по зубам?

Ветер, бивший навстречу, отдавал свежестью талого снега, хрупкой апрельской изморозью, хотя степь лежала еще по-зимнему белая под черным куполом неба и робким свечением бледных звезд.

— Завсегда на пасху ночи темные!— Харитина наклонилась, заглянула в лицо Фроси, сжавшейся в комочек в углу кошевы.— Не вешай носа, не нагоняй тоску.

— Ладно, что хоть сами-то ноги унесли.— В голосе Фроси печаль и безмерная усталость.— Как начал этот гад меня тискать, я очнулась, а кричать не могу — во рту затычка, и сердцу до того больно, прямо разрывается оно.

— Что не кричала — хорошо! Братушка Михаил после этих смертоубийств вовсе озверел. Когда мы на него в сенях налетели, я инда оцепенела: думаю, кажись, смерть пришла! Тебя — под всю ораву, с меня башку долой и обеих в одну яму с красными. А теперь мы и в Линевку заскочить успеем.

— В Линевку?

— Ага. Нестор тама. Папаня, если нас хватятся, прежде на хутора пошлют... Заутро розыск делать некогда — сбор. Кабы, как раньше, на войну, ударили бы в набат — из станицы в станицу сполох пошел бы от Верхне-Уральска до Илецка и далее до Гурьева. А теперича сборы тайные. И у нас тут засаду устроили. Обманули красных, поубивали... Теперь на Оренбург нацелились.

— Ты не боишься?— Фрося всмотрелась в лицо подружки и удивилась ее беззаботно-лихому виду.

Будто заговорила в казачке буйная кровь переселенки-завоевательницы, из тех, что в трудную минуту стояли вместе с казаками на обороне степных крепостей-станиц. Одним ударом отсекла Харитина все связанное с богатым домом отца-куркуля и, вырвавшись на волю, еще никуда не определясь, ни к кому не прислонив голову, готова была, как отпетый казак, лицом к лицу встретить любую беду.

— Боюсь!— весело крикнула она и снова погнала вперед коней, стараясь проникнуть взглядом в ночную темь. — Боюсь я,— повторила уже серьезно Харитина,— боюсь, чтоб Нестора перед походом старики не застрелили. В Линевке-то у меня крестна — есаульша Марья Петровна Прохорова — живет. Я к ней и лажу заскочить. Она меня всегда любила, баловала; детей-то своих у нее нету. А теперича придется обводить ее вокруг пальца: она супротив бати не пойдет. За атамана Дутова горой! И ты там держи ухо востро, не то завалишь все дело и меня подсекешь.

— Как же я к ней заявлюсь в шинелке да папахе? И чего говорить стану? Может, я шалью сейчас повяжусь?

— Шалью повяжись, папаху давай мне, я за пазуху спрячу. Шинелку пока не снимай — для тепла, в Линевке в одной пальтушке останешься. Говорить буду я, ты только поддакивай. Отбрешемся! Вот что я надумала: скажу, что папаня разрешил нам увидеться с Нестором. А там и подале махнем... может, и в вашу Нахаловку подадимся. Чай, уж не съедят меня твои рабочие!

— Не съедят! У нас народ справедливый,— с трудом, сквозь ворохнувшиеся где-то в горле слезы сказала Фрося.

— Черт его знает, как обернулось! Сроду не думала я, что побегу из своей станицы. Да ишшо неведомо куда. И всю свою одежду кинула и живность, кака в приданое досталась, и подушки, и перины.

— Жалеешь?— почти робко спросила Фрося.

— Сейчас не до того, а после видно будет.

«Правда, как страшно все обернулось»,— подумала Фрося. Сердце ее забилось горячо и учащенно, и, точно рассердясь на это, ребенок сильно толкнул ее под бок и раз, и два, и еще лягнул, поворачиваясь.

— Милушка ты мой!— прошептала Фрося, подавляя рыдание и туже запахиваясь в шинель убитого Николая.

Неожиданно натянув вожжи и останавливая лошадей, изменившимся голосом крикнула Харитина:

— Слышь-ка, скачет кто-то навстречу, да не один!..

Фрося, окоченев от ужаса, приподнялась и, вытянув шею, прислушалась. Точно: со стороны Линевки, куда они неслись как угорелые, явственно донесся, приближаясь с чудовищной скоростью, звонкий звук конских копыт по подмерзшей дороге.

— Свят! Свят! Пронеси и помилуй!— сказала Харитина и хлестнула вожжами рванувшихся вперед лошадей.— Нн-о! Нн-о-но, соколики!— пронзительно, по-мальчишески озорно крикнула она.— Наддай, голубчики!— А едва конные казаки поравнялись с ней, закричала

еще громче:— Добрый путь, станичники!

— Нам добрый, а вас далече ли несет ни свет ни заря?

— Днем бабам гулять некогда. На базах и в курене работушки невпроворот.

— Никак Харитина Григорьевна!— почтительно, но и с любопытством воскликнул молодой казак в белой папахе, выдвигаясь из-за осанистого бородача, сидевшего, как туго опоясанный сноп, на своем машистом жеребце.

— Она самая.

— Что так гоните? У вас же в Изобильной праздник...

— А как же! И христов день, и казаки красных побили...— Фросе чуть дурно не сделалось от развязно-игривого тона Харитины: неужто так притворяться может?!— Нас из-за этого побоища на хутора послали, и я отпросилась у папани с маманей погулять на праздник в Чернореченку.

— А это кто с тобой?— поинтересовался бородач.

— Подружка-молодушка. В тягости она, а от выстрелов перепужалась, инда онемела.

— Всех побили красных-то?— спросил бородач, благосклонно глядя на разбитную казачку.

— Площадь посеченными завалена. И наших тоже полегло...

— Молебен был?

— Беспременно. Нам-то, бабам, и помолиться не пришлось: столы накрывали.

— А ты бойка!— не то укоризненно, не то недоверчиво сказал бородач.— Ну, час вам добрый! Айда, пошел!— И, легонько тронув скакуна плеткой, погнал впереди отряда.

— Пронесло! Чтоб тебя уязвило, бородатого!— Харитина в изнеможении упала рядом с полуживой Фросей.

...У вдовы есаула Марфы Петровны Прохоровой пасхальный стол еще не тронут, хоть и рассветало уже, когда беглянки въехали в ее ворота.

— Христос воскресе!— Шурша необъятными юбками, дородная хозяйка надвинулась на Харитину, крепко расцеловала из щеки в щеку остроглазое, осунувшееся личико крестницы.— Неужто всю ночь в дороге провели?— Глянула в окошко на широкий двор, где работник выпрягал и ставил на выстойку запаленных лошадей, ронявших с боков белые клочья пены.— Балует тебя папаня, потатчик старый! Видно, нравится ему, что ты в него, всполошенная, уродилась. Ну-ка, в сам деле чуток не загнала такую пару! Да и сами-то уходились, на кого стали похожи.— Она обернулась к Фросе, приподняла горячими твердыми пальцами ее опущенный подбородок.— Много наслышана о твоей красоте, невестушка! Красуля и есть, хоть телом жидковата. Ну, да полнота — дело наживное.

— Вы, крестненька, совсем нас забыли! Даже на свадьбы не приехали: ни к Нестору, ни ко мне!— защебетала Харитина, точно хитрая лисонька, заглядывая в налитое здоровьем лицо Марфы Петровны: «Знать-то, не дошло до нее, как жестоко папаня обошелся с Нестором!»

— Лето-то в прошлом году я проездила, потому и на свадьбах у вас — хоть и звали — не была: в Гурьев к родителям укатила. Плохо стало бате — паралич ударил. А ноне на масленой второй удар. Я снова в путь-дорогу да и задержалась там... Вернулася аккурат в четверг, когда из церкви святой огонь несли.— Есаульша провела по глазам нарядным платочком.— Осталася при всем достатке одна, как перст, в тако смутное время.— И спохватилась, захлопотала:— Покудова поп с причетом придут пасхальну службу править, надобно вас, милушки мои, накормить.

— Значит, вы батю нашего не видали в Линевке?— Харитина подтолкнула к столу Фросю, невинно поглядела на хозяйку дома.— Он ведь тута ишшо вечор был, с воинским кругом.

— Он-то был, да меня-то не было. Да и кому придет охота навещать горюху-вдову! Живу со свекровкой да с золовкой, старой девой. Домовницы хороши, да мира чуждаются: одна по старости, другая по святости — схиму принять хочет.

— В самый раз нам тако пристанище, да боюся, брякнет тот бородач папане, что ночью встренули нас в степу. Не ровен час прибегут с Изобильной гонцы по нашу душу,— быстро зашептала Фросе Харитина, когда Марфа Петровна вышла из горницы.

— Подзаправимся и сразу дальше.

— А Нестор?— так и вскинулась Фрося.

— Сейчас и про Нестора разузнаем.

— А вот и они!— Радостно причитая, Марфа Петровна ввела в горницу батюшку с дьяконом да псаломщиком.

...Слушая слова молитвы и усердно крестясь на образа, обе молодушки чувствовали себя ужасно неспокойно, и, хотя уже больше суток не спали, сна не было ни в одном глазу. Фрося мучительно думала о Несторе: где он тут, припасть бы к его груди, взглянуть в глаза и, если нет другого выхода, погибнуть вместе с ним. А Харитина соображала на свой лад: почему бы не заявиться прямо к станичному атаману и — пока не поздно, пока еще не слышно погони — потребовать свидания с братом? Неужто не поверят дочери войскового старшины Шеломинцева? Мог ведь он разрешить это свидание ей и жене Нестора...

Наконец-то закончили поп и дьякон свою зычную перекличку. Причащаясь и целуя крест, Харитина и Фрося вздохнули с облегчением: столько времени простояли, а дорога каждая минута! Но оказалось, что вырваться отсюда не так-то просто: Марфа Петровна заставила молодушек снова сесть за стол.

— Крестненька, родненька, мы бы с Фросей хоть по улке прошлись, поглядели бы на станично гулянье,— взмолилась Харитина, увидев, как прочно расположился за обильным столом станичный пастырь, не хмелея, заливавший вино в свою бородатую пасть.

— Успеется,— заверила «крестненька», зорко следившая за тем, чтобы не пустели тарелки.

И тут вдруг Фрося махнула рукой и, схватив одежонку, выбежала во двор — дурно ей стало...

— Видать, в тягости молодушка,— изрек умудренный жизнью поп, проводив ее наметанным оком.— Личиком и станом на диво благовидна.

— Григория Шеломинцева войскового старшины сношка...— похвасталась Марфа Петровна.

Харитина, накинув шубку, выбежала вслед за Фросей. Свет и блеск солнечного утра напугали ее. С минуты на минуту могла появиться погоня.

Фрося стояла в тени высокого крыльца, бледная.

— Сейчас я, мигом!— Харитина с неженской силой повернула кошеву, через минуту-другую, распахнув ворота база, вывела лошадей и с помощью подоспевшего работника завела их в оглобли.

— Куда, куда вы, оглашенные?— звонко закричала выскочившая на крыльцо крестная.

— Да мы только прокатимся, проветримся маненько,— так же голосисто отозвалась Харитина.

Бойкие казачата, лихо скакавшие по широкой улице, оседлав таловые прутья, увязались за кошевой.

— Тетенька, прокати!

— Садитесь.— Харитина враз осадила коней.— Всех не возьмем, а по выбору. Вот ты садись, и вы лезьте, и тебя, лупоглазого, посадим. Ну, держитесь крепче, а то разобьетесь — и меня посадят в кутузку. Есть тут у вас кутузка?

— Знамо есть. Обойдешься ли без кутузки?

Весело блестели глазенки, цвели румянцем лица.

— Почему это нельзя без кутузки?— спросила Харитина.— Кого вы туда запираете?

— Цыганов летом упрятали, когда они коней из табуна ладились украсть. Большевиков привозили, которые против бога и царя... А теперича свои — казаки — там сидят. Мы бегали, хотели поглядеть, когда их пороть собирались на круге, да старики нас прогнали...

— Кто же порол?— с дрожью в голосе спросила Фрося.

— Станичников, которы подюжей, выбирали.

«Бедный ты мой! Родной ты мой!»— опалила Фросю горькая нежность.

...Далеко разбежались по берегу Илека ладные дома Линевки. Просторны тут дворы, высоки добротные плетни. Похаживают по улице старики в полной казачьей форме, девки, с утра нарядные, мелькают резвыми стайками. Хотя и праздник, а ни игрищ, ни песен не слыхать.

— Гляди ты — кругом одни бабы да сивобородые хрычи!— Харитина, сдерживая бег коней, покосилась на довольных мальчишек.— Куда вы молодых-то казаков подевали?

— Казаки в поход ушли!

— А кто ж у кутузки караулить остался?

— Старики посматривают из станичной избы. У дверей кобель на цепи да замок агромадный. Небось, не убегут.

В переулке раздался дробный цокот копыт, и возле станичной избы возник буйный круговорот из конских грив и атласных крупов, над которыми заголубел хоровод бравых лампасников. Кони остановились, будто вкопанные.

Один из лампасников, веселый, цыгановатый, точь-в-точь из тех, что летом уводили станичных коней, слетел на землю.

— Фросенька! Да ведь это мы — свои, из Краснохолмска. Нестора и других ребят освободить хотим!

Такую силу имели его слова, что враз порозовела, ожила эта самая Фросенька.

...У кутузки залился и захлебнулся в воющем лае вставший на дыбы зверь. Кто-то из приезжих сунул ему папаху в пасть и, сразу скрутив, отбросил, как убитого волка — лапы на сторону. Брякнул засов, и из темноты, жмурясь на свету, выбежали молодые казаки.

— Нестор!— крикнула Фрося не своим голосом, увидев в толпе родное светлоглазое лицо под раскосмаченным чубом, и кинулась туда, по-ребячьи протягивая руки.— Нестор, миленький!

Услышав ее крик, Нестор круто обернулся, но не побежал навстречу, а точно остолбенел.

Не обращая внимания на столпившийся кругом народ, Фрося обхватила Нестора, торопливо целуя его куда придется, будто боясь, что вдруг кончится этот прекрасный сон и снова останется она одна со своими жестокими терзаниями.

— Нестор, родненький мой! Михаил сказал, что пороли тебя?..

— Собирались. Да тут протрубили поход, ну, они и отложили нашу казнь до возвращения с победой.

Женщины в толпе заговорили не таясь:

— Зря злобятся казаки. Зачем своих-то избивать?

— Чего ж вы в поход на Оренбург-то не ушли?— надсаживался какой-то старик.— Супротив всего казачьего войска идете! Бейте их, бабы, чем попало!

Но никто не отозвался на злобный возглас. Люди расступились с готовностью перед конным отрядом и упряжкой Харитины.

Есаульша Марфа Петровна стояла в стороне в крытой дорогим сукном меховой шубе, сжимая ядреные кулачки, и громко проклинала крестницу:

— Кабы знала заране, в купели бы утопила проклятущую! Неужто к большевикам переметнулась? И Нестор в кутузке оказался. Вот позору-то! Вот сраму-то!

К. ТЕЛЬЖАНОВ. ЗАПЕВАЛА.

На стройках города Тольятти. Обеденный перерыв.

Фото Г. Копосова
и А. Гостева.

Любовь Стефановна
СИВЕРСКАЯ.

Волжская ГЭС.

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

СПРАШИВАЕТ САМО ВРЕМЯ

Она рассказывает увлеченно, то смеясь, то с грустью, рассказывает о далеком украинском селе Новоставцы, что на Каменец-Подольщине, и о девчонках из своей бригады.

Она называет их по привычке девчонками и любит их, как любят людей, с которыми прожиты непростые, долгие годы.

— На Куйбышевгидрострое,— говорит она,—я уже семнадцать лет, день в день.

Семнадцать лет—это треть ее жизни, шесть тысяч дней и ночей на самых горячих стройках Тольятти.

Прошлой зимой в холле новенькой гостиницы в Набережных Челнах, куда она ездила с делегацией по обмену опытом, к ней подошел высокий худощавый человек и спросил:

— За что вам дали Золотую Звезду?

Она не сразу ответила. Пожала плечами.

— За работу...

Они проговорили весь вечер. Бригадир кровельщиков с Куйбышевгидростроя Любовь Стефановна Сиверская и поэт Евгений Евтушенко.

Потом появились его стихи:

Наверно, в малой звездочке
Так много скрыто тяжести,
Что к платью прикрепляете
Лишь в случаях торжественных...

Да, на рабочую спецовку Сиверская не прикрепляет ни Звезды Героя, ни других наград. Как и двенадцать ее подруг, из которых состоит бригада.

Кровельщицы... Ну что тут, казалось бы, сложного? Для тех, кто видел их только снизу, с улицы, конечно, все просто. Мелькают белые косынки на голубом фоне неба, подрагивает марево над горячим слоем битумной мастики.

Но когда начинаешь вдумываться, вглядываться в то, что сделано бригадой за многие годы труда...

С наколенниками, в рукавицах, они укрывали кровлей десятки цехов.

В штурмовые дни на ВАЗе, в коммуникационном тоннеле, каждый сантиметр гидроизоляционного покрытия приглажен их неутомимыми руками. Монтажники устанавливали колонны, а следом шла бригада Сиверской. Здесь нельзя было рассчитывать на помощь механизмов, где уж тут развернуться с механизмами, большими или малыми! Руки, только руки. Терпеливые, аккуратные, забывшие про усталость. Заливали бетон, вибрировали, где надо было—делали кирпичную кладку, прибетонку, а то и брались за малярные кисти.

— Я не раз говорила девчатам: у кого есть разряды, идите в бригады каменщиков. Там же легче. Но никто не ушел. Пусть труднее, говорят, зато в своей бригаде.

Любовь Стефановна умеет вспоминать. Все, до самых на первый взгляд незначительных деталей.

...В июле сорок первого года пришли в их тихое село гитлеровцы, и на три долгих года упала непроглядная ночь.

Семь раз пытались угнать Любу Сиверскую в далекий и страшный германский плен. И семь раз, обманывая охрану, бежала она с этапов. Пашнями, лесочками, сторонясь дорог, обходя посты полевой жандармерии, пробиралась в родные Новоставцы.

— Опять утикла?!—удивлялись соседи.

После седьмого побега—Бернадын—фашистская тюрьма в Изяславле. Камера на двадцать шесть человек, цементный пол и вахмистр по прозвищу Грубы. Он был толстым, этот разжиревший на крови боров, с тройным затылком, с резиновой плеткой в короткой, беспощадной руке.

Люба ненавидела его и боялась, потому что удар этой плетки причинял страшную боль. Но страшнее всякой боли был крик людей, которых истязали в пыточных камерах, этажом ниже.

Люба знала их.

Секретарь райкома комсомола Петро Дыда, председатель сельсовета Иван Сиверский и еще один Сиверский—Степан Степанович, командир Красной Армии. И Денис Таранский и его жена, тетка Наталья, с дочкой, родившейся здесь, в Изяславской тюрьме.

— Они были партизанами,—рассказывает Любовь Стефановна. И добавляет:—Гитлеровцы у нас в селе хозяевами только днем держались. А ночью и носа высунуть боялись. Ночью хозяевами были партизаны...

Их расстреливали в яме. Пятьдесят шесть человек. Истерзанных, полуживых, но не сдавшихся. До сих пор жжет огнем сердце, когда вспоминает Любовь Стефановна сырую, шевелящуюся глину, под которой умирали ее земляки, недострелянные автоматными очередями.

— Мне и восемнадцати тогда не было,—говорит она.—А того, что видела, и на сто лет хватило бы.

Ничего не забыто. Это была жестокая школа. Школа мужества, школа верности, школа ненависти и любви...

После войны работала Сиверская в родном селе, а потом уехала с мужем на строительство дорог в Ростовскую область. С какой-то неутолимой жадностью хваталась она за любое дело, было б только нужное людям, а что трудное оно для женских рук, так это не беда. Где сейчас те девчата из бригады землекопов? Помнят ли своего бригадира, с которым в послевоенные годы вели они дороги в рабочие города—Шахты, Артемовск?

Лесорубы Приморского края, помните ли вы Любу Сиверскую?

— Вы были и лесорубом?

— Еще каким!—смеется Любовь Стефановна.—Так махала топором, что щепки со свистом во все стороны.

Но семейная жизнь как-то не сложилась. Она уехала с Дальнего Востока вдвоем с сынишкой, с Толей. А муж остался там. Так получилось...

И вдруг повеяло весною,
Над Леной лебеди кричали,
А ты стояла на причале...
Шепча:
«Не все еще пропало...»
Перо из лебедя упало.
Оно немножко покружилось,
Потом в ладонь твою вложилось
И было теплым,
было добрым,
И ветви вишенной подобным.
А рядом,
вдруг сорвав застежку,
Солдат рванул свою гармошку.
И кнопок белые ромашки
По сердцу били без промашки.
Сказала ты:
«Окажь мне ласку!
Задай украинскую пляску!»
И подмигнул солдатик шало,
И шаль твоя так задышала,
Летя над шапками,
платками,
Прихваченная ноготками.
Ты так плясала,
как топтала
Все то, что прошлым ныне стало.
Ты так плясала,
как летела.
Туда,
куда лететь хотела...

Шестнадцатого апреля 1958 года разнорабочая Любовь Сиверская впервые пришла на строящееся здание Волжской ГЭС. В СМУ правого берега появился еще один рабочий человек, один из многих тысяч.

Вначале она боялась высоты. У нее захватывало дух и кружилась голова. Зажмурившись, перешагивала через широкие пространства «швов»—казалось, сейчас разойдутся они в стороны, и рухнет все вниз, в гулкую пустоту машинного зала.

Короткая учеба на курсах, всего лишь семьдесят часов, и она узнала, что такое газобетон, пенобетон, битумная мастика и мягкая кровля и как со всем этим надо обходиться.

— Я радовалась. Я с детства мечтала, разглядывая журналы: вот я иду в красной косынке с такими же, как на журнальных фотографиях, девчатами; заводские ворота, шумный поток людей, и я среди них—своя! Отец говорил: на врача тебя выучу. А мне хотелось к девчатам в красных косынках. И вышло, как мечталось.

...Строительно-монтажное управление № 2 треста Куйбышевгидрострой и первый заводской объект бригады Любы Сиверской—Волжский завод цементного машиностроения. Именно здесь оттачивалось мастерство бригады, здесь она проходила закалку, порой в полном смысле этого слова: сверху палило летнее солнце, снизу обдавал горячим дыханием раскаленный битум.

Здесь к Любови Стефановне пришла первая награда—медаль «За трудовое отличие».

А потом был Волжский автозавод. Тысячи и тысячи квадратных метров кровли, гидроизоляционных покрытий, бетон, теплоизоляция, химзащита—все делала бригада Сиверской. Бригада—подружки, рабочие люди, одно на всех дело, одна на всех судьба. Мария Григорьевна Фадеева, Надежда Сергеевна Якунина, Мария Ивановна Артемова... Маша, Надя, Люба—девчата. По-прежнему девчата, хотя и лет уже им немало. Да что года, был бы внутри человек молод.

— Я все знаю о своих девчатах.—Сиверская улыбается.—Ведь всяко бывает в жизни, правда? Не одни радости да веселье. У кого порой не поладится, кого обидят. У нас беда на

К 100-летию со дня рождения М. И. Калинина

ПО ЗАКОНУ ВЫСШЕЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

«...Когда про меня говорят: человек прошел тяжелый жизненный путь,— не нравится это мне, по совести скажу. Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжелой, а кажется богатой, и, главное,— сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты».

Михаилу Ивановичу Калинину шел шестьдесят третий год, когда он сказал эти слова. За плечами были голодное детство, юность, прошедшая в лишениях, ссылки, аресты. И долгие годы трудной, напряженной работы, посвященной строительству социалистического государства, нового общества.

Михаил Иванович Калинин вступил в ленинскую партию в 1898 году. Он руководил группой Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» на Путиловском заводе. В июле 1899 года М. И. Калинина арестовывают. 10 месяцев тюремного заключения — и лишение права проживать в столице. Но куда бы ни ссылали Михаила Ивановича, он ни на минуту не прекращал активной революционной деятельности, боролся за сплочение масс вокруг партии большевиков. Он работает на заводах в Тифлисе и Ревеле, нелегально возвращается в Петербург. Готовит рабочие стачки, сам участвует и руководит ими. В эти годы Калинин устанавливает связи с ленинской «Искрой».

Выступление М. И. Калинина в старой части Ташкента. (Февраль, 1925 год.)

Исторические Октябрьские дни 1917-го Калинин встретил в Петрограде. Он выполняет важные поручения ЦК партии по подготовке вооруженного восстания и участвует в его проведении.

Городской голова Петрограда. На его долю выпала труднейшая задача: организация городского хозяйства в первые месяцы после победы Октябрьской революции. Снабжение петроградцев продовольствием, водой, топливом, налаживание жизни в городе, борьба с саботажем, контрреволюцией, спекуляцией. Михаил Иванович самоотверженно отдает себя этой работе. Забота о трудовом человеке была для него всегда самым главным в жизни.

В марте 1919 года после смерти Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова Михаил Иванович по предложению В. И. Ленина избирается на этот высокий пост. И с тех пор, с 1919 по 1946 год, год смерти, М. И. Калинин работает на посту Председателя ВЦИК, ЦИК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Всесоюзный староста — с любовью и уважением называют Михаила Ивановича в стране.

всех поровну делится, как в доброй семье. Бывает, мужик у какой заколобродит, я и его за чупрун оттаскаю, чтоб в чувство вошел. Но чаще радость. Вот Рая Гаттарова была у нас в бригаде! Сейчас уже второй курс института заканчивает, производство стипендию ей платит. Будет из Раи хороший инженер Куйбышевгидростроя...

Куйбышевгидростроя... Это не случайно сказано Любовью Стефановной. Это слово значит для нее много. И не только для нее.

Куйбышевгидрострой — это Волжская ГЭС имени Ленина, уникальные химические заводы, Волгоцеммаш, ВАЗ, Оренбургский газоперерабатывающий гигант, кварталы юного Тольятти — все объединяется в этом емком понятии. И сделанное и то, что предстоит еще сделать.

Я встретил Любовь Стефановну недавно, в дни празднования 25-летия дважды орденоносного Куйбышевгидростроя. Вся светясь улыбкой, она издали помахала мне свернутой в трубку газетой.

— Читали?

Я понял, о чем она. ЦК КПСС и Совет Министров СССР поздравили рабочих, инженерно-технических работников и служащих Куйбышевгидростроя с досрочным выполнением задания девятой пятилетки. Это приветствие, взволновавшее всех гидростроевцев, кончалось так: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают твердую уверенность в том, что принятые вами повышенные социалистические обязательства в честь предстоящего XXV съезда КПСС будут также успешно выполнены и коллектив Куйбышевгидростроя умножит свои успехи на новостройках десятой пятилетки во имя укрепления могущества нашей великой Родины».

— Большой это почет нам,— сказала Любовь Стефановна,— на всю страну. И доверие. Видите, как написано: «...выражают твердую уверенность».

— А где сейчас работает ваша бригада?— спросил я.

— На строительстве жилья в Центральном районе Тольятти. Ведем кровлю и благоустройство. А потом на третью очередь азотнотукового завода перейдем. Гидроизоляцию будем делать, знакомая работа.— Она засмеялась, но потом лицо ее стало серьезным.— Девчата в бригаде решили: все предсъездовские дни объявить ударными, а в дни съезда работать на сэкономленных материалах.

Я знал уже о предсъездовских обязательствах бригады Сиверской: «Производственное годовое задание выполнить к 20 ноября.

Давать ежедневную выработку не ниже 120 процентов, за счет внедрения научной организации труда сэкономить 1800 рублей. Шестерым в бригаде (из 12) повысить свое мастерство и сдать на четвертый разряд».

В предсъездовских обязательствах Куйбышевгидростроя, объединяющего 14 крупных строительных трестов,— миллионные цифры: досрочный пуск целых заводских комплексов, завершение строительства десятков жилых домов, школ, детских садов, дворцов культуры. Но все это складывается из побед сотен и сотен рабочих бригад, среди которых и бригада Сиверской.

— Куйбышевгидрострой для меня,— говорит Любовь Стефановна,— считайте, сама жизнь. Все дела мои в нем, и в радости и в горести вместе мы.

Да, для нее Куйбышевгидрострой — это два ордена Трудового Красного Знамени и Золотая Звезда Героя, это родная бригада, где зовут ее «мамой Любой».

Сама,
а не по чьей-то милости
рабочим классом становилась ты.
И, улыбаясь людям,
городу,
держать иначе стала голову.
Тебе давно за сорок стукнуло,
а возраст
будто ветром сдунуло,
хотя девчата —
черти глупые —
тебя прозвали
«мамой Любой».
Ты честь крестьянки с Украины
на кровлях тех не уронила,
и стала кровля
новой пашней
крестьянки,
может быть, всегдашней.
Не страшно даже ночью маяться:
ведь мир — он с кровли начинается.

«И, улыбаясь людям...» Очень точно найденные слова. В них жизненная суть Любови Стефановны Сиверской. Столько горя, потерь ей выпало в юности, столько нелегкого труда на всю остальную жизнь, а она улыбается открыто, от всей души. Улыбается людям, радуется тому, что они рядом, вместе с ней. И товарищи по бригаде, и сын Толя, хороший трудовой парень, студент-вечерник, достойный продолжатель всего, начатого Любовью Стефановной.

Каждый год — не пропустила ни одного — едет она на Украину, в родное село Новоставцы.

— Здравствуйте, мамо!..

И летит по селу весть: к Пелагее Сиверской дочка приехала. И собираются в просторной хате родня да соседи, слушают рассказы о далекой Волге, о домах и заводах, которые строила дивчина из их села, та самая Любка, что семь раз утикала от фашистов. Дивятся, качают головами, вздыхают:

— Трудненько тебе там. Такие дела великие...

Да, трудно. Героям всегда трудно, на то они и герои. С них спрос другой. И спрашивают не только люди, спрашивает само время.

— Вы гений, Любовь Стефановна,— сказал ей на прощание Евтушенко.

— Да вы что?! — Она глянула на него, махнула рукой, рассмеялась.— Нашли тоже гения...

Но спорить с поэтом бесполезно. Поэт все равно написал по-своему:

Гениальны матери Земли —
Пусть не все им гении достались.
Гениальны все, кто помогли
Людям, чтоб людьми они остались.
«Ненормален гений» — чей навет?
Врут, наверно, те,
кто ненормальны.
Гений — вот нормальный человек.
Мама Люба тем и гениальна.
Дайте провожу я вас домой —
Ведь сейчас кругом такая вьюга,
Добрый гений всей страны моей,
Кровельщица, наша мама Люба.

г. Тольятти

Е. АСТАХОВ.

Но какими бы серьезными государственными делами ни занимался М. И. Калинин, он считал своим долгом уделять внимание важнейшей стороне партийной работы — вовлечению женщин в социалистическое строительство, их полному равноправию, становлению и развитию их личности.

Свое первое партийное поручение по работе среди женщин М. И. Калинин выполнял еще в предреволюционные годы, когда руководил подпольным марксистским кружком на петроградском заводе «Айваз». Участницы кружка — пятнадцать боевых, энергичных активисток профсоюза металлистов не только знакомились с учением Маркса и Ленина. По заданию Михаила Ивановича они изучали условия жизни рабочих семей, чтобы оказать материальную помощь особо нуждающимся, организовывали работу системы страхования, держали под контролем деятельность правления больничных касс. Проводили сборы в фонд газеты «Правда». Распространяли первые номера «Работницы». Женщин на «Айвазе» было не так уж много. Чаще, чем на других, на них обрушивался гнев заводской администрации. И тогда самыми горячими защитниками работниц становились кружковцы.

М. И. Калинин много сделал для теоретической и практической разработки вопросов социалистической нравственности и морали. В статьях и беседах он выступал яростным противником тяжкого груза старых обычаев и представлений, ставивших женщину в неравноправное положение в семье и обществе.

...Дом на Воздвиженке. Известная всей стране Приемная Михаила Ивановича. Правда, работал он не только здесь: выезжал по делам в самые далекие уголки страны, встречался с рабочими, беседовал с крестьянами, молодежью.

Сохранились фотографии о поездке М. И. Калинина в 1925 году в Ташкент. Михаил Иванович выступил тогда перед узбекскими женщинами. Многие из тех, кто пришел его послушать, еще не решались снять паранджу.

В годы коллективизации М. И. Калинин совершает поездки по стране, помогает партийным органам и Советам в создании колхозов и совхозов. Он постоянно подчеркивает, какие огромные возможности открывает коллективизация для улучшение жизни крестьянки.

10 октября 1927 года в Большом театре Союза ССР М. И. Калинин открыл Всесоюзный съезд работниц и крестьянок — членов Советов города и деревни. Он горячо приветствовал делегаток и с радостью отмечал, что из года в год увеличивается число женщин как в советских органах, так и во всех общественных организациях. «Я не сомневаюсь также и в том,— говорил он,— что работницы и крестьянки, съехавшиеся в столицу нашего социалистического государства, сумеют на деле доказать высокое понимание стоящих перед ними задач в области осуществления счастья трудовых масс».

Выступая перед женщинами, М. И. Калинин всегда подчеркивал величайшую роль женщины-матери как воспитательницы молодого поколения. «Мать хороша — хороши и дети»,— любил говорить Михаил Иванович.

Мне приятно напомнить читателям «Работницы», что М. И. Калинин уделял большое внимание этому журналу. В 1933 году «Работница» была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Председатель ЦИК СССР прислал теплое поздравление и «горячий пролетарский привет организатору женских масс — всесоюзному журналу «Работница», его активу, рабкорам и читательницам».

Михаил Иванович постоянно думал о будущем страны, о молодежи, которой предстоит его строить. С мудростью, с опытом много повидавшего в жизни человека размышлял он о коммунистическом воспитании молодого поколения. В книге, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», он писал: «Коммунистические принципы, если взять их в простом виде, это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это — любовь к социалистической родине, дружба, товарищество, гуманность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому. Воспитание, выращивание этих свойств, этих высоких качеств и является важнейшей составной частью коммунистического воспитания».

Почти 30 лет нет с нами М. И. Калинина, человека, отдавшего все силы своего недюжинного ума, весь жар души тому, чтобы жизнь шла согласно коммунистическим идеалам, по закону высшей человечности.

Имя Михаила Ивановича — всесоюзного старосты дорого не только тем, кто знал его при жизни, но и юному поколению, тем, кто приходит в эти дни к нам, в Калининский музей, чтобы дать здесь свою первую пионерскую клятву на верность Родине, коммунизму.

Л. ГУСЬКОВА,
директор Государственного музея М. И. Калинина в Москве

ТВОЯ СОВРЕМЕННИЦА

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

Мазгар Тахира.

...Шел ноябрь 1971 года. В Пакистане, переживавшем глубокий политический и экономический кризис, усилились репрессии против прогрессивных, демократических сил.

Особенно напряженной была обстановка в Лахоре. В этом втором по величине городе Пакистана находились центры разного рода реакционных и экстремистских организаций.

...Раннее утро. По проспекту Моул-роуд от мечети Бадшахи движется разъяренная толпа. Стрельба, крики. Звенят стекла разбитых витрин. Миновав офис Пакистанской авиакомпании, толпа поворачивает на узкую улицу. Здесь располагаются здание, в котором проводят свои собрания Общество пакистано-советской дружбы и штаб Демократической ассоциации женщин, большой магазин, где продается литература и периодика Советского Союза и других социалистических стран. Полицейских не видно. Власти в курсе дела, но не хотят мешать провокаторам. Толпа с криками подходит к дому Секретариата ассоциации женщин. Но тут дорогу ей преграждают. Крепко взяв друг друга под руки, стоят женщины. Одна из них, немолодая, в темном сари, выходит вперед. Это Мазгар Тахира, известная общественная деятельница, президент Демократической ассоциации женщин Пакистана.

— Остановитесь, образумьтесь!— обращается Мазгар Тахира к толпе.— Мужчины, разве нет у вас своих семей, жен, детей и стариков? Вас толкают на убийства негодяи!

— Мэмсаб Тахира, уйди с дороги и уведи своих женщин!— кричат из толпы.

— Нет, мы не уйдем.

И по знаку Тахиры все женщины садятся на землю, заняв тротуар и проезжую часть дороги. Вырвавшись из толпы, к Тахире метнулся какой-то человек. В руках стеклянная банка. Взмах — и струя обжигающей жидкости плещет в сторону Мазгар Тахиры... Серная кислота. Тахиру спасает случай — серная кислота разливается по земле у ее ног.

На какое-то мгновение наступает тишина. Даже в толпе хулиганов многие не ожидали такой выходки.

«Трусы! Негодяи!» — скандируют вслед за Тахирой женщины. К ним присоединяются прохожие. Вылазка провокаторов сорвана. Воспользовавшись общим замешательством, скрывается в глухом переулке и неизвестный...

Я хорошо знаком с Мазгар Тахирой. Ее поступок, предотвративший тогда беду, меня нисколько не удивил. Такой уж она бесстрашный человек.

Родом Тахира из аристократической семьи. Ее отец, богатый пенджабский помещик, дал дочери блестящее образование. У нее были все возможности жить безбедно, не отказывая себе ни в чем, совершать заграничные турне, как это принято в их кругу... Но Тахира избрала иную жизнь. Со студенческой скамьи она посвятила

себя служению народу, борьбе за освобождение женщин. Ей посчастливилось встретить человека, близкого по духу, по убеждениям,— Мазгара Али Хана, прогрессивного публициста, участника национально-освободительного движения против английского колониального ига. Тахира стала его женой. С этого дня у них одна дорога.

В жизни Мазгаров, как и других прогрессивных деятелей Пакистана, было много нелегких испытаний. В 1947 году в результате раздела бывшей английской колонии появились две страны: Индия и Пакистан. Буржуазно-помещичья верхушка, пришедшая к власти в Пакистане, не собиралась вносить в жизнь простого народа никаких изменений. Страна по-прежнему оставалась бедной, народ — бесправным. Жестоко подавлялись любые прогрессивные, демократические настроения. В 1954 году Пакистан становится членом СЕАТО, а спустя год — СЕНТО — агрессивных военных блоков, участие в которых на продолжительное время определило внешнеполитический курс страны.

В это тяжелое для всех истинных патриотов время семья Мазгаров продолжает борьбу. Они с теми, кто выступает за мирную политику Пакистана, за установление связей со странами, где победила народная власть, за сотрудничество с Советским Союзом. В стране возникают и действуют многочисленные кружки, клубы, общества друзей Советской страны. В их создании в Лахоре принимают активное участие Мазгар Али Хан и Тахира.

Противники прогрессивных преобразований, шовинистические и религиозные организации Пакистана сеяли в народе враждебное отношение к первой в истории стране социализма.

Травили тех, кто был постоянен в своих симпатиях к СССР. Хулиганье из правых совершало налеты на дома демократически настроенных людей. Не раз устраивались погромы и в квартире Мазгаров. Однажды бросили гранату... К счастью, никто из членов семьи не пострадал. Пытались похитить их маленького сына Тарика. Провокаторы звонили Мазгарам по телефону, грозили физической расправой.

Но Мазгар Али Хан и Тахира были среди тех, кто оставался верными друзьями Советской страны.

— В трудные минуты жизни мы всегда обращались к Ленину,— рассказывали они мне при встрече.— В его трудах находили ответы на вопросы, которые ставила жизнь.

...В декабре 1971 года, потерпев полное политическое банкротство и военное поражение в вооруженном конфликте с Индией, пал военный режим Яхья Хана. Произошли важные перемены в экономике страны: под контроль государства был передан ряд ведущих промышленных предприятий, проведена национализация частных пакистанских банков, нескольких крупных судоходных компаний. Изменился и внешнеполитический курс страны. В 1972 году президент Пакистана З. А. Бхутто посетил Советский Союз. Этот визит заложил основы улучшения советско-пакистанских отношений. На совещании представителей демократических организаций Пакистана в 1973 году Мазгар Али Хан избирается председателем, а Тахира — заместителем председателя учредительного комитета Всепакистанского комитета защиты мира. Мазгары представляли свой народ на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, состоявшемся в Москве. Когда было возрождено Общество пакистано-советских культурных связей, Тахира вошла в состав его центрального правления от Демократической ассоциации женщин Пакистана.

Мазгар Тахира говорит, что все эти перемены в стране и разрядка напряженности на международной арене благоприятствуют тому, чтобы прогрессивные пакистанцы могли вплотную заняться своими внутренними неотложными делами.

— А их много,— рассказывала мне Тахира,— много проблем, оставленных нам в наследство колониальным прошлым, реакционным, антидемократическим режимом, который господствовал в стране более двух десятилетий. В Пакистане всего 15 процентов грамотного населения. Бывший президент Яхья Хан, урезавший почти на 40 процентов и без того скудные ассигнования на развитие высшего образования, планировал превратить университеты в военные училища. Он как-то сказал: мне нужны грамотные артиллеристы, танкисты и авиаторы, а штатских инженеров мы всегда можем найти за рубежом... Вот и имеем мы на весь Пакистан немногим более девяти тысяч инженеров. А ведь надо развивать экономику, бороться с нищетой.

Что сделано на пути развития образования в стране? — продолжала Тахира.— Новый режим ввел бесплатное восьмилетнее образование, повысил плату преподавателям. До 1979 года должно быть введено обязательное пятиклассное образование для мальчиков и до 1984 года — для девочек. Предстоит национализировать частные и упразднить привилегированные учебные заведения. До 1980 года намечено создать 10 тысяч центров по ликвидации неграмотности среди взрослых. Это очень важно для женского образования.

Мы беседовали с Тахирой и о начавшемся в стране процессе раскрепощения женщин.

— Ношение паранджи унизительно,— сказала она.— Но не это самое страшное. Вредны и страшны те дикие обычаи и предрассудки, которые не дают нашей женщине возможность приобрести квалификацию, учиться, воспитывать детей. Мы, все те, кто работает среди женщин, всячески пропагандируем пример женщин Советской Средней Азии, сбросивших оковы бесправия и угнетения.

Практически только сейчас в Пакистане делаются первые шаги по предоставлению женщинам права на труд, образование. Женщин стали чаще брать на работу в учебные и медицинские учреждения. Государство в законодательном порядке защищает права женщин, запрещены ранние браки. Но приверженцы старины (а это в основном представители правых организаций и в особенности «Джаамате-и-Ислами») против перемен.

Весной 1973 года на заседании Национальной ассамблеи произошел инцидент, о котором писали в газетах. Во время обсуждения проекта конституции страны группа депутатов от религиозных партий выдвинула требование: записать в конституцию, что президентом страны может стать только мужчина.

Аргументация? Судьбой, дескать, давно предписано женщине быть только женой, поддерживать семейный очаг. Один из депутатов — мулла с серьезным видом утверждал, что наводнения и тайфуны в Пакистане, участившиеся в последнее время,— результат того, что женщина слетала в космос, а мусульманки, проводя собрания в ее честь, провинились перед аллахом.

Министр просвещения Хафиз Пирзада, выступивший на этом заседании, осудил тех, кто тормозит процесс прогрессивных преобразований, лишает женщин возможности участвовать в строительстве новой жизни. Дебаты на эту тему отняли у депутатов полдня. Представители оппозиции стучали кулаками, свистели. Но в конце концов их поправки были отвергнуты. Газеты смягчили остроту инцидента, изобразив его как бунт мулл. Однако на самом деле этот эпизод отражает сложную и трудную проблему, для решения которой потребуются время, усилия не только властей, но и всей прогрессивной общественности страны.

Тахира рассказала мне о том, что делает в этом направлении Демократическая ассоциация женщин, которой она руководит.

— Чтобы представить размах нашей работы, мало перечислить проведенные нами мероприятия. Например, мы организуем для женщин центры по ликвидации неграмотности. А знаете ли, что за этим стоит? Надо приложить максимум умения, найти правильный подход, чтобы убедить женщин пойти учиться. Ведь мусульманские догмы запрещают женщине появляться в людных местах. Против обучения своих жен, дочерей восстают некоторые хозяева дома — мужчины. И все-таки активистки нашей организации добились больших успехов: тысячи таких центров существуют сейчас в разных районах Пакистана. Большую помощь члены ассоциации оказывают медикам. Когда проводят вакцинации населения против эпидемических заболеваний, то на медицинские пункты, как правило, являются одни мужчины: женщинам коран запрещает показывать обнаженное тело. И тогда в семьи мусульманок отправляются наши активистки. Убеждают, разъясняют значение профилактических мер.

Особенно сложно работать в северных районах Пакистана, где сильны отжившие традиции.

Я знаю, как много сил отдает работе с женщинами сама Тахира. В ее доме я не раз встречал активисток ассоциации, приехавших к ней издалека за советом или помощью. Во время нынешней мушайры (соревнование поэтов) по настоянию Мазгар Тахиры впервые звучали стихи, посвященные женщине-патриотке. Это — явление, необычное для Пакистана.

— Особое внимание,— рассказывала Тахира о ближайших планах своей организации,— мы намерены обратить на студенческую молодежь, девушек, которые обучаются в вузах. Образованная молодежь не должна забывать, в каком она долгу перед своими сестрами, которые все еще живут в темноте и невежестве.

...Совсем недавно я встретился с Мазгаром Али Ханом: он оказался в Москве проездом в Стокгольм, на сессию Всемирного Совета Мира. Вспомнили прошлые встречи, пережитые тяжелые дни. Я спросил, как поживает Тахира.

— Вся в общественной работе,— улыбнулся он.— Бывает, неделями не видим друг друга. Не знаю, откуда у нее берется столько сил. Недавно организовала в Лахоре и Карачи выставку о жизни женщин в СССР. Выставка имела большой успех. Она наглядно показала, на что способна раскрепощенная женщина. Муллы и религиозные фанатики были просто взбешены. По почте и по телефону посыпались угрозы: если Тахира не прекратит своей деятельности, ее ослепят, а меня зарежут... Не секрет, что у нас в стране еще есть силы, не заинтересованные в укреплении дружбы с Советским Союзом. И знаете, как Тахира ответила на эти угрозы? Она бесстрашно одна явилась на митинг, который проводила реакционная организация «Джаамате-и-Ислами». Такова моя Тахира. Как всегда, постоянна в своих убеждениях, верна в дружбе, отважна в борьбе.

Москва — Лахор.

А. ФИЛИППОВ,
корр. «Правды»

НЕ КОНЕЦ, А НАЧАЛО

Если перелистать подшивки ведущих газет европейских столиц за последние недели, то практически в каждом номере можно увидеть большие статьи, комментарии и просто упоминания об итогах работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, ссылки на его Заключительный акт. Журналисты, политические деятели сверяют сегодня значение той или иной правительственной встречи, дипломатической акции, договора в экономической или культурной области с тем, насколько они соответствуют духу и букве обязательств, торжественно принятых 33 европейскими странами, США и Канадой в Хельсинки. Это говорит о том, что Заключительный акт становится действенным инструментом в современных международных отношениях, нормативом развивающейся и закрепляющейся разрядки.

Возьмем любое событие последних месяцев. XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН поставила на повестку дня в качестве важного и срочного предложенный Советским Союзом вопрос «О заключении договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия». Этот шаг продиктован стремлением дополнить политическую разрядку мерами по ослаблению напряженности в военной сфере, о чем, как о главной цели сегодняшнего дня, говорилось на совещании в Хельсинки. Заботой о практической реализации решений общеевропейского совещания проникнуты документы, подписанные в Москве в результате переговоров, проходивших во время официальных визитов руководителей ряда европейских стран. Важнейшее значение решений совещания подчеркивалось во время визита Президента Португалии Франсиску да Кошта Гомеша в СССР. В советско-португальской декларации говорится, что решения совещания — это долгосрочная программа деятельности по укреплению мира, безопасности и налаживанию равноправного сотрудничества. Стремление к осуществлению хельсинкских резолюций в плане двусторонних отношений между государствами продемонстрировал визит в Москву Президента Франции В. Жискар д'Эстэна.

Пример, поданный в Хельсинки странами европейского континента, вдохновляет и тех, кто борется за разрядку напряженности и безопасность в других районах земного шара. На повестку дня в Азии встал сейчас вопрос о том, как обеспечить мир в этом районе коллективными усилиями всех заинтересованных стран. Глава государства и премьер-министр Афганистана М. Дауд, отвечая на вопросы корреспондента турецкой газеты, как азиатские страны оценивают возможность принятия документа, подобного хельсинкскому акту, сказал: «Я не сомневаюсь, что как Европа, так и Азия нуждаются в мире. Если однажды азиатские народы коллективно придут к такому мнению, то подобное заявление гарантирует их будущее счастье».

Идея создания атмосферы безопасности в Европе далеко не нова. Она всерьез обсуждалась еще в тридцатых годах, но ее осуществление сорвала агрессивная политика фашистских государств. В 1954 году на совещании в Москве социалистические страны призвали все государства континента независимо от их политического строя создать систему коллективной безопасности. И хотя в тот период, в разгар «холодной войны», идея не нашла должного отклика на Западе, само ее существование в значительной степени разрядило грозовую атмосферу в Европе.

В июле 1966 года участники совещания Политического консультативного комитета государств Варшавского договора, которое состоялось в Бухаресте, предложили созвать общеевропейское совещание для обсуждения вопросов обеспечения безопасности в Европе и налаживания сотрудничества между государствами этого континента.

Активная борьба за созыв общеевропейского совещания длилась свыше шести лет. Популярности этой идеи способствовало то, что именно во второй половине шестидесятых годов реально наметилось улучшение двусторонних политических и экономических отношений между государствами Востока и Запада. Наиболее показателен был поворот в отношениях между СССР и Францией. Встречи Шарля де Голля, а позднее Жоржа Помпиду с Л. И. Брежневым и другими советскими руководителями положили начало дружественным политическим консультациям между нашими странами.

Сформирование правительства «большой коалиции» в ФРГ расчистило дорогу для проведения в жизнь новой восточной политики западногерманского государства. В 1970 году подписываются договоры между СССР и ФРГ, между Польшей и ФРГ, которые стали важной вехой на пути от «холодной войны» к разрядке напряженности. Эти договоры закладывают фундамент развития добрососедских отношений на континенте, закрепляют принципы нерушимости границ в центре Европы.

Большую роль в подготовке совещания сыграла позиция нейтральных и неприсоединившихся государств Европы. Особо стоит отметить инициативу Финляндии, которая еще 5 мая 1969 года предложила свои услуги в подготовке и проведении совещания.

Важным фактором было улучшение отношений между СССР и США — крупнейшими промышленно развитыми и обладающими наибольшим военным потенциалом странами мира. Выражением этого сдвига явились встречи Л. И. Брежнева и других советских руководителей с президентами США и подписанный в мае 1972 года в Москве документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки».

И, наконец, одним из важных моментов, способствовавших созыву совещания, бесспорно, было мощное развитие в эти годы широкого общественного движения в Европе за безопасность и сотрудничество в этом районе земного шара.

К лету 1972 года сложились все предпосылки и возможности для начала конкретной подготовки к совещанию. Страны Варшавского договора на совещании в Праге выдвинули свои предложения по основным принципам безопасности и отношений между государствами Европы. На сессии Совета НАТО в Лиссабоне страны Атлантического союза тоже высказались в пользу совещания и поставили свои условия. Была достигнута договоренность о проведении совещания в три этапа и намечены задачи, которые должны быть достигнуты на каждом из них.

Летом нынешнего года мир стал свидетелем исторического события — успешного завершения общеевропейского совещания. Однако борьба за безопасность и сотрудничество в Европе отнюдь не заканчивается с завершением его работы. Наоборот, успех исторического форума открывает новые направления этой благородной деятельности, закладывает ее правовую и политическую базу.

В Вене идут переговоры по взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе. В Женеве советские и американские делегаты работают над проблемой сокращения стратегических, ракетно-ядерных вооружений. В Женеве же продолжает свою работу всемирная конференция по разоружению.

Свертывание военной промышленности, разоружение и на базе высвободившихся от этого средств — стремительный взлет экономического, научно-технического сотрудничества, совместная защита окружающей среды, развитие культурного обмена, человеческих контактов — вот очередная и срочная проблема.

«Задачу задач мы видим сейчас в том, чтобы перейти к практическим шагам в области прекращения гонки вооружений, сокращения вооружений и вооруженных сил,— сказал, выступая на приеме в Кремле в честь партийно-государственной делегации Германской Демократической Республики Л. И. Брежнев.— Этого прежде всего ждут народы от государственных деятелей, провозглашающих свою приверженность делу мирного сосуществования и разрядки. Свое веское слово призваны сказать по этому важнейшему вопросу широкие массы, общественные силы европейских стран».

Те деятели на Западе, кому не по нутру происходящее в мире потепление международного климата, пытаются подхлестнуть гонку вооружения, видя в ней средство ослабить благотворное воздействие итогов совещания в Хельсинки. К ним примыкают пекинские раскольники, не скрывающие своего озлобления тем, что рушатся преграды, которые они в течение многих лет устанавливали на пути к достижению доверия и взаимопонимания между народами, что теплое дыхание международной разрядки растапливает последние айсберги «холодной войны». Стремясь затормозить движение к прочному миру, они выдумали пропагандистский тезис: результаты общеевропейского совещания выгодны-де только Советскому Союзу, Запад, дескать, должен усилить свой нажим на социалистические страны, расширить свое влияние на их внутренние дела.

Едва успев подписать торжественные обязательства Заключительного акта, кое-кто в капиталистическом мире уже нарушает его важнейшие положения, в частности пункт о невмешательстве во внутренние дела других народов, о чем свидетельствуют события в Португалии. Развязав террористическую кампанию, режим Франко в Испании грубо попрал те разделы Заключительного документа, которые трактуют проблемы демократических свобод и прав человека.

Социалистические государства, прогрессивные силы на Западе дают решительный отпор всем тем, кто тоскует по временам «холодной войны». Совещание в Хельсинки открывает начало нового этапа борьбы за превращение разрядки в необратимый процесс. Этому делу должно служить и развитие межгосударственных контактов, имеющих цель конкретизировать выполнение обязательств, принятых в Хельсинки, и всемерное развитие взаимовыгодного экономического, научного, культурного сотрудничества, и расширение действий миролюбивой общественности стран Европы.

Ю. ХАРЛАНОВ,
корр. «Правды»

Из памирского блокнота

КАК ГЛОТОК НАДЕЖДЫ

Т. РЯБИКИНА

Зебуниссо Шадманова.

Фото А. КУРБОНМАМАД.

Доктор Шадманова была на выезде, я ждала ее на пункте «Скорой помощи». Сторожиха, грузная пожилая таджичка, вынесла табуретки за порог, и мы уселись с нею в теплом звездном дворике под пирамидальными тополями.

Как только вскрикивал телефон, дежурная с неожиданной для ее веса легкостью срывалась с табуретки, старательно записывала фамилию больного, возраст, температуру, время вызова и адрес. Когда на пункте есть кто-то из медиков, вызовы принимают они, но сейчас все в разъезде. Если разговор затягивался, сторожиха называла имя дежурящего сегодня врача,— не фамилию, а просто имя, причем не Зебуниссо Ходжамовна, а Зебо. И, видимо, известное это имя было для встревоженных людей глотком надежды...

Играла близкая музыка в городском парке. Через дворик, сокращая расстояние, спешили парни в джинсах и приталенных рубашках—тут тебе и горошек, и полоска, и цветочек; плыли девушки в платьях и национальных штанах; впрочем, укороченное платьице порой напоминает блузу брючного костюма. И еще я приметила хитрый девичий компромисс: не посягая на традиционные косы, некоторые девушки выстригают челку и густые пряди у ушей, так что спереди кажутся стриженными.

Пора студенческих каникул. Спроси сейчас у прохожих, где они учатся, кто-нибудь назовет Душанбе, или Киев, или Томск. Во всяком случае, заведующий облздравотделом Маснавшо Мирзобеков рассказывал мне, что пополнение медиков—около 100 девушек и юношей с Памира—готовят сейчас для Горно-Бадахшанской автономной области в разных вузах страны. И уже сегодня работают здесь 137 врачей с высшим образованием, 650 специалистов со средним медицинским.

Маснавшо Мирзобеков сыплет именами земляков—кандидатов наук и даже докторов. Правда, «остепененных» домой не заманишь, разве что на лекцию или на консультацию, но открыли же на Памире Биологический институт Академии наук Таджикской ССР, почему же не помечтать Маснавшо Мирзобекову и о медицинском научном учреждении? Он настоящий летописец здравоохранения края. Сам начинал врачом в районе, потом стал главврачом областной больницы и вот уже больше десяти лет возглавляет облздравотдел.

Какую захватывающую лекцию прочел он мне при знакомстве! Узнала, что памирское здравоохранение начиналось практически с нуля: Советская власть получила в наследство единственную больничку на 15 коек, ютившуюся в кибитке. «В 28-м приехал к нам врач Мильберг с женой. В архивах читаю его отчеты: туберкулез, трахома, оспа, тифы, бытовой сифилис...» Недаром басмачи преследовали первых врачей как проводников идей революции: врачи на практике доказывали горцам, что такое забота новой власти о трудящемся человеке. «А сегодня в области 22 больницы, 18 поликлиник и амбулаторий, 100 фельдшерско-акушерских пунктов. В перспективе на десятую пятилетку—строительство областной больницы, областной санэпидстанции, больниц в Ванче и Мургабе...»

Да, тем студентам, что нынче набираются знаний в Душанбе и Томске, будет простор для применения знаний. Только бы посерьезнее учились.

...Снова звонок—дежурная бежит к телефону, и снова я слышу, как она успокаивает ожидающих именем Зебо Шадмановой.

Вернулась машина, но с другим врачом. Сменили что-то из инструментов, просмотрели записи журнала, уехали. Заглянул на минутку муж Зебо. Видно, привел с улицы домой дочек, покормил их, умыл, уложил спать... Время летних отпусков, врачей не хватает, и Зебо, главный акушер-гинеколог области, дежурит в «Скорой помощи» после рабочего дня.

Добавлю—дня напряженнейшего. С утра я была в больнице, где Шадманова возглавляет отделение. Сюда со всей области привозят женщин, у которых серьезно осложнена беременность, здесь же и родильное отделение и гинекология. Зебо проводила обход вместе с молоденьким доктором Амирбегим Файзовой («Пожалуй, из нее получится врач,—скажет Зебо потом про Амирбегим.— Знания — само собой. Она больных не делит: та мне нравится, а та нет»). Потом они вели осмотр, а в это время у одной из женщин начались роды, и врачи скрылись в святая святых—там, где русло материнской жизни распадается на два рукава и тоненький ручеек течет уже самостоятельно рядом с рекой, рядом, но самостоятельно...

Наконец подкатывает машина с красным крестом, и Зебо выходит—высокая, легконогая. Мне не удивилась: «Хотите поездить с нами? Вот и хорошо, дорогой поговорим, иначе времени не выкроить».

Сторожиха успела заварить чай, и Зебо, устало отхлебывая из пиалы, склонилась над журналом: «Что тут? Так, этого больного я знаю, очень любит человек лечиться. Сам звонил? Температура невысокая. Володя, поедете вы,—говорит она практиканту.—А мы в кишлак Сочхар, у девушки подозрение на аппендицит. Может, там что-нибудь и по моей части».

Мне говорили, что Зебо Шадманову прямотаки одолели фотокорреспонденты. Она человек деликатный и исполнительный, но когда звонят и просят встретиться с фотокорреспондентом, она уклоняется. Потому что появись фотография в газете или журнале, на дом обрушивается поток писем, и некоторые из них не нравятся мужу.

А фотокорреспондентов легко понять. Зебо не просто обаятельна, в ее лице неповторимость: в едва заметной асимметрии губ улавливаешь горечь мудрости, а в глазах юная открытость. И довольно внушительна подпись под портретом молодой красивой женщины: «Главный акушер-гинеколог Горно-Бадахшанской автономной области. Член ЦК Коммунистической партии Таджикистана».

Практикант Володя, напряженно-серьезный, уезжает в одну сторону, мы отправляемся в другую. Вот уже Хорог с его огнями позади. Слева в ущелье грохочет река, а справа стена горы.

В дороге Зебо рассказывает, что предыдущий ее вызов был к простуженному ребенку. Малыш температурит вторые сутки, живет семья рядом с поликлиникой, а не удосужились отнести ребенка туда или вызвать на дом педиатра.

— Мать не может отлучиться—у нее еще меньший на руках. Для нас такое типично, пять-шесть детей, а то и десять. Так что женщину отчитывать язык не поворачивается. Но разве муж не мог вызвать педиатра? Дотянули до неотложки...

— Отругали мужчин?

— Еще как. А если бы вызвали врача, когда уже поздно? Прописная же истина—погасить уголек гораздо легче, чем погасить пожар. Не запускайте! Не тяните! Твержу и твержу, на языке мозоль—профилактика, профилактика, профилактика... Это главнейшая задача—профилактические осмотры. Так думаете, легко женщин осмотреть?

— Пока ничего не беспокоит, к врачу не выберешься.

— Вот-вот. Медик за женщиной по пятам ходит, буквально по пятам, а она ссылается на занятость. Когда заболит что-то, прибежит. Но мы-то с врача или фельдшера спросим: почему проглядел, для чего мы обучали тебя новым методам диагностики, для чего завозили оборудование? Для него не оправдание, что женщина живет в далеком кишлаке и что, когда он туда приезжал, специально приезжал для профилактического осмотра, она от него пряталась, о собственном здоровье не беспокоилась.

* * *

Зебо окончила институт двенадцать лет назад. Невольно удивишься — всего двенадцать?— узнав об авторитете доктора Шадмановой. Когда она консультирует в поликлинике (для этого выделены определенные дни и часы), очередь перед ее кабинетом внушительная. Хотя есть и другие врачи, хотя главный специалист области должен бы консультировать лишь в особо сложных случаях, женщины просятся к ней. Может быть, вылечила мать или сестру. Может, кто-то узнал про доктора Шадманову от соседки. Как бы там ни было, а часы приема затягиваются допоздна...

В институте Зебо увлекалась эндокринологией. И в Хорог привезла полчемодана книг по интересующей ее специальности. Заведующий облздравотделом выслушал свежеиспеченного врача с пониманием: «Эндокринолог нам необходим, но это в будущем. А сейчас позарез нужен гинеколог: единственный специалист с высшим образованием в отпуске. Приступайте».

И она приступила. Вела прием больных в поликлинике. В больнице приняла первые роды, вторые, третьи. А потом привезли женщину с отслоением плаценты. Зебо растерялась, вызвала на помощь хирурга. Они сумели спасти женщину, но Зебо стыдилась своей беспомощности и ревела в кабинете главврача. Позвонили в Душанбе, попросили приехать месяца на полтора Фаину Ивановну Любушкину, заслуженного врача Таджикской ССР, проработавшую на Памире много лет, знающую все местные особенности. Фаина Ивановна тут же приехала, и Зебо признается сейчас, что за считанные недели работы с нею она узнала больше, чем за шесть лет в институте.

Положим, Зебо преувеличивает, но действительно, лишь практический опыт мог сделать ее настоящим памирским врачом. Разве в институте учили ее принимать роды дома? Разве предполагала она, что будет делать сложнейшую операцию при свете... фар машины, потому что в самый ответственный момент поломался движок, а госпитализировать больную из далекого кишлака было уже поздно!

Ей навсегда запомнился первый вызов в район. Подняли ее среди ночи. Выскочила под осенний дождь и распахнула дверцу пропахшего лекарствами УАЗика... Путь неблизкий — в Иличур: у женщины затяжные роды, она потеряла много крови, совершенно обессилела, акушерки нет, а фельдшер растерян.

Дождь сменился снегопадом. Дорога шла вверх, к перевалу, и снег набирал силу.

— Не проскочим!— чертыхнулся шофер, сбавляя скорость.

— Не возвращаться же?— вопросом ответила Зебо.

Шофер был ветераном «скорой», и храбрость худенькой врачихи он расценил как наивность. Машина уткнулась в сугроб. И сзади снег заметал колею. Шофер прижал машину к скале, но ветер налегал, норовя выдрать УАЗик из снеговой лунки.

Есть старинное изречение о горной дороге: «Жизнь путника подобна слезе на конце ресницы». Было похоже.

Высвободила их колонна встречных грузовиков. Шоферы обрадовали Зебо: роды окончились, все благополучно, врач может возвращаться в Хорог. Может? Представим себя, читатель, на ее месте. После перенесенных страхов, после мороза и неизвестности так хотелось домой! Но одна из заповедей Фаины Ивановны Любушкиной гласила: в данный момент для тебя существует лишь один больной, ты должна сделать человеку все возможное, других больных нет, других забот нет. «Благополучно» — кто может сказать про роженицу? Лишь акушер, то есть только она, Зебо.

Их УАЗик добрался до Иличура не напрасно: женщина оказалась так слаба, что ее необходимо было вывезти в больницу. «Вызвали машину из Мургаба,— вспоминает Зебо.— А пока сделали с фельдшером срочное переливание крови. У меня первая группа, это зачастую выручает...»

Ну и что же тут особенного?— пожмет плечами читатель. Кто из врачей не отдавал свою кровь? Кому не выпадали бессонные ночи? Норма, обыденность профессии. Сколько мы читали и слышали про самоотверженность врачей — и на фронте и в мирных буднях, сколько кинокартин видели! Вот хотя бы на памяти недавний фильм — «Дела сердечные», так блестяще снятый влюбленной в Москву и москвичей Маргаритой Пилихиной, с деловитым Георгием Тараторкиным и трепетной Антониной Шурановой в главных ролях. Какой удивительный сплав продемонстрировали они нам! Сплав действенного знания и сердечности. Ах, как хотелось бы мне,— уверена, и вам тоже — в горькую минуту тревоги за близкого человека получить поддержку таких вот врачей.

Лечить не болезнь, а больного — аксиома еще древних. Лечить во всеоружии современных достижений — требование к медицине нашего сегодня.

Но если знания можно накопить, опыт приобрести, если современное оборудование можно освоить, то доброта и способность к состраданию должны быть изначальными. Зебо отрицает: нет, не было у нее в юности того, что называют призванием. Она не думала о помощи человечеству, мечтала помочь лишь одному человеку. Больному отцу.

Когда просишь кого-то рассказать о себе, он обычно начнет: родился там-то в таком-то году. И Зебо начала стандартно: сороковой год, Хорог. Но подчеркнула: «Родилась я **в больнице**». Вам придет в голову подчеркивать такое? А Зебо это обстоятельство кажется важным. Первых двух детей рожала мать дома, а ее — уже в больнице. И в том же предвоенном сороковом году появилась на Памире первая электростанция мощностью 1050 киловатт. В том же сороковом проложили автомобильную дорогу из Душанбе; строительство вели тысячи людей различных национальностей, и они возвели дорогу в нереальный срок, за 110 дней.

На строительстве дороги работал и отец Зебо — коммунист Ходжам Шадманов, в будущем крупный партийный и советский работник, выросший до поста заместителя председателя Совета Министров Таджикской ССР...

Накануне распределения в институте отец сказал Зебо: «Ты поедешь на Памир. Там трудно, ты должна работать для своего народа».

Отец чувствовал себя совсем плохо, ей так хотелось быть с ним рядом. Но она знала, что для отца это вопрос принципиальный.

Зебо Шадманова приехала на работу в ту самую больницу, где двадцать три года назад появилась на свет...

* * *

Послушаешь памирца, так все здесь, на «Крыше мира», **самое**: высота гор — самая, а в горах — самые сложные в стране воздушные трассы и самые трудные автомобильные дороги.

Когда соберешь все эти «самые» воедино, в один узел: и особенности высокогорья, и трудности дорог, и вынужденную карликовость больниц, и высокую рождаемость (в два с лишним раза выше средней по стране),— вот тогда-то и проясняется специфика работы памирского врача.

Незадолго до моего приезда вернулась Шадманова из Минска, с семинара по оперативной гинекологии. Она как человек дотошный различные курсы и семинары считает жизненно необходимыми: всегда почерпнешь какой-то опыт, посмотришь работу нового прибора, познакомишься с новым методом лечения.

На семинаре врачи рассказывали про сложные случаи. Кое-что рассказала и она. К примеру, был такой случай. В марте, когда дорога была перекрыта снежным обвалом, позвонил фельдшер из района: у беременной отеки, а роды вот-вот начнутся. «Как же вы недоглядели?» — крикнула Зебо в трубку, но теперь уж не об упущениях надо было думать. Заказала вертолет, позвонили в кишлак, чтобы расчистили площадку для посадки. Весь кишлак высыпал, площадку подготовили довольно большую, но все-таки летчик сажать машину не решился — наклон. Они сели прямо в обмелевшую речку, и врачу пришлось добираться до берега по скользким камням, проваливаясь по пояс в ледяную воду. С трудом перенесли женщину на носилках в вертолет, только добрались до Хорога — и сразу же начались схватки. На размышление времени не было. Кесарево сечение!

Остались живы оба — и мать и ребенок.

В городе за всю свою практику акушер может не встретить подобного: заметит женщина отеки, тут же обращается к врачу. Здесь же по сей день бытует поверье: страданиями во время родов женщина искупает свои грехи. Если она жадная, злая, ленивая, аллах накажет ее тяжелыми родами, выявит, так сказать, наглядно ее недостатки. А если роды прошли легко и быстро, всем близким и соседям понятно, какой хороший она человек. Зайдешь в родильную палату — матери друг перед другом похваляются: «У меня и схваток совсем не было, сразу родила», «А я всех своих рожала легко».

Дико звучит, но иногда уже роды начались, а за медицинской помощью не обращаются. С темной свекрови какой спрос, но муж-то зачастую образованный, современный человек. «Давно жена болеет?» «Два дня. Я хотел вызвать врача, а мать не позволила...»

Поэтому важная задача, которую стремится решить Зебо Шадманова вместе с другими гинекологами, с районными акушерами,— держать в поле зрения каждую будущую мать. Перед оформлением декретного отпуска будьте добры, прослушайте четыре лекции школы молодой матери. «Да зачем мне эти лекции?— возмущается иная женщина.— Мать без лекций рожала».

— Наверное, обидно вам?— спросила я Зебо.

— Обидно? Да лишь бы у нее все хорошо прошло, я буду счастлива.

* * *

Дочки гостили у бабушки в Душанбе, и когда Зебо прилетела за ними, младшая захныкала: «А почему мы не останемся здесь насовсем? У бабушки всегда вкусно, и вода из крана идет горячая». «И кино каждый день по телевизору»,— подключилась старшая. «Уж тебе-то непростительно,— одернула старшую Зебо.— Ты же знаешь, что наш дом в Хороге».

«В Хороге тоже хорошо,— сказала Нозанин примирительно.— Только ты все на работе да на работе. А здесь телевизор, кино каждый день».

ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР УСЛОВИЙ ТРУДА И ОТДЫХА ЖЕНЩИН

Научно-технический прогресс и труд женщины в СССР — этой теме была посвящена Всесоюзная научно-практическая конференция, состоявшаяся в конце августа в г. Иванове.

Ее организаторы — ВЦСПС, Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Министерство здравоохранения СССР. В обсуждении важнейших вопросов использования и охраны труда женщин в СССР участвовали социологи, медики, специалисты по охране труда, представители общественных организаций.

На конференции работали три секции — «Социально-экономические аспекты труда женщин при социализме», «Технический прогресс и пути дальнейшего улучшения условий труда женщин в СССР» и «Технический прогресс и медико-биологические вопросы труда женщины». Было заслушано и обсуждено более пятидесяти докладов и сообщений, которые сделали ведущие специалисты, академики и доктора наук, руководители крупнейших научных учреждений страны.

Общий вывод участников конференции — научно-технический прогресс внес коренные изменения в профессионально-квалификационную структуру женского труда. Женщины овладели новыми сложными профессиями по обслуживанию комплексно-механизированных, автоматических линий и машин, контрольно-измерительной аппаратуры, средств автоматического управления производством. Это профессии операторов, наладчиков, программистов, требующие высокого образовательного уровня.

Однако, как сказано в Рекомендациях конференции, преимущества социалистического способа производства и огромные достижения научно-технического прогресса не всегда используются в полной мере для создания женщинам комфортных условий на производстве, всемерного развития и совершенствования сферы обслуживания.

При разработке новых технологических процессов и оборудования еще недостаточно учитываются особенности женского организма. Не везде для женщин созданы хорошие бытовки, удобная спецодежда и спецобувь.

В Рекомендациях подчеркивается, что необходимо скорее высвобождать женщин от ночных смен и в первую очередь механизировать и автоматизировать участки, где большинство работающих женщины. Больше внимания уделять этим вопросам в планах социального развития коллективов.

Предприятиям, цехам, участкам рекомендуется составить планы обучения и повышения квалификации женщин, причем организовать курсы в удобное для семейных женщин время. В 10-й пятилетке на каждом предприятии, на каждой строительной площадке надо позаботиться, чтобы женщины имели столько комнат гигиены, столько санитарно-бытовых помещений, сколько положено по нормам. Обязательно предусматривать это в проектах новых предприятий. Да и новые машины конструировать так, чтоб их пульты управления, подножки, сиденья, педали можно было регулировать по высоте, чтобы работнице было удобно их обслуживать.

Конференция рекомендовала также шире распространять опыт передовых предприятий, создавших прогрессивные формы бытового и торгового обслуживания женщин при производстве.

Рекомендации конференции — программа действий для руководителей предприятий, для женских комиссий завкомов профсоюзов, женских советов, для научных учреждений, занятых исследованием труда женщин.

Редакция журнала «Работница» предполагает в следующих номерах рассказать о том, что делают для их осуществления ученые, инженеры, общественницы. Сегодня — наш первый рассказ.

С учеными вместе

Этим нельзя не заниматься!

Все мы знаем, какую тщательную проверку проходит космонавт перед стартом. Тонкие и умные аппараты фиксируют состояние организма, врач пристально наблюдает за малейшими отклонениями, а сам космонавт, опутанный многочисленными проволочками и датчиками, с покорной и чуть смущенной улыбкой терпеливо сносит все это... Между прочим, однажды я наблюдала такую же картину на оперном спектакле. Великолепный баритон, народный артист республики пел одну из своих коронных партий. Публике не было видно, что под костюмом певца были те же многочисленные «проволочки», а у самых кулис стояли медицинские аппараты, фиксирующие нагрузку на сердце, перепады давления у певца в минуты наивысшего эмоционального и физического напряжения. Дело в том, что врачи настойчиво советовали артисту по состоянию здоровья оставить сцену, а он без нее не представлял своей жизни. Арбитром должны были выступить медицинские аппараты...

Космонавт, певец с редкостной красоты голосом и подлинным талантом... То, что условия их работы исследуют со всей тщательностью, чтоб создавать оптимально благоприятные, это не удивляет. Но такая картина все чаще становится обычной и в заводских цехах, где современные ученые — гигиенисты, физиологи, психологи, социологи — исследуют условия труда рабочих и особенно работниц, ищут возможности создания наиболее благоприятной обстановки для здоровья труженицы, их самочувствия, настроения, а следовательно, и для повышения производительности их труда.

Связь научных учреждений с производственными предприятиями становится все теснее, пример в этом плане Свердловск — ведущий город промышленного Урала, город передовой науки.

...Свердловский институт народного хозяйства. СИНХ. Кафедра физиологии труда и индустриальной психологии. Заведующая кафедрой — профессор, доктор медицинских наук Галина Михайловна Лисовская:

— Наша кафедра, которой Министерство высшего и среднего специального образования СССР поручило совместно с Рижским политехническим институтом координировать планы и исследования всех вузов страны по проблеме «Физиологические и психологические основы НОТ», очень много внимания уделяет женской теме. Мы стараемся брать типичные профессии, чтобы дать практические рекомендации для возможно большей массы работниц.

Несколько лет назад ученые Свердловского института народного хозяйства заинтересовались одной из самых массовых специальностей в промышленности — профессией монтажниц. «Монотонность — фактор, способствующий утомлению»... За этой сухой фразой из научного отчета — многие мелкие ручные операции, которые приходится выполнять в высоком темпе и в определенной позе, необходимость устойчивого внимания, быстрота реакции, зрительно-двигательная точность и четкая координация движений рук — словом, все, что приводит к напряжению, утомлению работниц.

Ученые сказали: чтобы работницы могли отдохнуть, расслабиться, выпить чай, кофе, молоко, необходимы пяти- и десятиминутные регламентированные перерывы, активный отдых... Сегодня в Свердловске есть уже немало предприятий, где рекомендации ученых внедрены в жизнь и принесли большую пользу — и производству и работницам предприятий, где на конвейере через каждые 50 минут работы — перерыв, отдых, гимнастика, которую проводит методист-общественник. По рекомендации ученых сделано особое освещение. В цехах звучит музыка, которую называют «функциональной», — она приносит бодрость и радость. Ее включают за 20 минут до начала смены и за 10 минут до конца обеденного перерыва — это помогает работницам войти в рабочий ритм. Ввели новую спецодежду для монтажниц — цветные халаты, белые косынки, шапочки в горошек — все это помогло бороться с утомительным однообразием, повысило тонус и настроение работниц.

Этот снимок сделан в одном из цехов «Уралмаша». Начальник заводской лаборатории физиологии и психологии труда кандидат медицинских наук З. А. Любашевская вместе с учеными из Свердловского института народного хозяйства — профессором Г. И. Лисовской и старшим инженером Р. Ш. Плямоватой за работой.

Для будущих матерей

...Очередная встреча — в НИИ ОММ (Научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества Министерства здравоохранения РСФСР) — с руководителем лаборатории, кандидатом медицинских наук Агнией Павловной Червяковой.

Лаборатория эта существует в институте 10 лет, и называется она несколько неблагозвучно для непосвященного уха, но довольно точно по существу: лаборатория по изучению влияния производственных факторов на специфические функции женского организма, плод и новорожденного. Сначала такая лаборатория была единственная в стране, сейчас только по РСФСР по этой проблеме работает около 70 научных коллективов, и свердловчане координируют общую работу.

Агния Павловна подробно и интересно рассказывает, что одна из ведущих проблем, которую изучает их лаборатория,— влияние условий труда в резинотехнической промышленности на организм работницы и ее будущего ребенка. На Свердловском заводе резинотехнических изделий (РТИ) 60 процентов всех рабочих — женщины. Там были проведены комплексные исследования — токсикологами, гигиенистами, гинекологами, педиатрами; работницы завода рожают преимущественно в клинике института ОММ. И они сами и новорожденные находятся под пристальным медицинским контролем. Тщательно фиксируется и изучается малейшая детская патология. При этом ученые-медики ищут истоки, учитывают и то, где и кем работала мать.

При участии медиков на РТИ составлен и неуклонно выполняется подробный план улучшения условий труда в целом. Важнейшие его пункты включены в коллективный договор.

Так, с 1 января 1975 года запрещен прием на работу женщин вальцовщиками-красильщиками, вальцовщиками-разогревателями, навесчиками каучука. Переводятся женщины с операций по бинтовке рукавов (а эти пожарные рукава — до 20 метров и вес — тоже до 20 килограммов!). Устанавливаются полуавтоматы по бинтовке и разбинтовке рукавов.

В одном из цехов ручное дублирование технической пластины заменяется прессовым. Двенадцать вулканизационных прессов оборудуются подъемными столами, а четыре — кассетированными формами, что значительно облегчает труд женщин, занятых на этих операциях.

Только в этом году созданы три комнаты гигиены женщины. Строится детский комбинат на 140 мест — матери ждут его с нетерпением.

Есть и еще одна, очень важная забота у администрации завода: переводить беременных женщин на более легкие и не связанные с воздействием вредных химических веществ работы в соответствии с перечнем профессий, разработанных НИИ ОММ.

Строгим приказом регламентировано на заводе — с какой недели беременности от каких работ с какими веществами освобождать и на какие участки переводить женщин. В медсанчасти введены специальные «карты беременных» — с ними работницы уходят рожать в клинику НИИ ОММ, с ними после родов возвращаются обратно на завод, чтобы была полная картина наблюдений за матерью и новорожденным.

Все результаты исследований и практические рекомендации заводу РТИ — по улучшению условий труда, трудоустройству беременных женщин, профессиональному отбору работниц на предприятиях резинотехнической промышленности — переданы учеными Свердловского института охраны материнства и младенчества в Министерство здравоохранения, чтобы их можно было внедрить и на других предприятиях.

Опасности «драгоценного» производства

До сих пор все мои встречи имели один исток: НИИ, кафедра или лаборатория, разговор с научными сотрудниками о проблемах, которые они решают для промышленных предприятий. Маргарита Ивановна Черепанова, старший инженер по охране труда завода «Русские самоцветы», раскрыла для меня тему с другой, «противоположной» стороны: завод требует от науки, торопит, наступает. Человек активный, обаятельный, напористый, она так и кипела: ученые просто обязаны скорее и эффективнее решать наши «больные» вопросы, избавить работниц от «подводных рифов», свойственных профессиям ювелирного производства.

Правда, после завода резинотехнических изделий было как-то странно слышать о трудностях работы ювелиров — настолько стереотипно драгоценные камни и великолепные изделия из них ассоциируются у нас с приятным, легким, изящным.

Но дело в том, что все сырье — алмазы, гранаты, рубины и другие камни — на нынешние ювелирные заводы поступает уже обработанное: распиленное, ограненное, отшлифованное, упакованное в коробочки или заделанное в аккуратные полиэтиленовые пакеты. А готовят его таким образом на больших заводах, среди них один из самых известных — «Русские самоцветы», краса и гордость Урала, предприятие, которому в будущем году исполняется 250 лет.

Уже сейчас завод снабжает «полуфабрикатами» 16 ювелирных заводов страны. Объем продукции — драгоценных, полудрагоценных камней и камнерезных изделий — постоянно растет. В 1971 году построен новый большой производственный корпус. Строится административно-бытовой корпус, где будет медпункт, комнаты гигиены, душевые и гардеробные, столовая и красные уголки... И самое главное — бесповоротно меняются условия труда, механизируются многие трудоемкие процессы. На огранке и полировке корундов внедрено семь полуавтоматических линий. Осваивается автоматическая линия «Порфирит» с программным управлением, на которой за рабочую неделю можно выполнить месячную норму огранщика.

Но такова уж специфика этого производства, что от ручных операций, во всяком случае пока, не уйти. И вот здесь-то и подстерегают опасности, из которых главные на сегодняшний день две — ухудшение зрения у оценщиков бриллиантов и контролеров ОТК и вибрационная болезнь у огранщиков.

Ученые из НИИ охраны материнства и младенчества — руководитель лаборатории А. П. Червякова и старший научный сотрудник Ю. В. Макаров в цехе завода РТИ ведут исследования рабочего самочувствия облицовщицы Галины Яманаевой.

Контролеры ОТК должны за смену просмотреть 800—1000 камней с полуавтоматов и с ручной огранки, оценивая и определяя полировку и геометрию, размер и сколы, «чистоту камня» — и все это невооруженным глазом. (Ах, если бы создать приборы, чтобы луч просвечивал камень, отмечая и фиксируя все его особенности!) А пока ограненный камень бьет в глаза всеми цветами радуги. И к концу рабочего дня накапливается усталость, которая не всегда проходит к началу следующего дня. То же самое — и у оценщиков бриллиантов, их слепит блесткость камня, и к концу смены глаза «сдают».

Завод обратился в Институт охраны труда ВЦСПС, и по договорной теме были проведены специальные исследования. Большинство рекомендаций научных сотрудников института уже внедрено на заводе. У контролеров ОТК верстаки заменены отдельными столами, проведена перекомпоновка рабочего места, поставлены специальные лампы, окна закрыты светозащитными шторами, введены регламентированные дополнительные перерывы.

Но проблема еще до конца не решена. Световой поток в помещениях, где работают оценщики бриллиантов, должен быть максимально рассеянным, и нужно создать специальные светильники.

Завод обратился в Москву, в НИИ светотехники, где директором П. В. Плявкин, связался с нужной лабораторией. После переговоров прошел год: не только никаких результатов, даже официального ответа не пришло!

Завод поставил перед учеными и другой вопрос. Вибрация, как показали научные исследования, не превышает предельно допустимой нормы, а во многих случаях — значительно ниже ее, но у некоторых работниц появились признаки вибрационной болезни. Значит, надо найти истоки заболевания, подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу, что вызывает болезнь не столько вибрация, сколько общее напряжение пальцев и руки в целом.

На заводе изучалась эта проблема, но дальнейшее детальное исследование должен провести Свердловский институт гигиены труда и профзаболеваний, где есть своя клиника. Завод обратился в институт с просьбой заключить договор по этой теме и получил ответ директора института С. Г. Домнина, что этим займутся в 1975 году. Год уже на исходе, а договор все еще не заключен. Завод бьет тревогу.

Но есть у этого факта и отрадная сторона. Убеждаешься, — и на заводе «Русские самоцветы», и на РТИ, и на Уралмашзаводе, где СИНХ недавно закончил исследования условий труда работниц литейного цеха и разработал рекомендации по их улучшению, рассматривают вопрос создания оптимальных условий работы как одну из генеральных задач предприятия. И если раньше на иных заводах смотрели на подобные исследования как на досадную помеху, мешающую выполнять план, а от многих рекомендаций просто отмахивались, то сейчас ситуация изменилась. Конечно, не везде. Прежде всего там, где во главе предприятий стоят руководители, понимающие, что высокая производительность труда достигается созданием наиболее благоприятных для рабочего человека условий труда и отдыха, трактующие основную заповедь социализма «Все для человека» как насущнейшую задачу государственного масштаба. Руководители и общественность этих предприятий все чаще и настойчивее обращаются к ученым. И путь к успешному решению здесь один — объединение интересов и усилий науки и производства.

Э. ОРЛОВА

г. Свердловск

На заводе «Русские самоцветы» введение автоматической линии «Порфирит» с программным управлением значительно облегчило труд работниц. Так теперь выглядит рабочее место огранщицы Татьяны Искиной.

Фото Н. МАТОРИНА

ОЧЕРЕДИ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

Н. ЧЕРЕМНЫХ

В нашей промышленной Челябинской области строительство детских яслей и садов — дело особо важное. Есть у нас города — Карабаш, Пласт, сельские районы — Агаповский, Варненский, Сосновский, Троицкий, Уйский, — где женщинам не приходится волноваться, когда настает пора устраивать ребенка в детские учреждения. Очередей нет или самые незначительные.

Внимательно следят за своевременным вводом новых детских комбинатов на Челябинском металлургическом заводе. За девятую пятилетку здесь вошло в строй восемь детских учреждений — а всего их у завода 34, и воспитывается в них шесть тысяч детишек. И все-таки далеко не все дети работников завода устроены в сады и ясли. Поэтому в десятой пятилетке металлурги запланировали построить еще шесть детских комбинатов на 1540 мест. Сейчас уже строятся детский комбинат и детсад в новом районе Челябинска, переоборудован старый детский сад в Каштаке, в сосновом бору. Здесь же построят еще два детских сада, работающих круглосуточно.

На заводе стало традицией всем миром браться за строительство и ремонт детских учреждений. Цехи посылают рабочих на помощь строителям, поддерживают стройку материалами.

За годы девятой пятилетки цеховые шефы капитально отремонтировали 15 детских учреждений и провели текущий ремонт 9.

Если бы все крупные предприятия Челябинской области так заботились о детях! К сожалению, пока этого нет. За четыре года пятилетки план ввода детских учреждений выполнен лишь на 83,4 процента. За 1971—1973 годы не были введены в строй детские комбинаты заводов автоматно-механического, электромашин; за 1974 год не выполнили план по детским учреждениям часовой и кузнечно-прессовый заводы. Стройтрест № 42 не построил ни одного детского сада или яслей за всю пятилетку. Именно в связи с этим, как сообщила группа народного контроля треста, велика текучесть женских кадров на предприятиях треста.

Не лучше положение и на Челябинском радиозаводе.

Трудности вызваны и невнимательным отношением к этим «маленьким» объектам ведущих строительных трестов. «Челябцелинстрой» освоил в первом полугодии 1975 года лишь 20—40 процентов средств, отпущенных на детские комбинаты.

Особенно плохо со строительством детских дошкольных учреждений в новом жилом районе Челябинска, который назван «Северо-Запад». По планам и нормам комплексной застройки здесь должно быть 35 детских комбинатов, а построено 15. К маю 1975 года около трех тысяч детей не могли здесь попасть в детские сады и ясли.

Накоплен некоторый опыт строительства детских комбинатов по принципу долевого участия. Челябинский горисполком выступает как организатор небольших предприятий, которые кооперируют свои средства, ассигнованные на эти цели. За девятую пятилетку в городе таким образом построено десять дошкольных учреждений по 280 мест каждое. Можно бы строить гораздо больше, предприятия охотно выделяют для этого средства. Но такое строительство, как правило, не входит в план подрядных работ. Если бы этот вопрос был решен положительно, дефицит детских садов был бы преодолен быстро.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА В САДУ

Лидия ВАКУЛОВСКАЯ

Рассказ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

1

Две недели минули быстро, и для мадам Дюрвиль настала последняя ночь пребывания в этом селе и в этом доме. Утром они последний раз позавтракают все вместе за большим столом во дворе под корявой грушей, потом старший брат Федя заведет свой «Москвич», еще через полчаса «Москвич» уже будет в районном городке Прохоровке. Они с Жанной сядут на минский поезд, в Минске пересядут на берлинский, в Берлине — на парижский. На перроне их встретят Поль и старшая дочь Луиза со своим мужем Дарио. В руках у них будут цветы, а на лицах улыбки.

— Мари, милая, как я скучал без тебя! В доме стало пусто, я не знал, куда себя деть.

Поль скажет это по-французски, она по-французски ответит ему. И вокруг будет слышаться только французская, только французская речь...

Был уже, наверно, третий час ночи, но сон все не шел. Уснуть не давали мысли: они бились в голове, болью отдаваясь в висках, и сердце стучало часто и неровно, с перебоями,— возможно, оттого, что в комнате было душно.

Духота началась еще с вечера, когда красневшее в закате небо стало затягивать пепельной хмарью. Вскоре хмарь на горизонте заклубилась тучами, они медленно и тяжело надвигались на село, сгущая краски до темно-фиолетового цвета. Распаренный дневной жарой воздух каменно отяжелел, стало нечем дышать. Казалось, давящую глыбу фиолетовых туч вот-вот рассекут молнии и на землю обрушится всемирный потоп. Но сверху так и не пролилось ни капли.

Правда, духота не мешала спать Жанне и Вере, жене младшего брата Антона.

Домик был невелик: кухня с большой печью и лежанкой при ней, маленькая «зала» и совсем крохотная боковушка. И когда они вдруг все съехались, оказалось, что в таком домике нелегко сразу всем разместиться на ночлег. Жанне отвели боковушку, где стояла узкая железная кровать, мадам Дюрвиль, как заграничной гостье, выделили высокую деревянную кровать в «зале», Вере — диванчик в той же «зале», а брат Антон и его взрослые сыновья, Костя и Виктор, уходили с двумя перинами спать в сарай. Мама же либо укладывалась на лежанке в кухне, либо, что случалось чаще, ночевала у старшего сына Феди, жившего на той же улице, через два дома. У Феди была газовая плита с баллоном, и мама неспроста уходила на ночь к нему: не хотела спозаранку заводиться с печью, бренчать мисками и стучать кочергой, готовя завтрак. Она желала, чтоб дети дольше поспали, и когда они поднимались, все уже было готово. Еду переносили от Феди сюда, и все усаживались за дощатый стол под грушей...

2

Мучимая бессонницей, духотой и своими мыслями, мадам Дюрвиль лежала на высокой постели, опасаясь пошевелиться или громко вздохнуть, чтоб не разбудить Веру.

Все эти две недели, с той минуты, как она сошла с поезда, увидела толпу встречавших ее родственников и среди всех этих незнакомых и полузабытых лиц узнала сморщенную старушку в белом платочке и, узнав, простерла к ней руки и выдохнула давно не произносимое и вдруг ожившее и само вырвавшееся из груди слово «Мамо!» — с той минуты с нею случилось что-то непонятное.

Там, в Париже, собираясь съездить на родину и долго готовясь к этому (главное, нужно было скопить денег, а затем уж хлопотать о визе), она не предполагала, что эта поездка превратится для нее в настоящее мучение. Она давно нашла родных и сама «нашлась» для них. И мама, и братья (она их помнила подростками), и дядья, и тетки давно знали, что она не погибла в жутком водовороте войны после того, как ее девчонкой немцы угнали в Германию. В длинных письмах она описала им свои мытарства: засадили за «колючку», гоняли под конвоем на какой-то химзавод, где люди гибли от чахотки, вдыхая ядохимикаты. На этом заводе она познакомилась с Полем Дюрвилем — его схватили, заподозрив в причастности к Сопротивлению. Французов держали в другом лагере, но многие из них работали на том же химзаводе. Всех их освободили американцы. Тогда-то и прошел слух, будто вся Украина дотла выжжена немцами, будто не осталось там ни единой живой души,— и выходило, что ей некуда ехать. Поль не оставил ее. Вместе они добрались до Парижа, к его родным. В Париже Поль устроился электриком на макаронную фабрику, она вначале работала санитаркой в больнице, потом стала медсестрой. Они поженились. Сперва у них родилась Луиза, а спустя десять лет — Жанна.

Все это она давно описала в письмах к своим, а те, в свою очередь, слали ей письма с рассказами о своей жизни. Она знала, что отец не вернулся с войны, что брат Федя живет в родном селе, работает агрономом в совхозе, у него две замужние дочери. Знала, что брат Антон врачует в районном городке Прохоровке, что двое его сыновей учатся в медицинском институте. Письма с Черниговщины всегда приносили ей радость, но не вызывали острой тоски по дому. Она привыкла к жизни в большом европейском городе, у нее была хорошая семья, был свой круг знакомых и среди них — земляки с Украины, с которыми можно было перекинуться несколькими фразами на родном языке, хотя от родного языка она почти отвыкла и говорила теперь с акцентом. С земляками можно было устроить общий обед с украинским борщом, варениками «з вышнямы» и густым яблочным киселем на закуску. Единственное, о чем она мечтала,— это повидаться с мамой, пока та еще жива, увидеть братьев, которых плохо помнила, посмотреть их жен и детей. Она деловито готовилась к поездке на родину, деловито советовалась с приятельницами насчет подарков и немало времени посвятила магазинам, выбирая эти самые подарки.

Она сама не ведает, что случилось с нею, когда среди окруживших ее на перроне людей она узнала старушку в белом платочке, простерла к ней руки, крикнула «Мамо!» и залилась слезами. И потом, когда приехали из Прохоровки в село, когда всей толпой вошли во двор, где в зелени фруктовых деревьев стояла низенькая белая хатка, с нею опять случилось что-то немыслимое. Она вдруг все узнала, все до капельки: сливу, росшую под кухонным оконцем (это была другая слива), зеленую шиферную крышу (когда-то их соломенная обрастала зелененьким мхом), неокрашенное, вымытое до желтизны крылечко с темневшим сучком на средней доске (крылечко дважды переделывалось), узнала даже лохматые пучки свежего укропа, подвешенные сушиться под козырьком крыльца. И, точно споткнувшись об это крыльцо, она упала на колени и по-сельски, по-бабьи громко заголосила: «Хатка ты моя милая!.. Крылечко ты мое дорогое!.. Досточки вы мои родненькие!.. Ой, мамочка, моя голубонька!.. Ой, бедная моя головонька!..» Она всплескивала руками, припадала лицом к крыльцу и обливалась слезами.

Жанна испугалась, бросилась к ней, тоже заплакала, закричала по-французски. Другие тоже бросились к ней, подняли, принесли валерьянки, усадили за дощатый стол под грушей. Мама гладила ее сухонькой рукой по голове, говорила: «Маня, дочечка, дочечка моя единая... Не убивайся так, кто ж в том виноватый?.. Одна война виноватая...»

И все последующие дни у нее, мадам Дюрвиль, не просыхали глаза.

Впрочем, здесь никто ни разу не назвал ее, как звали обычно в Париже, мадам Дюрвиль. Здесь звали ее просто Маней. А подружка детства, Зина Маслюченко, с которой они когда-то гоняли к речке белых гусей, придя «поглядеть» на нее, одобрительно сказала:

— А ты, Манька, ничего себе выглядишь. И лицом круглая, как была. Я б тебя в твоем Париже повстречала, ей-богу, узнала б. А девчонка у тебя совсем тощенькая, аж светится. Это ж сколько ей, годков шестнадцать будет?

Услышав, что Жанне действительно недавно исполнилось шестнадцать, Зина Маслюченко строго поджала губы.

— Дура ты, дура, Манька! Шестнадцать годков, а ты позволяешь ей так от краситься и цигаретки курить.

Она ответила, что в Париже девочки рано увлекаются косметикой и понемножку курят легкий табак.

— А чего тебе на тот Париж глядеть? — рубанула Зина.

Но это были мелочи, и не они волновали мадам Дюрвиль. Даже история с плащами-болонья нисколько не расстроила ее. Парижские приятельницы твердили ей, что в России вовсе нет плащей-болонья, и о лучшем подарке, дескать, ее родственники не могут мечтать. Она накупила этих самых плащей в одной захудалой лавчонке, дешево накупила, поскольку мода на них прошла, и привезла и раздарила. А когда спустя несколько дней поехала с братьями в Прохоровку, увидела в раймаге длинную металлическую стойку-вешалку с точно такими же плащами.

3

Молния вонзилась в окна внезапно, опалив «залу» резким белым огнем. И сразу зашумел под ветром сад, забились о крышу ветки яблони, со стуком запахнулась и снова распахнулась створка окна. Шум деревьев, стук падавших яблок, треск грома слились с гулом хлынувшей сверху воды.

Мадам Дюрвиль подхватилась с постели и стала закрывать окна, зажмуриваясь и пригибаясь при каждой вспышке молнии. Она вдруг вспомнила, что мама всегда закрывала в грозу печную трубу.

— Вера! — позвала она. — Гроза! Надо прятать трубу! — Ей не пришло сразу на ум слово «закрыть», и она сказала «прятать»!

Но Вера спала крепко и не отозвалась.

Она пошла на кухню, натыкаясь в темноте на стулья, нашла на ощупь табуретку, подставила ее к печке, взобралась на нее, открыла верхнюю печурку и зашарила рукой в печном проеме, отыскивая заслонку.

А на дворе гудело, гремело и сверкало все сильнее. Она вышла в сени, приоткрыла дверь во двор. Ее обдало ветром и брызгами. Ветер был сильный, но теплый, и брызги были теплыми. И сам ливень был теплый; она протянула руку, и в ладонь ей ударили тугие теплые струи.

Она долго стояла в дверном проеме и смотрела на бушевавшую грозу, не испытывая никакого страха перед громом и молниями, а, напротив, чувствуя щемящее наслаждение, какой-то светлый душевный подъем. Ее тянуло выбежать под ливень, запрыгать, как в детстве, на одной ножке и, запрокинув к небу голову, дурашливо закричать:

Дождик, дождик, припусти!
Бабу с поля прогони!
Баба будет удирать,
А мы ее — догонять!..

Никто из домашних так и не проснулся от мощного грозового гудения: ни Вера, ни Жанна, ни спавший в сарае Антон с сыновьями.

Наконец гроза выдохлась: ветер пропал, лить перестало, небо просветлело. Только капли все еще падали с листвы. И тогда мадам Дюрвиль, как была босая, в длинной ночной сорочке сошла с крыльца на раскисшую тропку, ведущую в глубь сада. Колкий острый холодок мгновенно обжег ступни, и у нее похолодело сердце. Но это быстро прошло, и ей стало приятно идти по влажной, прохладной земле.

Гроза по-разбойничьи обошлась с садом: вся земля под деревьями была усыпана яблоками и грушами. Нежный белый налив потрескался и развалился при падении. Бульдожистые груши и краснобокий пепин-шафран, хотя их и много нападало, были на удивление все целехонькие. А с крепкой, только наливавшейся антоновкой ветер и вовсе не совладал: с дерева сорвалось лишь несколько червивых, спекшихся яблочек.

Тропка вывела ее из сада в огород, полого спускавшийся к лугу, за которым текла речка Змейка.

За рекой всходило солнце, мягкое и желтое. И все вокруг вдруг стало ярко желтеть: повальненная ливнем высокая луговая трава, полоска реки, скирды сена на противоположном берегу и мысок леса вдалеке. Какая-то девочка выгоняла на луг большое стадо белых гусей. Гуси с гоготом, чуть приподняв крылья, бежали к речке, а за ними — девочка с хворостинкой, в накинутом на плечи длинном, похоже, отцовском пиджаке.

Эта девочка напомнила ей былое: вот так же и она выгоняла когда-то на зорьке гусей, набросив на себя какой-нибудь старый папин пиджачишко. А Зина Маслюченко выгоняла своих, и Надя Дворник, и Даша Криница... А днем, забыв про гусей, они убегали по берегу речки на Чертов Яр, ныряли там под крутым обрывом и доставали из водяных нор раков, больно хватавших клешнями за пальцы. За речкой, где теперь холмятся скирды свежего сена, тогда сеяли пшеницу, и все школьники после уборки комбайнами выходили с полотняными мешочками собирать колоски. Надин брат Митя Дворник всегда крутился возле нее и отсыпал в ее мешочек свои колоски. В восьмом классе, когда уже началась война и они копали осенью на поле колхозную картошку, Митя поцеловал ее, а она так толкнула его, что он упал и до крови разодрал щеку. Той же осенью в село вошли немцы. Митя с отцом и старшим братом убежали в лес искать партизан, а зимой в селе была облава. Зина Маслюченко успела удрать, а другие не успели, других согнали в свинарник, погнали колонной в Прохоровку, посадили вместе с коровами в эшелон и повезли в Германию. И ее, и Надю Дворник, и Дашу Криницу, и еще многих девчат...

Приехав сюда, она узнала, что Надя сразу после войны вернулась из фашистского плена и сейчас учительствует где-то под Киевом. А Митя стал капитаном корабля, живет на Севере, у него трое детей.

Мадам Дюрвиль тяжело вздохнула. И тут же обернулась, услышав позади легкие шаги. По тропке к ней шла мама в темной жакетке и белом платочке на голове.

— Маня, дочечка, зачем же ты разутая вышла? — забеспокоилась мама. — Не-то загрипповать хочешь? Пойдем в хату, там уже все повставали. Тебе ж в дорогу скоро. — Мама положила свою легонькую руку ей на плечо и погладила.

Она обняла маму и наклонила к себе ее голову. Так они и стояли, прижавшись друг к другу. В эту минуту ей хотелось, чтобы мама сказала: «Останься, Маня. Не уезжай». Но мама не сказала этого. Видимо, понимала, что все равно она уедет.

4

...На поезд ее провожала вся многочисленная родня: малые и большие. Набралось человек двадцать, для чего пришлось вызвать из Прохоровки три такси в подмогу Фединому «Москвичу». Пока ожидали на перроне прибытия поезда, мадам Дюрвиль крепилась и только говорила, что не может взять с собой все гостинцы, которые наготовили ей в дорогу родственники и которые громоздились теперь на перроне пирамидой из эмалированных ведер, оплетенных лозой бутылей и корзин со всякой съедобиной в виде домашних, залитых смальцем колбас, копченостей, майского меда, сушеных грибов... Она уверяла, что при досмотре на таможне ее не пропустят с таким тяжелым грузом. Но родственники, совершенно не зная таможенных порядков да и не желая их знать, только руками махали и весело отвечали, что все будет в порядке.

Родственники были возбуждены и оживлены (не исключено, что и по причине выпитой под грушей прощальной чарки). Брат Федя, широкоплечий красавец, прокаленный солнцем в своих бесконечных поездках по совхозным полям, говорил пышноусому дяде, брату покойного отца, что на будущий год возьмет отпуск и покатит прямо в Париж на своем «Москвиче». Дядя Филипп согласно кивал, посмеиваясь в рыжеватые усы.

Сыновья Антона Костя и Виктор, давно нашедшие с Жанной общий язык с помощью тоненького русско-французского словаря, увели Жанну к газетному киоску и снабжали ее в дорогу журналами в цветных обложках, которых она, естественно, не могла прочесть, могла только разглядывать в них картинки. Младшие родственники, принаряженные девочки и мальчики, все с букетами в руках, сбились на кромке перрона и выглядывали поезд. Зина Маслюченко, тоже пожелавшая проводить до Прохоровки давнюю подружку, напористо и твердо говорила ей:

— Мань, ты ж смотри! Случись мне в Париже бывать, так смотри ж — я прямо к тебе! У нас и делегации ездиют и по путевке можно. Так я прямо к тебе, я гостиниц не люблю! Поняла?

— Объязательно, объязательно. Коньечно, ко мне.

Она всех слушала, отвечала, а сама не выпускала из своих рук худенькую и теплую руку мамы. С утра мама была на ногах, в суете и хлопотах, она устала и теперь сидела на чемодане, тихая и какая-то отрешенная. И все подвязывала, все подвязывала потуже на подбородке то и дело расслаблявшийся узелок беленького, в черную крапинку платочка.

Когда подошел поезд и настало время прощаться, с мадам Дюрвиль опять случилось что-то необъяснимое и непонятное для нее самой. Она снова простерла к маме руки, прижала ее к себе и по-бабьи, по-деревенски запричитала во весь голос:

— Мамо моя, мамочка! Голубонька моя ясная!.. Ой, за что мне такая мука? Как яблочко я разбитое откатилась от вас! Как грозой меня сбило с деревца!..

— Не плачь, Манечка, не плачь... Даст бог, еще свидимся, — утешала ее мама и сама тоже плакала.

Жанна снова испугалась, бросилась к ней, закричала по-французски, что ее мама умрет (она никогда не видела, чтоб ее мать плакала и вот так причитала). Антон, ехавший провожать сестру до Минска, Федя и пышноусый Филипп Назарович подхватили ее под руки и ввели в вагон. Остальные стали поспешно загружать в тамбур чемоданы, корзины и ведра.

Поезд стоял в Прохоровке считанные минуты, он тотчас же тронулся, оставив на перроне толпу родственников, махавших руками и букетами. Но мадам Дюрвиль уже не видела этого. Она сидела в купе, закрыв ладонями лицо, в недвижной, застывшей позе. Антон не утешал и ничего не говорил ей. Он жестами показал Жанне, чтоб та сидела тихо и не трогала мать: пусть успокоится. Жанна послушно забилась в уголок нижней полки, но большие глаза ее (она была типичная француженка: смуглая, черноволосая и черноглазая, нисколько не похожая на мать) были полны тревоги и недоумения.

Поезд набирал скорость. В купе остро запахло яблоками, медом и любистком. Даже любисток мама не забыла положить дочери в Париж. Когда они были маленькими, мама запаривала в большом чугуне любисток и чебрец и купала их в этом настое. Чтоб лучше росли, чтоб мягче у них стали волосы, чтоб душисто пахли... Вскоре мадам Дюрвиль успокоилась, вышла в коридор, стала смотреть в окно. Жанна вышла за ней, потерлась щекой о ее плечо, поцеловала и ласково сказала:

— Мамочка, не печалься больше. Теперь мы уже едем домой. Совсем скоро мы будем дома.

— Нет, Жанна, нет... Мой дом здесь, — грустно ответила она.

ПОДРУЖКА

ВСТРЕЧА ДЕВУШЕК ЗЕМЛИ

В президиуме

В зале

Совсем недавно вы следили по газетам за этим важным событием Международного года женщин. Впервые смогли собраться вместе девушки всех континентов — более 400 делегаток из 112 стран мира! Они представляли 235 молодежных, женских, профсоюзных и 22 международные организации.

Интерес к встрече был огромен. Ее освещали 340 советских и иностранных журналистов. Фоторепортеры не скупились на пленку, стараясь запечатлеть праздник красок: прекрасные молодые лица — белые, смуглые, черные,— широкие белозубые улыбки, экзотические одежды. Все утверждали, что в эти осенние дни в Колонный зал Дома союзов пришла многоцветная весна, что знаменитые белые колонны были особенно торжественны, а сверкающие хрустальные люстры особенно праздничны... Все было именно так.

А когда-то в этот же зал, зал бывшего дворянского собрания, робея от непривычной роскоши, входили работницы в ситцевых кофточках, в старых солдатских гимнастерках и сапогах... Они собрались на свой съезд — I Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Перед ними выступил Владимир Ильич Ленин. И они поклялись вождю не щадить своих сил для построения социализма. Шел 1918 год. Начиналась новая судьба женщин Страны Советов.

Мне вспомнилось это, когда в беломраморном зале прозвучали встреченные восторженной овацией слова приветствия Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнева: «Вы собрались в городе Москве — столице социалистического государства, где на практике осуществлена многовековая мечта женщин о свободе и равноправии».

Равноправие на деле. Гости уже успели в этом убедиться. Увидеть, понять, почувствовать. До открытия встречи в Москве они совершили поездку по Советскому Союзу. Их встречали в Минске, в Тбилиси, в Иванове, в Риге, в Ташкенте... Девушки посетили заводы, фабрики, колхозы, школы, вузы, больницы... И везде и всюду они задавали много вопросов.

Удивительны были эти вопросы. У нас, родившихся и выросших при Советской власти, они никогда не возникают. Бесплатное ли в Советском Союзе обучение? Ну конечно, бесплатное! Все ли могут получить профессию? Конечно, все! Много ли приходится платить в больнице за операцию? Ничего!

...К комсомольцам 2-го Московского часового завода пришли девушки из Латинской Америки. Бразилия, Сальвадор, Никарагуа, Уругвай... Преподавательница университета, студентка среднего учебного заведения, рабочая... «Сейчас без работы, уволена, не могу найти места». К сожалению, нельзя рассказать о них больше, подробнее, уточнить, кто из них кто и откуда. Из некоторых стран делегатки прибыли втайне от властей. Поездка в Москву связана для них с большими трудностями, риском. А что-то их будет ждать дома?..

Но они не могли не приехать. Они хотят рассказать всем о положении в своих странах. Хотят узнать правду о Советском Союзе и привезти ее на родину.

Правда. Они постигают ее с жадностью, не уставая расспрашивать, переспрашивать, уточнять. Легко можно устроиться на такой прекрасный завод? Приглашают ра-

бочих? Невероятно. За равную работу женщинам платят столько же, сколько мужчинам? Даже не верится... Миллион рублей на улучшение условий труда? Миллион? И только за последние пять лет? Есть возможность учиться по вечерам? У каждого? Отпуск на время экзаменов? Оплаченный? Трудно представить... Свои заводские детские сады, свой дом отдыха на море?..

Одна из девушек — грубошерстный свитер, джинсы, волосы, рассыпанные по плечам, попади она перед сменой в заводскую проходную, в гурьбу девчат с часового, затерялась бы, сошла за свою — сказала: «Извините, что мы так много спрашивали и совсем не оставили времени, чтобы ответить на ваши вопросы. Но вы нас поймите: мы получаем лишь лживую информацию о вашей стране. Мы все из разных стран, но порядки во многих из них похожи: реакционные правительства, отсутствие демократических свобод. Помните о Латинской Америке. Помните, что во многих странах этого континента — нищета, безработица, репрессии. Помните. Это поддержит нас. Мы боремся и будем бороться! Мы очень хотим, чтобы и у нас мы смогли когда-нибудь собраться вот так же, как собрались сегодня у вас...»

Девушка говорила взволнованно, тихо, доверительно. Она говорила с друзьями.

...После торжественного открытия Всемирной встречи началась работа комиссий. Их было три: «Современное производство и женская молодежь», «Участие женской молодежи в жизни общества», «Участие женской молодежи в борьбе за мир, международную безопасность, национальную независимость и международное сотрудничество». Уже в названиях — злободневность и острота обсуждаемых проблем.

За последние годы во всех капиталистических странах резко выросло число работающих женщин. Но добились ли они большего равноправия? Этот вопрос не раз звучал в выступлениях участниц первой комиссии. И сами же они отвечали: «Нет!» Узок круг женских профессий: секретарши, продавщицы, официантки, низкоквалифицированные, а потому низкооплачиваемые, работницы...

В США зарплата женщин составляет лишь 60 процентов от заработка мужчин, а черным женщинам платят на 25 процентов меньше, чем белым. Эти цифры назвала Диан Стэнтон, делегатка из США. Сусанна Кристиансен, представляющая на встрече Коммунистический союз молодежи Дании, с тревогой говорила о том, что дискриминация начинается уже в школе. Девочек воспитывают, как представительниц слабого пола, которые должны заниматься только кухней. Лишь 10 процентов студентов университета в Дании — дети рабочих, а девушек из семей рабочих — лишь 3 процента.

Ищут работу 75 тысяч молодых датчанок и датчан.

Ищут работу 830 тысяч молодых французов и француженок.

Девушек в армии безработных всегда большинство.

«Мое утверждение, что быть молодым во Франции — это подлинное несчастье, не является ораторским приемом»,— воскликнула Катрин Феррачи, представительница Движения коммунистической молодежи Франции. Она приводила неопровержимые факты, говорящие о глубоком кризисе, который охватил экономическую и социальную жизнь страны. «Этот кризис,— заявила Катрин,— составляет часть общего кризиса капитализма и находится на том этапе, когда появляются признаки того, что нынешнее положение не может больше сохраняться».

Две из четырехсот... *Фото Н. МАТОРИНА*

Совсем иначе звучали выступления советской делегатки Ирины Щукиной, наладчицы Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева, и делегаток из социалистических стран — Чехословакии, Югославии, Болгарии, ГДР... Они воспринимались как продолжение доклада секретаря ЦК ВЛКСМ Зои Новожиловой на пленарном заседании первого дня: социализм обеспечивает на деле полное равноправие женщин с мужчинами и открывает перед девушками на пороге жизни широкие перспективы.

Обмен мнениями. Информация. Опыт социалистических стран нужен и тем, кто ищет пути борьбы за социальную справедливость и равенство, и тем, кто начинает строить новую жизнь, для женщин и девушек недавних колоний.

— Представляете: три женщины с высшим образованием на всю страну! И те заняты домом. Так было в Бурунди до второй мировой войны,— рассказывает мне в перерыве между заседаниями Клер Синаринци, делегатка Союза бурундийских женщин.— Теперь у нас есть свои вузы, свой университет. Девушки могут учиться. Но мы еще очень ощущаем последствия колониализма. Не хватает школ, совсем мало профессиональных училищ... Мы стараемся решить эти проблемы. Теперь можно. Теперь они стали общегосударственными.

Мы боремся! Мы решаем! Очень часто звучали эти слова на Всемирной встрече.

Погашен страшный очаг войны во Вьетнаме, и все знают, какого мужества потребовала эта победа от вьетнамских девушек.

Девушки Демократической Республики Вьетнам... Чтобы познакомиться с их ролью в стране, достаточно назвать имя и титулы их делегатки: Дао Тхи Хао, Герой труда, бывший боец подразделения сил самообороны.

«Когда приходят захватчики, женщины тоже встают на борьбу».— Эти слова произнесла с трибуны делегатка Южного Вьтнама Чан Тхи Нгок Хао. Она же сказала: «Мы впервые участвуем в крупной международной встрече в качестве представителей свободного Сайгона».

Но неспокойно пока на земле. Очаги напряженности тлеют — об этом напоминали многие. Об этом напомнила и палестинка Сагват Абу Газаме: «Палестинская девушка — воин, борец, или сестра воина, борца».

Говоря о важности результатов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, делегатки призывали молодежь приложить все силы, чтобы сделать разрядку напряженности необратимым процессом.

Девушки планеты понимают: только мир и международная безопасность помогут им добиться успехов в борьбе за свои интересы и чаяния. Понимают, что их борьба за равноправие — часть той суровой борьбы, которую ведут угнетенные народы против империализма, неоколониализма, расизма, реакции и фашизма.

Голос Вероники Вильяроэль — это голос чилийских девушек: «Мы обращаемся к молодежи мира с просьбой усилить кампанию международной солидарности. Мы призываем бороться за свободу молодых чилийских патриоток Сары Монтес, Гладис Диас, Каролины Вито и других... Мы призываем к поддержке и солидарности с народами Уругвая, Бразилии, Боливии, Парагвая, Никарагуа, Гаити и Испании, которые ведут борьбу с реакционными и антинародными режимами».

«Народ Чили победит!», «Мы с вами, патриоты Чили!» — с такими лозунгами в день открытия встречи пришли девушки и юноши Москвы на митинг солидарности с борьбой чилийских демократов против фашистской диктатуры.

...И вот уже подходит к концу незабываемая встреча, и делегатки подводят итоги. Они почувствовали, как важно знакомиться, как важно входить в круг тревог и забот друг друга, ведь они чаще всего общие — эти тревоги и заботы. Как важно видеть, что все больше и больше девушек становятся борцами за мир и справедливость на земле.

«Мы убеждены в том,— заявили участницы в заключительном документе,— что встреча является важным вкладом в общую борьбу народов, молодежи, девушек за мир, сотрудничество, национальную независимость и развитие, за социальный прогресс».

Спасибо, Москва, за встречу!

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Мамины уроки

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН...

«Знаешь, как это бывает: одолжишь человеку деньги, а он вовремя их не вернет. Вот и думаешь: может, забыл? Хочешь напомнить, но не решаешься: вдруг ненароком обидишь... Как ты считаешь, «Подружка», удобно ли напоминать о долге? И еще. Некоторые считают, что вообще лучше в долг не давать. А то переживай потом, думай... Правильно это или нет?

Лена Самойлова, г. Кременчуг».

Есть такая поговорка — не скажу, чтобы она мне нравилась, — но повторяют ее часто: «Не хочешь терять друзей, не давай им в долг». Но правильно ли это? Какой ты друг, если откажешься помочь? Поставь себя на место просящего. Нет, можешь возразить ты, я никогда не беру в долг! Очевидно, ты права: лучше в долг не брать. Хотя бы потому, чтобы не обременять других своими личными заботами. Но в жизни случается разное. Потеряла зарплату, неожиданно купила вещь, о которой давно мечтала. Что тогда? Волей-неволей придется обратиться за помощью к друзьям. И вдруг в ответ прочтут обидное нравоучение... Мало приятного дружить с такими людьми. Поэтому помогать — если в состоянии помочь — надо так, чтобы просящий о помощи не испытывал неловкости. Но всякий долг платежом красен. Если взял в долг, то первое, чем можешь отблагодарить человека, выручившего тебя в трудную минуту, — вовремя вернуть ему деньги. Без всяких напоминаний. И сразу же всю сумму. Только в этом случае тебя будут считать человеком аккуратным, верным своему слову, тебе захотят помочь и в следующий раз.

А вдруг долг был небольшой, и подруга забыла о нем? Хоть и непростительно это, но вот случилось... И что же, если ты напомнишь, разве это обидно? За что обижаться, когда сама виновата? Можно лишь извиниться. Только напоминать надо тактично. Все эти отношения требуют взаимной деликатности.

К сожалению, ее иной раз не хватает, вот и родилась недобрая пословица о друзьях и о долгах.

А как быть с теми, кто постоянно берет взаймы деньги, легко тратит их и трудно отдает? Вольно же вам давать таким людям в долг! В таком случае честный и откровенный отказ лучше фальшивой выдумки или хитрой уловки, чтобы не дать, не обидев.

ПОДРУЖКА

ИМПРОВИЗАЦИЯ? ДА. НО КАКАЯ?

Почта «Подружки», пришедшая после двух разговоров о бале и бальном этикете в предыдущих номерах, интересна и пестра. Пишут бабушки — вспоминают, что они в юности танцевали и сколько радости было связано у них с танцами, одобряют, что некоторые из их любимых танцев снова входят в моду. Пишут мамы, жалеют, что танцевальный возраст у человека кончается слишком быстро: после тридцати танцевать у нас как-то не принято.

Но самый большой поток писем, естественно, от юных читательниц. Тут яростные споры: многие с нами не согласны. «Вы пишете, что танцплощадке нужна организация, показательные пары. Ерунда! Человек, окончивший какой-нибудь танцевальный кружок, выглядит на танцах как белая ворона и, поняв это, снова учится танцевать «как все». Свобода, импровизация нужны в танцах, а не организованность!» (П. Л., г. Челябинск). «Вы цитируете письмо девушки, которой, видите ли, отвратительны «танцы-трясучки». Да она просто старомодна! А мы — за современные, модные, да, модные, танцевальные ритмы». (Девушки из г. Днепропетровска).

Что ж, и я, как учитель танцев, — за новые танцы, за импровизацию.

Согласен с тем, что в программе танцевальных школ и кружков бывают «мертвые» танцы; ученики справедливо жалуются, что в жизни танцуют «не то», «не так», что на танцплощадках они вынуждены оставаться в «гордом одиночестве». Как правило, ни один оркестр не исполняет танцев, которые разучивались в школе, да и танцевать их в толчее просто невозможно.

И вот наблюдаешь на танцплощадках, как под медленную музыку, искривив спины и прижав партнерш, танцоры топчутся на месте; под быструю — трясутся и прыгают. Здесь редко увидишь что-то красивое... Сейчас я, наверное, снова нарываюсь на резкую реплику: «Не мешайте нам танцевать модно!» или, как написала одна читательница: «Не преследуйте новые танцы».

Да, иные танцы пробивались в жизнь под шиканье консерваторов. В средние века за исполнение сарабанды испанская инквизиция отправляла мужчин на галеры, а женщин изгоняла из страны. В свое время коронованные особы обрушили мощь своего негодования на «интимный» вальс, а папа римский предавал танцоров анафеме за исполнение «непристойного» танго. Сейчас, разумеется, за танцы не преследуют, но есть люди, которые уверены, что современные танцы плохо влияют на нравы. И названия их произносят не иначе, как с раздражением — твист, шейк, джайв. А ведь у этих танцев тоже есть достоинства, как у старого, резко молодеющего теперь вальса, у вновь возвращающегося к нам танго. Только достоинства свои — динамизм, спортивность, экспрессия.

И когда мы говорим с тревогой о танцплощадке, то тревожат не новые танцы, не их популярность, не мода на них, а дурная манера исполнения. На танцплощадках я не раз, когда смолкала музыка, спрашивал: «Что вы сейчас танцевали?» Отвечали разное: шейк, манки, джайв. Иногда пожимали плечами: «Мы просто импровизировали». А чаще всего говорили: «Мы танцевали быстрый танец»... Да, сейчас, как правило, танцуют два танца — быстрый и медленный, то есть, по сути, не танцуют ничего и никак. Ведь каждый танец — это свой мир определенных чувств и эмоций. Где же он? Где нежная романтика вальса, жизнерадостность чешской полки, грусть негритянского блюза, экспрессия кубинской румбы, динамизм и спортивность латиноамериканского джайва? «Мы импровизировали»... Хорошо, будем относиться к бытовому танцу как к массовому импровизированному творчеству. Но импровизация импровизации рознь. В одних случаях на глазах создается (ведь импровизация — это творчество в момент исполнения) действительно красивый танец, в движениях прекрасно передается музыка, передается своеобразно, по-своему. Но гораздо чаще мы становимся свидетелями неэстетичного, вульгарного зрелища. В любом танце, даже заученном, каждый человек, хочет он того или не хочет, непременно проявляет себя. Ну, а что проявляется в нелепых ужимках, подергиваниях, диких воплях, которые порой раздаются над танцплощадкой? Лишь убогость духовного мира. Как бы страшно ни гудели гитары, как бы нервно ни били барабаны, человек с развитым чувством прекрасного, человек воспитанный на такое не пойдет: подобное «самовыражение» можно расценить как вызов общественному мнению, оскорбление.

Вот тут я целиком согласен с мнением многих читательниц, что бытовые танцы должны быть средством воспитания чувств. Нужно с раннего возраста учить человека двигаться под музыку, учить в обычной школе. К сожалению, учителя, возмущаясь тем, как танцуют ребята на школьных вечерах, считают танцы, особенно современные, делом, не стоящим внимания.

Древние греки называли танцы поэзией поз и движений. У них танцы наряду с музыкой, пением и рисованием служили целям гармонического развития юношей и девушек, были частью их обязательного образования. Древняя индийская мудрость почитала танец как искусство, способствующее здоровью человека. Петр Первый, вводя бальные танцы в России, видел в этом одно из средств утверждения нового бытового уклада.

Нас, специалистов, сейчас очень беспокоит, как танцует молодежь, самообучение привело к деградации вкусов. Но отчасти в этом виноваты мы сами. На телевидении, например — а телеэкран собирает миллионы зрителей и мог бы существенно повлиять на климат танцплощадки, — много внимания уделяют изобретению и пропаганде салонных танцев, которые, не успев родиться, как правило, умирают. Моду нельзя просто придумать, просто внедрить: у нее есть закономерности. Уже сейчас можно сказать, что и в будущем году с удовольствием будут танцевать русский бальный, румбу, ча-ча-ча, джайв, самбу. (Кстати, описание последней дано в приложении к 3-му номеру «Работницы», и многие читательницы сообщили, что разучили самбу и с удовольствием танцуют.) Завоевывают популярность старые, но исполняемые в современной интерпретации танцы социалистических стран — венгерский чардаш, чешская полька. Мне кажется, что специалисты, где бы они ни были — на телевидении, в танцевальных школах, кружках, — не должны оставаться в стороне от популяризации новых танцев и ждать, пока они привьются на танцплощадках в виде жутких карикатур.

Пусть лучше учитель танцев покажет, что такое настоящий джайв, чем приятель-самоучка. В нашей школе — школе при Дворце культуры ЗИЛа — три тысячи ребят изучают джайв, самый привлекательный из современных танцев, знакомятся с такими танцами, как бит-полька. Разучиваем, конечно, и бальные танцы.

Танцевальных ритмов изобилие. Поэтому сейчас разумнее всего учить человека не столько конкретным танцам, сколько, если можно так выразиться, танцеванию. То есть танцор должен научиться пластически реагировать на ритм, характер, эмоциональную окраску музыки и в соответствии с этим определять для себя модель исполняемого танца.

Вот почему и при импровизации, при исполнительской свободе, которую так отстаивают «сердитые» письма, сегодняшней танцплощадке нужны и руководители и показательные пары. Тон должны задавать существующие в городе танцшколы или танцевальные кружки. А тем, кто любит танцевать, хотелось бы еще раз напомнить, что хорошее исполнение танцев, хоть и массовых, зависит от общей культуры человека, общего эстетического развития, которое начинается с книг, классической музыки, знакомства с изобразительным искусством.

А. АЗАРОВ,
лауреат всесоюзного и всероссийских конкурсов

Памяти друга

«Август, мой август, нет, я не горюю,
Слушая шепот пустынного дня—
Просто стою я, просто смотрю я,
Как на земле без меня».

Как больно ударяют сейчас эти горькие и сдержанные строки! Сейчас, когда их автор, Ирина Снегова, ушла из жизни...

Советская поэзия потеряла тонкого и умного мастера.

Жизнь Ирины Снеговой не была легкой. Ее юность совпала с Великой Отечественной, молодость—с трудным послевоенным временем.

Не сразу пришло к ней признание. Снегова всегда работала серьезно, не пытаясь пустить пыль в глаза при помощи внешних эффектов. У нее был редкий дар писать о самых сложных душевных переживаниях простым (в высоком смысле этого слова), предельно лаконичным, прозрачным языком.

А сколько национальных поэтов обязаны Ирине Снеговой тем, что она бережно донесла их стихи до русского читателя!

Я помню Ирину худенькой девочкой, студенткой Литературного института. Я помню ее в последующие десятилетия—и вознесенную на высокую поэтическую трибуну (Политехнический музей, зал Чайковского, Колонный зал) и погруженную в хлопотные житейские дела.

Мужественная и незащищенная, ироничная и ранимая—такой осталась Ирина Снегова в нашей памяти и в наших сердцах. Такой осталась она и в своих стихах.

Юлия ДРУНИНА

●

Ирина СНЕГОВА

«В багрец и золото одетые леса...»

А. Пушкин

ЛИСТЬЯ

Я не читаю и не пишу,
Не читаю и не пишу...
Я смотрю, как краснеют
Террасу оплетшие листья.
«В багрец и золото...»
Солнце течет сквозь них, сквозь них...
И они тут же, при мне,
Меняют цвет.
Актинидия—с прожилок;
Сперва проявляется черенок,
Потом—стержень и склерозные вéнки
Бегущие от него.
А там—красными пятнами
Идет вся ткань.
«В багрец и золото...»
А дикий виноград—наоборот;
Багровеет с зубцов. Наливается
Розовым, рдяным. Розовым, рдяным.
А жилки еще зелены.
Лимонник же свеж, будто лето
Вначале, и все—впереди. Впереди.
Он пожелтеет. Вот, вот—
Показалось—или пошел желтеть?..
Стал прозрачным и бледным.
Вьюнок выгорел добела.
Добела, добела... Я не пишу,
Не читаю, слушаю...
Слушаю: дятел стучит
И шуршит сентябрь.
Лист шорхнул. Упал.
Громкий какой и тяжелый...
Все меняет свой цвет, на глазах.
На глазах, на глазах...
Вдруг становится ярко вокруг,
Вдруг становится жарко вокруг,
Вдруг становится горько вокруг!
«В багрец и золото...»
Чудо Листа!..
Я не читаю и не пишу.
Я размышляю, с вашего разрешения.
С вашего разрешения...
Вполне старомодно о Чуде—
Чуде Листа и Земли—
И весьма современно о том,
Что делают с ним
Дикость и злоба...
Дикость и злоба!

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Я не пишу. Я смотрю, я смотрю,
Как горят вкруг меня
Обхватившие дом,
Обагрившие дом,
Опалившие дом
Листья.

* * *

Сине-белый, полосатый,
Ослепительный мороз,
День воскресный, век двадцатый,
Тени елок и берез.

Солнца запах предвесенний,
Зимний, мятный, снежный вкус,
На воскрыльях воскресенья
Двадцати столетий груз.

ТАК, НАБРОСОЧЕК...

Ах, как по-старинному
Снег скрипит...
Ах, как по-звериному
Елка спит...
Ах, какая белая
Тишина...
Ах, да все ли спела я,
Что должна?
Лес иль перелесочек
На́—сличай!
Жизнь или довесочек,
Мне на чай?

* * *

Иду, и снег под ногой тяжел,
И низкая в поле мгла,
Иду... А, кажется, слух прошел,
Что я уже умерла.

Бывает, слухи врут не вполне...
Спасибо плáкавшим обо мне.

Иду. Другие же—вон!—идут.
И я иду на виду...
Неужто я, неужели тут,
Сама по себе иду?

Иду в судьбой подаренном дне
К тем, кто выпросил его мне.

КАРТИНЫ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Татьяна СЕДОВА

За последние два десятилетия в московском Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина было много зарубежных выставок живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства, относящихся и к классическому наследию и к современности. «Сокровища гробницы Тутанхамона», «Искусство ацтеков и майя в Мексике», «Фракийские изделия из золота», «Шедевры Дрезденской галереи», картины из Лувра, английская живопись XVIII—XX веков, бельгийское искусство XIX—XX веков. Это всего лишь неполный перечень экспозиций, доставивших нам радость приобщения к творческому гению других времен и народов.

Осенью этого года музей принимал гостью из-за океана. Выставка называлась «Сто картин из Метрополитен музея».

Метрополитен музей в Нью-Йорке, малую часть картин из собрания которого нам удалось увидеть,—самый большой музей на американском континенте. Он входит в число крупнейших художественных собраний мира. Музей был основан в 1870 году группой нью-йоркских общественных деятелей и художников.

Ныне в музее насчитывается около трех миллионов произведений. Здесь богатейшие разделы искусства Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима, значительные коллекции памятников искусства и культуры Ближнего и Дальнего Востока. Большие собрания, посвященные древним цивилизациям Америки, Африки и островов Тихого океана. Немалый интерес представляют скульптуры, гравюры, рисунки, костюмы, музыкальные инструменты и прикладное искусство XV—XX веков.

В нью-йоркском собрании находится самая многочисленная и полная коллекция искусства США, включающая работы известных американских художников и скульпторов. Но, пожалуй, наибольшая ценность Метрополитен музея—галерея картин, принадлежащих кисти прославленных европейских мастеров.

На выставке, которая экспонировалась в Москве, находились семьдесят восемь работ европейских художников XV—XX веков и двадцать две, созданные живописцами Америки в XVIII—XX веках.

Самая ранняя по времени исполнения работа среди привезенных в Москву—небольшая алтарная картина Карло Кривелли «Мадонна с младенцем», относящаяся к началу 80-х годов XV века. В одухотворенном женском лице, в изысканной живописной гамме отразились поиски возвышенной красоты, которыми было захвачено итальянское искусство эпохи Раннего Возрождения.

Среди многих известных художников Высокого Возрождения, которых мы увидели в московской экспозиции,—Тициан, гениальный итальянский живописец XVI века, работавший в Венеции и своими полотнами прославивший этот город. Американцы привезли его картину «Венера и Адонис», созданную по мифологическому сюжету: богиня любви не в силах удержать красавца Адониса, рвущегося на охоту, где его ждет гибель.

Искусство северного Возрождения было представлено на выставке прекрасными работами. Это и Лукас Кранах, и Ганс Гольбейн, и Герард Давид, и Жан Бельгамб. Особенно хорош раздел голландской коллекции Метрополитен музея. Внимание всех посетителей привлекал мужской портрет кисти Франса Хальса. Он был создан в поздние годы творчества великого мастера и несет в себе всю полноту жизненного и творческого опыта художника, благодаря которому Хальс так глубоко и свободно выявлял суть человеческого характера.

Из трех портретов Рембрандта, пожалуй, самый совершенный и глубокий — «Портрет Флориса Сопа», держащего в руках знамя своей корпорации. Колорит картины — сияние синего, красного, золотого цветов. Но главное — лицо старого человека, выражающее одновременно и гордость, и робость, и радость, и торжество.

Испанская живопись представлена была на выставке работами таких знаменитейших мастеров, как Эль Греко, Веласкес, Сурбаран, Мурильо, Гойя.

«Вид Толедо» Эль Греко — одна из самых замечательных работ художника, грека по национальности (настоящее имя его — Доменикос Теотокопулос). Город изображен ночью, в разгар бушующей грозы. Очередная вспышка молнии вырывает из мрака лишь контуры домов, отчего город кажется странно легким, зловещим и призрачным.

Очень хорош портрет слуги и помощника Веласкеса — мавра Хуана де Парехи. Он привлекает нас прежде всего гордым сознанием своего человеческого достоинства, не говоря уж о необыкновенной свободе и легкости живописной манеры художника.

Блистательны все три работы Франсиско Гойи. В портрете Себастьяна Мартинеса художник выступает как выдающийся психолог, сумевший раскрыть сложный характер своего друга, его мужество и скептицизм.

Вторая работа Гойи – коррида. Здесь мастеру удалось передать напряженное внимание толпы, увлеченной любимым зрелищем.

И, наконец, «Махи на балконе» — это одно из самых прекрасных и светлых творений Гойи. Картина построена на контрастах. Контрастах характеров — мужского и женского и контрасте цвета. Грациозны, изящны, полны веселого лукавства две женские фигурки на первом плане в наброшенных на головы мантильях. Угрюмо сосредоточенны стоящие сзади мужчины, написанные в черно-коричневой гамме. Художник намеренно противопоставляет очарованию легкой беззаботности женщины — глубину и суровую самоуглубленность мужчины.

В английском отделе выставки было несколько портретов работы знаменитых живописцев XVIII века — Гейнсборо, Рейнольдса, Ромни и две работы, принадлежащие выдающимся художникам Англии Констеблу и Тернеру — основоположникам европейского пейзажа XIX века.

Самый многочисленный и разносторонний французский раздел экспозиции позволял проследить развитие французской живописи от XVI века до наших дней. Большим вниманием зрителей пользовалась работа мастера реалистической живописи XVII века Жоржа де Латура — «Гадалка» и картина Шардена «Мыльные пузыри»; искусство девятнадцатого века было представлено полотнами Делакруа, Домье, Милле, Курбе, Коро.

Картины художников-импрессионистов, как всегда, привлекали яркой звучностью и чистотой красок. Особенно выделялось полотно Клода Моне «Терраса в Сент-Адрессе».

Извечный певец женской красоты Ренуар вновь очаровал зрителей мягкой прелестью своих картин «У моря» и «На лугу».

Эпичны «Две таитянки» Гогена, художника, бежавшего от буржуазной цивилизации в мир простых людей, ясных отношений.

Французский раздел выставки Метрополитен музея завершает «Женщина в белом» Пикассо. Моделью для этой картины была жена художника — русская балерина Ольга Хохлова.

Часть выставки, посвященная американской живописи, представляла особый интерес для советского зрителя, мало знакомого с художниками США.

Обращал на себя внимание портрет Джорджа Вашингтона, написанный Гилбертом Стюартом, выдающимся портретистом, жившим на рубеже XVIII—XIX веков. А рядом с этим талантливым портретом — работы, которые отличаются наивностью и примитивностью исполнения, хотя и не лишены своеобразного очарования. Подкупают своей искренностью картины «Приготовление сидра» Маунта и «Торговцы пушниной на Миссури» Бингема, рисующие быт Америки первой половины XIX века.

К живописным шедеврам следует отнести полный романтической взволнованности пейзаж Коула «Излучина реки Коннектикут близ Нортхемптона» 1836 года и «Чашку чая» талантливой американской художницы Мери Кассат, жившей долгое время в Париже.

Выставка «100 картин из Метрополитен музея» — первый визит музейных американских собраний в Советский Союз. Развитие плодотворного обмена художественными ценностями, знакомство с национальными художественными культурами двух великих стран, несомненно, помогут нашим народам лучше узнать и понять друг друга.

ФРАНСИСКО ГОЙЯ. МАХИ НА БАЛКОНЕ.

ОГЮСТ РЕНУАР. У МОРЯ. ▸

КОГДА РОДИТЕЛИ — ПРОТИВ

Такие письма в почте журнала редкость. Но смысл их таков, что и одного письма достаточно для серьезного разговора.

«Как мне объяснить родителям, — пишет Галя Д. из Новосибирска, — *они у меня татары, и мать почему-то держится своих старых обычаев и запрещает дружить с русским парнем, как мне объяснить им, что нет разницы — русский ли, немец или казах, — лишь бы человек хороший был, а остальное все чепуха?!»*

Нет задачи труднее, чем объяснять очевидное. Но еще невыносимее объяснять это человеку, который тебя и слушать не хочет.

И нет у Гали слов для мамы ни на татарском, ни на русском языке. И она пишет в редакцию каким-то неизвестным людям, сама оставаясь неизвестной, подписываясь только именем, не называя адреса, пишет так, как говорят с самим собой.

«Мне 19 лет, ему 23 года, мы работаем на одном заводе. А родители против нашей дружбы. Неужели в наше время и в нашей стране еще делят на нации! По-моему, нет никакой разницы, ведь в наше время все люди равны».

Читаешь эти простые слова «все люди равны», ставшие привычными оттого, что отражают они в самом деле нашу обычную жизнь, и вдруг будто впервые сознаешь драгоценность их смысла. Живое чувство девушки, на которое замахнулись ее родители, заставляет вновь пережить бесчеловечность национального отчуждения, розни. Пусть лишь в одной какой-то семье подняли руку на то, что завоевано в нашей стране 58 лет тому назад и что выстрадано всей историей человечества, начиная с того момента, когда кто-то первый сказал или подумал, неважно на каком языке: «Все люди равны».

Однако при всех социальных формациях, основанных на неравенстве и угнетении человека человеком, это утверждение звучало дерзостью, крамолой.

Вспомните, почти все истории возвышенной любви, описанные в классической литературе, — это трагедии. Общество собственников карало любящих, осмелившихся посягнуть на его устои тем, что они любили друг друга, несмотря на разность в своей социальной, национальной или религиозной принадлежности.

Но с Октября 1917 года общество в нашей стране стало иным. Социальная система, порождающая всяческое неравенство, сокрушена революцией. Равенство людей, в том числе и национальное, провозглашено и гарантировано Конституцией. Октябрь впервые не на словах, а на деле дал возможность людям избавиться от личных трагедий, вызванных социальными причинами. И вся наша действительность тому подтверждение. Помните, как сказал Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР: «В нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов. Эта дружба — наше бесценное достояние, одно из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма. И эту дружбу мы, советские люди, будем всегда беречь как зеницу ока!»

Возьмите тех же Галю и ее друга: они работают на одном заводе. У них одни задачи, общие трудности и победы, которые они переживают вместе со всеми своими товарищами. Большая часть их жизни — рабочие смены, общественные заботы — идет рядом. А за проходной завода — их город или поселок, их страна, их Родина, которая, как мать, одна и едина.

Я вспоминаю наш прекрасный класс в казанской школе: одна белоруска, две еврейки, пять русских, остальные татарки. Это сейчас я пишу, высчитывая, сколько было кого, как говорится, к слову. Но обычно, вспоминая своих, даже в голову не приходит отмечать: ага, эта татарка, а эта — русская. Вспоминаешь лица друзей, их характер, привычки, а не национальность. И как легко и просто в одном классе, в одном цехе, бригаде вместе с дружбой между парнем и девушкой возникает любовь.

Я могла бы перечислять супружеские пары моих друзей, счастливо воспитывающие детей, не задумываясь, какой все они национальности. Но лучше я расскажу о моих новых знакомых из грузинского города Рустави, о семье Ивана Васильевича Кочламазашвили. Он немолодой человек. Мама той девятнадцатилетней Гали, чье письмо здесь цитировалось, наверное, в дочки ему годится: Ивану Васильевичу семьдесят два года. И я полагала, что он, как человек пожилой, больше понимает людей, придерживающихся старых обычаев.

Но Ивана Васильевича меньше всего волновала проблема межнациональных браков. Блестя своими на удивление молодыми глазами, он с удовольствием рассказывал о встречах с Серго Орджоникидзе, о тайных сходках революционеров в доме его отца, рабочего Тбилисских железнодорожных мастерских; о том, как сам учился в училище при этих мастерских и как вылетел оттуда, когда арестовали отца; с еще большим азартом говорил Иван Васильевич о своей нынешней работе. Он до сих пор полон идей, живет интересами завода (наверное, потому и выглядит так молодо!). В прошлом году организовал школу молодых рационализаторов, шефствует над комсомольско-молодежной творческой бригадой Р. Бакрадзе. Творческие бригады, объединяющие молодых рационализаторов, — гордость и надежда завода, его завтрашний день. Между прочим, в изобретательстве за Иваном Васильевичем трудно поспеть и молодым.

И, глядя на его оживленное лицо, слушая быструю речь, я понимала, что ему малоинтересны проблемы, разрешаемые просто поступком, не требующие напряжения сил и ума.

«Здесь нет темы», — мог бы сказать Иван Васильевич. По сути, он так и сказал, отвечая на прямой мой вопрос, были ли у него осложнения в жизни из-за того, что его жена — русская.

— Первая моя жена Луиза Ивановна (она умерла) была немка. Мой отец и ее отец были коммунисты, работали вместе и обрадовались, что мы с Луизой поженились. Отец видел в этом надежду на будущее, когда все нации будут как одна семья. Мать Луизы, правда, не хотела нашей женитьбы. И еще кое-кто из родных. Но нам-то что? Мы строили свою семью. И своих сыновей мы так воспитали. Для них нет разницы, какой национальности человек. Оба они, и Володя и Эдуард, женились на русских девушках. Да, вот так у нас получается. А в чем дело? В укладе национальном, в кушаньях?

Если женщина любит своего мужа, она научится готовить любые кушанья — и грузинские, и русские, и татарские, и украинские. А если не любит — и простую вермишель не отварит. Ведь так? Так же и с языком.

Жена моего сына Эдуарда говорит по-грузински так же, как и по-русски. На машинке печатает на обоих языках. Мария в нашей больнице работает делопроизводителем. Незаменимый человек! — с гордостью подытожил Иван Васильевич и перешел к себе самому.

— Вот и я встретил теперешнюю свою жену Таисию Дмитриевну — уже не в молодом был возрасте, сыновья взрослые, самостоятельные, и понял: она для меня незаменимый человек! Таисия приехала на наш завод из Ижевска. Я тогда был начальником механического цеха, а она техником в отделе главного технолога. Понравились друг другу и поженились.

В Ижевске большая родня — сестры и братья Таисии, и в Москве есть сестра. Душевные люди.

— Ну, а ваши родные, они как относятся к этому?

— Меня воспитала в раннем детстве вместо матери — мама рано умерла — тетка, сестра отца. Она была игуменьей Мцхетского монастыря. Я хотел, чтобы она познакомилась с Таисией до нашей свадьбы. Тетя расспрашивала меня, что за человек Тая, но ни словом не задела, что, мол, русская. Она была по своим понятиям человеком неотсталым. Знаете, во время войны организовала в монастыре ткацкий цех, работала для фронта. А в монастырь она ушла совсем молодой из-за своего горя: любила парня, а ее хотели выдать замуж за другого. Так ведь в старину было.

Так в разговоре с Иваном Васильевичем мы вернулись к личным трагедиям с такой неожиданной стороны. Поистине век нынешний и век минувший отразились в истории жизни Ивана Васильевича и в судьбе его тети. Обреченность глубокого сильного чувства тогда и свободный выбор: понравились — поженились — теперь.

Позднее, когда мы разговаривали с Таисией Дмитриевной в ее до стерильности чистой и какой-то на удивление прохладной (стоял жаркий августовский полдень) квартире, она рассказала мне, что за всю жизнь в Грузии, хоть и тосковала по родным местам,

никогда не чувствовала себя на чужбине. Особенно пока работала на заводе. Теперь она на пенсии.

— «Национальный вопрос»,— пошутила она,— создают те, кому делать нечего, те, кто на скамеечках у дома просиживает и обсуждает каждого проходящего: «Вон та сегодня мясо жарила, да сожгла. А вон та с русским живет». Это все у них вместе, в одной куче. Была у нас одна, не разрешала своему сыну на русской жениться. Ну и что вышло? Женился он на грузинке, так свекровь и грузинскую невестку извела. Это уж какой человек...

И снова я возвращаюсь к Галиному письму, к ее призыву: *«Помогите! Мы любим друг друга, но нам не разрешают встречаться, потому что мы разной национальности».*

мотыжат и перепахивают, а он пробивается снова и снова. Много веков живут иные злые обычаи. Не там, так здесь находят кусочки питательной для себя почвы. И молодую жизнь своих детей не жалеют иные родители, чтоб соблюсти отжившие свое обычаи.

Да, «в нашей стране, в наше время все люди равны», как понимают это сама Галя и любимый ею парень. Так не ломай в тоске и бессилии руки — ты не бессильна. А главное, не одна. И закон, и общество, и все разумные люди на твоей стороне. Отстояв себя и свое счастье, ты сделаешь богаче всю нашу жизнь, всех нас. Чем меньше горя — пусть самого личного! — тем больше света для всех.

Национальная неприязнь всегда идет об руку с другими вредными предрассудками да и прямыми преступлениями.

Когда отец сражается с сыном, дед обычно «болеет» за внука... На снимке (справа налево): Витя, Иван Васильевич, Таисия Дмитриевна, Мария Иосифовна, Эдуард Иванович и Света — все Кочламазашвили.

Фото Д. ЯКОБАШВИЛИ.

Кто спорит, моральные, а то и материальные репрессии родных против избранника иной национальности — тяжелое испытание. Но не трагедия. Ведь трагедия не дает выхода: или сдайся, или умри. А за порогом вашего дома — целый мир. Он с вами, а не против вас. Кто-то скажет: «Да, а где жить, если уйдешь, уедешь?! А если учишься, то что, бросать?! А если маме будет совсем плохо?!»

Но присмотритесь и взвесьте: есть ли хоть одна из причин, перед которой спасует истинная любовь? Не каприз, не прихоть, а любовь — когда на любимом «сошелся клином белый свет», когда весь мир, весь свет — в нем одном! Как было у Нины Кочламазашвили, ушедшей в монастырь.

Да, можно уехать из дому и начать работать, можно ждать годы, чтоб выучиться и стать самостоятельной,— можно все, если это любовь.

А мама есть мама. Она поймет, когда увидит, что ваше чувство всерьез. Ни одной маме не было еще плохо оттого, что дочка или сын счастливы.

Пусть это покажется кому-то несправедливым, но я считаю, что девушки и юноши, безропотно (или с ропотом) позволяющие ломать свою жизнь, сами помогают соблюдению ненавистных им старых обычаев. Объективно это именно так.

Знаете, как упорен и цепок сорняк? Поле

«Меня отец никогда не пускает на школьные вечера, даже на дневные сеансы кино. Когда я хотела вступить в комсомол, он не пустил. Дома он не разрешает говорить по-русски, хотя мы все кончили русскую школу. Он не пускает меня работать на производство... Он уже сидел в тюрьме за избиение мамы и нас, детей. Сейчас мне очень трудно: отец держит уразу и заставляет меня в 3—4 часа утра готовить ему еду и чай и прислуживать», — пишет нам девушка-таджичка.

Вот она — эта логическая линия развития того, что мы мягко называли здесь национальной неприязнью. Она тесно увязана с ненавистью к культуре, к женскому равноправию, спаяна с религиозным фанатизмом, откуда недалеко и до социальной вражды и любого изуверства. Подчиняться такого рода обычаям — значит, поддерживать их, помогать им.

Но и в этом письме и во всех других на эту тему не одни только жалобы и просьбы помочь: звучит в них и решимость отстоять свою судьбу и любовь.

Автор последнего письма из Таджикистана, например, поступила заочно на подготовительные курсы МГУ. Да и сами письма — уже какой-то шаг, поступок. Это осмысление своего положения, проба своей дороги — к жизни, к самостоятельности, против обветшалых предрассудков.

Т. ПОЛИКАРПОВА

«КТО

Попробуйте представить себе такую картину. Обычный пионерский лагерь или дача детского сада, каких тысячи, куда возили нас, куда ездят теперь наши дети и внуки. Родительский день. Сейчас должны появиться сияющие мамы, папы и бабушки с кульками и свертками. Дети нетерпеливо крутятся у выхода, высовываются за ограду, но... почему-то никого нет. Проходит еще одно воскресенье, другое, третье. Ребята ждут, не сводят глаз с заветных ворот, но к ним так никто и не приходит.

Невероятно, скажете вы и будете правы. Такого не бывало и быть не может! Потому что каждый из вас ни на минуту не забывает о своем ребенке или внуке. И когда в летнее время ваши манечки, петечки, вовочки отдыхают на лоне природы, вы, не выдержав короткой разлуки, несетесь к ним не только в выходной — и в будний день. Вы тащите конфеты, пирожки, ягоды — напрасно воспитательницы пытаются урезонить вас, убедить, что дети сыты, что у них все есть. Истекает срок свидания — вы остаетесь сидеть у забора, чтобы хоть в щелочку полюбоваться на свое ненаглядное чадо. Нет границ вашей любви, нежности, заботы!

Но вот дети выросли, постарели родители. Теперь они нуждаются в заботе. Старику не в меньшей, а может быть, в большей степени, чем ребенку, нужна любовь, привязанность.

Недавно я побывала в доме престарелых на окраине Воронежа. По выходным дням обитатели дома старались принарядиться: старушки повязывали праздничные платки, старики облачались в светлые рубахи. Одни рассаживались на скамейках и разговаривали друг с другом — чуть громче, чуть оживленнее обычного. Другие уходили в глубь сада. Никто не смотрел на дорогу, которая вела к воротам. Но было нетрудно понять, что каждый просто старается убедить других (а главное, самого себя), что никого не ждет, что вышли они в сад просто так, посидеть, подышать воздухом. Но стоило кому-то незнакомому пройти мимо, как разговор мгновенно смолкал и к пришедшему обращались десятки глаз: «Кто ты, к кому?»

Горько писать об этом: в тот воскресный день, который я провела в доме престарелых, сюда не заглянула ни одна родная душа. Никто не вспомнил о своей матери или отце, не принес ни ягод, ни кулька конфет. Вечером старики молча разбредались по палатам. Казалось, их светлые платки и рубашки потемнели, плечи еще больше сгорбились. Стараясь не смотреть друг на друга, они печально складывали в шкафчики свои немудрящие наряды.

Может быть, никто не пришел именно в то воскресенье, что я пробыла здесь, а в другое время все иначе?

«Гости к нам редко заглядывают,— сказала мне главный врач Новицкая.— Каждое посещение — событие. А ведь у многих жителей нашего дома есть дети и внуки. И не где-нибудь за тридевять земель — в Воронеже».

«Дорогой мусюкан, скучаю, скорей бы увидеться. Так хочется крепко обнять тебя, расцеловать. Считаю каждую минуту до встречи».

ПОМОЖЕТ НАШЕЙ МАМЕ?»

Вероника КОНОНЕНКО

Этому письму тридцать лет. Оно пожелтело, истерто до дыр, но мать бережно хранит его, перечитывает. Страшно вспомнить, как волновалась она за своего младшенького, ночи не спала, когда его ранили. Как добиралась до госпиталя на попутных машинах, на крышах вагонов.

Лидия Васильевна Шевцова протягивает мне фотографию Володи военных лет. На обороте надпись: «На долгую память».

Старая учительница сидит в кресле, рассказывает о прожитой жизни, с удовольствием покуривая. Предлагает мне: «Курите, не влетит! Лето, окно откроем, а товарки мои из сада не скоро вернутся...» Глаза у нее, несмотря на возраст, молодые, лукавые. Отгоняя дым, она светло улыбается: «Подумайте, как мне повезло: оба сына домой вернулись, живые, здоровые! Старший в Ленинграде, кандидат наук, младший — инженер, в Воронеже». Спрашиваю: «Помогают вам дети?» Старушка согласно кивает головой: «Недавно от старшего перевод получила». «Ну, а пишут часто?» Лидия Васильевна ищет что-то в тумбочке. «Как же, вот к празднику открытки прислали, да я, старая, куда-то затеряла...» И вдруг, неожиданно для меня, просит: «Сделайте одолжение, поезжайте в город, узнайте, как там Володя... Это недалеко, всего пять остановок на трамвае...»

«Дорогой мусюкан... На долгую память»... Так писал ей — матери — Владимир Степанович Шевцов тридцать лет тому назад. За шесть лет, что находится Лидия Васильевна в доме престарелых, он ни разу (подумайте, ни разу!) не навестил ее. Не узнал, жива ли она, здорова ли. И скажу честно: не хотелось мне идти к Владимиру Степановичу. Страшно было взглянуть ему в глаза. Да и бессмысленным казался предстоящий тягостный разговор. Уговаривать сына помогать матери? Но Лидия Васильевна ни в чем не нуждается: хорошо кормят, библиотека прекрасная... Матери нужно совсем другое: сыновнее участие, тепло. Но разве можно заставить любить и помнить зрелого человека, отца двоих взрослых детей? Каюсь: я не пошла к сыну Шевцовой.

Но вернувшись в Москву и узнав, что Лидия Васильевна заболела, я не выдержала: позвонила Шевцову по телефону. В голосе Владимира Степановича я не услышала ни смущения, ни тревоги: «Да, я у матери шесть лет не был и не пойду!»

— Но Лидии Васильевне плохо.

— Мне безразлично!

Раньше, как рассказывала Лидия Васильевна, ее Володя в любую минуту готов был прийти человеку на помощь, защитить слабого, наказать негодяя. Что же произошло с ним, с юношей в военной шинели, фотографию которого так бережно хранит Лидия Васильевна?

Сегодняшний Владимир Степанович твердо убежден, что он прав, а во всем виновата... мать. Да, да, он старался и меня убедить, что у Лидии Васильевны плохой характер, что она в последние годы стала обижать его жену, с которой раньше жила душа в душу, что мать создавала в доме нетерпимую обстановку.

Допускаю, что в восемьдесят лет характер у Лидии Васильевны действительно изменился, хотя ни обслуживающий персонал, ни соседки по комнате в доме престарелых на ее характер не жаловались. Допускаю, что Лидия Васильевна не всегда была тактична, выдержанна и справедлива по отношению к домашним. Но пока она нянчила внуков, с этим мирились, а когда внуки выросли, ее недостатки перестали прощать.

Не будем судьями в чужих семейных конфликтах. Если людям трудно жить вместе — лучше разъехаться. Тем более что в семье, где все работают или учатся, не всегда есть возможность обеспечить старому человеку необходимый уход, оказать срочную медицинскую помощь, а в доме престарелых есть для этого все условия. Не об этом речь, а о том, что за неловко сказанные в пылу ссоры, в раздражении слова человека наказали забвением. И кого? Мать, которую, по словам самого же Владимира Степановича, всегда любили, которая жизнь отдала своим детям и внукам.

Замечательный человек и педагог Сухомлинский писал: «Старость не может быть счастьем, радостью. Это невежды выдумали слова «счастливая старость». Старость может быть покоем или горем. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Горем ее делают забвение и одиночество».

...До самого последнего дня человеку надо кого-то опекать, чувствовать, что он кому-то нужен. Единственное существо, которое скрашивает жизнь Анны Яковлевны Бородиной,— чиж Тишка. Он выпал из гнезда еще прошлым летом. Анна Яковлевна подобрала его, голого и беспомощного, отогрела. Соседки по палате собирали жучков и гусениц, помогали кормить найденыша. Тишка окреп, повеселел. Сейчас он не расстается со своей спасительницей, то сидит на коленках, то топчется на плече. Вечером, прикрыв Тишку платком, чтобы не помешал свет, Анна Яковлевна направляется к телефону. Набирает номер: «Позовите Олю...» В трубке раздается щелчок, потом короткие гудки.

Есть у Анны Яковлевны дочь Маргарита и внучка Оля. Есть и нет их. Работала А. Я. Бородина в должности инженера, получила отдельную квартиру и съехалась с семьей дочери в трехкомнатную. Пока зять учился в аспирантуре, помогала Рите по хозяйству, нянчила внучку. Потом заболела и стала не нужна ни дочери, ни зятю. Посторонние люди, соседи по дому, бывшие сослуживцы помогли Анне Яковлевне перебраться в дом престарелых.

Руководство Воронежского аэропорта, где работает М. Н. Белова, дочь Бородиной, осудило ее за жестокое отношение к матери. Дочь обещала навещать мать в доме престарелых, заботиться о ней. А вместо этого... запретила и Оле разговаривать с бабушкой. Даже по телефону.

— И как это земля наша терпит таких людей? — удивляется главный врач дома престарелых Валентина Васильевна Новицкая. — Вот недавно умерла у нас Антонина Ивановна Мануйлова. Все считали: одинокая она. И вдруг вызывают меня в суд. Объявилась дочка — Белебезьева ее фамилия,— завещание оспаривает. Судится с родственниками за дом матери. По судам ходить — и время и силы есть, а к матери даже на похороны не явилась!

Недавно в редакционной почте попалось такое письмо: «Нас у мамы пятеро. Все выросли, получили образование. Живем в достатке. На пять семей две моторные лодки, один мотоцикл с коляской, «Запорожец», есть даже «Волга». Все живем в отдельных квартирах. Одна наша мама до сих пор скитается по частным углам. Кто поможет нашей маме?»

Действительно, кто? Неужели же дети, благополучные, обеспеченные, не понимают, что помочь матери — их святой, их первый долг? Неужели ни в одной из пяти отдельных квартир не нашлось для нее места? Жестоким себялюбием, а не вниманием к матери продиктовано это постыдное письмо в редакцию.

Не сомневаюсь: случаи бесчеловечного отношения к родителям, подобные тем, о которых рассказывалось выше, редкость. Но давайте положа руку на сердце спросим себя: всегда ли мы с достаточным вниманием, тактом и сдержанностью относимся к своим старикам? Время уносит не только здоровье, оно порой меняет и характер. Считаемся ли мы с этим? Понимаем ли, что за плечами у них трудная жизнь, война, потери близких? Прощаем ли стариковские причуды, ворчливость, несходство взглядов?

Никому в голову не придет выбросить из дома против воли ребенка некрасивую, но дорогую дочке куклу или сломанную, но любимую машину сына. Почему же с удивительной легкостью и бездумием, переезжая на новую квартиру, мы выбрасываем то, что дорого старикам,— стол, за которым работал отец, кресло, в котором сидел дед? Ведь для них это не просто вышедшие из моды вещи, а частица жизни, дорогая память о прошлом.

Тот, у кого нет крепких корней, не даст добрых всходов. В семьях, где плохо относятся к старикам, откуда ушли понимание и терпимость, часто вырастают эгоисты. Вот почему с тревогой я думаю и о дочери Шевцова Наташе и об Оле Беловой.

Как и ее отец, Наташа не вспомнила о бабушке, не нашла времени навестить ее. Наташа окончила университет. Но овладела ли самой главной наукой — элементарной азбукой человечности? А Оля Белова? Каким человеком она станет, если может, услышав голос бабушки, бездушно бросить трубку?!

Родители Наташи и Оли еще пожнут плоды своего воспитания. Вероятно, и они в старости будут так же безнадежно ждать внимания и помощи. Дурной пример заразителен.

Неумолимо движется стрелка часов, укорачивая срок жизни наших матерей и отцов. Наш долг — сделать для них все, пока есть время. Иначе не избежать запоздалого раскаяния, угрызений совести, о которых пишет читательница из Новосибирска: «Моя мама умерла без меня, одна в пустом доме. Никогда не прощу себе, что так случилось».

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

«Наш завод выпускает торфяной брикет. Предварительно торф сушится в специальных сушилках. Их пять, и каждая состоит из 500—600 трубочек, по которым поднимается торфяная крошка. Очень часто крошка забивает трубки, и их приходится продувать сжатым воздухом. Когда дуем, горячая торфяная пыль бьет в лицо, трудно дышать».

Прибыв на место, спецкор «Персоли» без лишней волокиты убедился, что все написанное в письме работниц брикетного завода торфопредприятия «Асерхово», Собинского района, Владимирской области, соответствует действительности.

— Специфика производства,— объясняет директор торфопредприятия Георгий Джамалович Ажба.

Во всей полноте ощущаешь эту специфику, поднявшись по крутому железному трапу на площадку, где кончаются огромные, высотой с четырехэтажный дом цилиндры — сушилки. Несколько женщин дружными усилиями сдвинули железную, метра полтора-два в диаметре крышку. Потом, опуская шланг со сжатым воздухом в цилиндр, стали продувать узкие трубочки. Через полминуты все с ног до головы были покрыты коричневой пылью, которая фонтаном извергалась из трубок.

«Запыленность во много раз превышает допустимые нормы» — это регистрируют не только органы человеческих чувств, но и приборы областной санэпидстанции.

Обычно технология производства предусматривает продувку два раза в месяц. На заводе в Асерхове дуют каждый день. Почему?

Причина уводит нас в глубину веков, в те времена, когда «из тьмы лесов, из топи блат» рождались будущие запасы Асерховского месторождения. И рождались они таким образом, что часть торфа по геоботаническому составу годится для брикетирования, а другая часть не годится. Это засоренный, волокнистый торф, который при переработке то и дело забивает трубки сушилок, выводя из равновесия самых терпеливых, спокойных и опытных работниц. В процессе эксплуатации месторождения торф, который идет на производство брикетов, почти кончился. Именно поэтому сегодня оборудование больше стоит на продувке, чем работает.

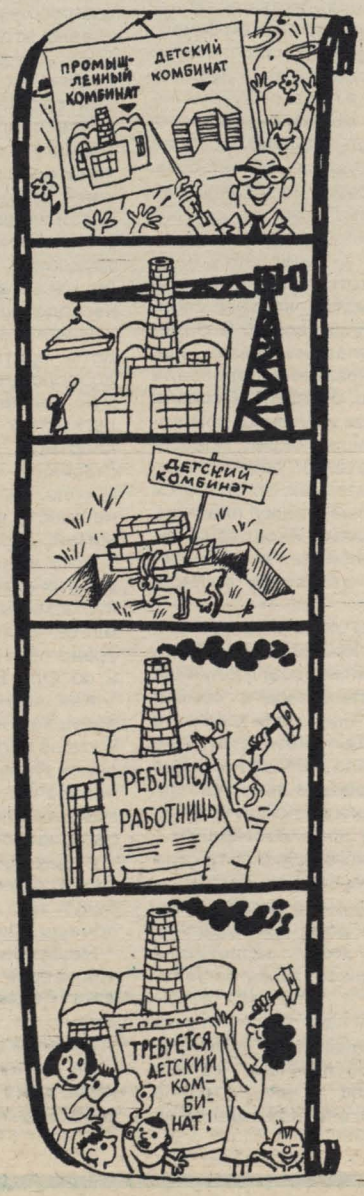
А что будет завтра?

Нельзя сказать, чтобы над этим вопросом не думали во Владимирском торфяном тресте, в НИИ торфяной промышленности, в Министерстве топливной промышленности РСФСР. Авторитетные акты, докладные, письма свидетельствуют о том, что проблема всесторонне изучена, понята, объяснена.

Но, как говорят философы, дело не только в том, чтобы объяснить плохие условия труда, но и в том, чтобы их изменить.

По заявкам наших зрительниц демонстрируется персофильм

«ДВА БРАТА - КОМБИНАТА»



Персофильм «Жертвы моды» («Работница» № 6) был тепло встречен жителями Красноармейска, Донецкой области. Но с особой заинтересованностью прошло его обсуждение в городском комитете партии на совещании секретарей партийных организаций и руководителей предприятий торговли. В результате такой заинтересованности, сообщил редакции секретарь горкома КПУ тов. Н. Наумов, «во втором полугодии закуплено дополнительно комнатной обуви на 15 тысяч рублей, что позволит удовлетворить спрос населения города. Расширен цех по изготовлению обуви при комбинате бытового обслуживания. Шесть тысяч пар комнатной обуви поставит в Красноармейск Криворожская обувная фабрика. Спрос и торговля легкой обувью взяты под контроль».

* * *

О том, как один и тот же мужской джемпер имел сразу два размера и две цены, рассказывалось в заметке «С лица и с изнанки», опубликованной в № 7 «Работницы». Директор Кемеровского горпромторга тов. Е. Е. Чичконаков подтвердил факт продажи данного джемпера и сообщил редакции, что заметка была обсуждена в коллективе магазина «Богатырь» и на производственном совещании торга. На заместителя заведующей секции тов. Ф. Усольцеву, товароведа-бракера тов. А. Курочкину, которые не проверили соответствие размера изделия размеру, указанному на ярлыках, наложены взыскания.

Покупательнице возвращены деньги и принесены извинения.

Директор Ереванского производственного трикотажного объединения тов. Г. С. Унанян сообщил редакции, что руководители трикотажной фабрики № 1, виновные в завышении размеров трикотажа, сняты с занимаемых должностей. Заметка «С лица и с изнанки» была обсуждена на совещании рабочих и инженерно-технических работников закройно-швейных цехов фабрики. Работникам ОТК предложено усилить контроль при маркировке изделий.

МОДА ЩЕДРА

— Современная мода ничего не отвергает, ничего не отрицает, она только утверждает гармонию,— сказал заместитель главного художественного руководителя Общесоюзного Дома моделей одежды Вячеслав Михайлович Зайцев на показе осенне-зимней коллекции 1975/76 года.— Ничего вызывающего и ничего кричащего. Одежда должна быть удобной.

Нынешняя мода терпима. Все силуэты одинаково модны: универсальный полуприлегающий силуэт с несколько завышенной линией талии, прилегающий, трапеция и, наконец, несколько забытый нами прямой силуэт. Ему, видимо, царствовать в следующем сезоне, пока он только осторожно входит в моду. Художники предлагают прямую узкую юбку — с запáхом, с разрезом для шага. Новые детали: отложные воротники, воротник — апаш и стойка связаны с появлением прямого силуэта, силуэта «карандаша».

Закрепила свои позиции длина: 4—8 см ниже колена. Головные уборы маленькие, а шляпы с полями носят строго горизонтально. Туфли лишились платформы. Самые модные имеют форму лодочки с открытым подъемом. Каблук высокий и прямой. Модный облик предполагает естественность. Никакой бьющей в глаза косметики, «рфковых» глаз с тенями и ярких губ.

Художники Общесоюзного Дома моделей показали разработанные ими модели платьев, костюмов, пальто — для всех возрастов и комплекций. Некоторые из них вы видите на соседней страничке.

Л. ОРЛОВА
Фото Н. МАТОРИНА.

ПЕРСОЛЬ

Новогодний

Еще ноябрь, но вечерами фонари светят по-зимнему, и пахнет снегом, и в воздухе носится ожидание Нового года.

Новый год начинается в магазинах с первой синтетической елочки, с масок и бенгальских огней на прилавках, с очарованной детворы у витрин, с праздничных покупок. Купить можно наряды, украшения, музыку, еду. Невозможно купить праздник. Его мы должны сделать сами.

Праздник Нового года отличается от других праздников романтичностью, уходящими в глубь веков народными традициями, от которых современный человек не склонен отказываться, наоборот, с удовольствием вспоминает их и реставрирует. В этот праздник даже самые деловые и занятые люди стирают с лица озабоченность. Но надо еще, чтобы на нем засветилась улыбка. А праздничное настроение—это все знают!—появляется, когда мы готовимся к празднику.

Новый год чаще отмечают как праздник семейный. Правда, не все любят встречать его дома. Но ведь и в рабочем общежитии, в клубе, в ПТУ, интернате, техникуме можно создать теплую и истинно новогоднюю атмосферу. Давайте обсудим по порядку все слагаемые такого праздника.

●

ПОМЕЩЕНИЕ

Именно с помещения начинается новогоднее настроение—с запаха елки, с разноцветных гирлянд. Можно и двор около дома заранее преобразить—елку поставить, слепить снежные фигуры, сделать ледяную горку... Кто откажется в праздничную ночь выбежать на улицу, покататься на санках, покружиться вокруг елки, осыпанной настоящим, всамделишным снегом!

Дальше—вход. Пусть он будет в этот вечер особенно парадным и гостеприимным. Украсить его можно хвойными гирляндами, лампами, добрыми приветствиями. И в ПТУ, и в общежитии, и в клубе есть зал или большой холл, где будут елка, танцы, представления и, наверное, общий стол для «главного застолья». Но есть и еще комнаты, классы, которые тоже можно освободить от обычной мебели и включить в праздник. В одной из комнат сервируйте чай, его с удовольствием будут пить в течение всего вечера. Здесь можно проявить не только хозяйственность, но и фантазию. Устроить, например, русскую чайную—с самоваром, бубликами, вареньем, или восточную чайхану, или, может быть, японский чайный домик... Пусть там будет хозяйка—приветливая, одетая в соответствии со стилем комнаты; сервировку и напитки надо приготовить и продумать заранее.

Нужна и «тихая комната»—в одном углу могут поговорить по душам друзья, в другом—сядут заядлые шахматисты, которые всегда найдутся на любом празднике. Украсьте комнату зелеными растениями: снесите сюда цветы со всех окон—получится что-то вроде зимнего сада.

ПРОГРАММА

«Торжественной части» на новогодних вечерах не бывает. Не обязательно устраивать и большой концерт. Ну, а в общежитие или в ПТУ обычно не приглашают ни артистов, ни профессиональных музыкантов. Обходятся своими силами. Из этого мы и будем исходить.

Заранее выберем распорядителя вечера—лучше юношу. Уверены: в каждой компании найдется активный, находчивый человек. Таланты раскроются в процессе подготовки—ведь времени впереди еще много. Пусть входит в роль заранее. Ему нужно будет незаметно «дирижировать» вечером, давать знак музыкантам, объявлять танцы, проводить конкурсы, представлять участников небольших театрализованных сценок.

Вот об этих сценках—несколько слов. Давайте вспомним капустники—прекрасное изобретение артистов для своих, «семейных» вечеров. «Капустники»—небольшие театрализованные импровизации на темы своего коллектива, быстро меняющиеся, смешные, может быть, с «моралью» и подковыркой, но, конечно, не злые. Зрители всегда с радостью встречают героев этих сценок, их комические переодевания, немудрящие куплеты и меткие наблюдения. Нужно, чтобы в сценках участвовало (по очереди) как можно больше людей, чтобы меньше было пассивных зрителей, чтобы каждый был готов выйти со своим номером. Не забудьте только заранее оставить одну-две комнаты для переодеваний.

Довольно-таки старинная игра—шарады или живые картины—тоже может быть использована на вечере.

Вспомним еще одну игру: почту. Всем гостям прикалываются номерки, и они в течение вечера могут написать друг другу письмо и передать через специального почтальона. Игра эта ненавязчива, но вносит много веселья и оживления, к тому же всегда найдутся люди, которым захочется что-то сказать кому-то и эта полушутливая игра поможет преодолеть застенчивость.

Под Новый год даже самые рациональные люди склонны к таинственности... Шутливые пророчества, загадочные и многозначительные предсказания, гороскопы можно вложить в уста «гадалок»,«оракулов» или написать и разыграть в «колесе счастья»... Нужно ли говорить, что предсказания эти никоим образом не должны быть неприятными или серьезными!

Не обойтись в Новый год без праздничного застолья и подарков. Но найдите разумную пропорцию в тратах. Застолье не должно быть излишне продолжительным, сытным—ведь сытная еда веселью помеха. Думается, что значительная часть средств, которую вы предназначили на праздничные расходы, должна пойти не на еду, а на подарки.

ПОДАРКИ

Под Новый год подарок должен получить каждый. Такова традиция—согласитесь, очень приятная.

Хорошо, если это не просто сувенир, а какая-нибудь недорогая, полезная вещь, но с «подарочным» оттенком: затейливый ремешок для часов, изящное украшение. Очень порадует книга любимого писателя, пластинка или репродукция. Каждый подарок надо нарядно упаковать и снабдить поздравительной открыткой (лучше самодельной), шуточными стишками, пожеланиями. Эти стихи можно читать при раздаче, ну, а получивший подарок с таким комментарием порадуется ему куда больше, чем безликому сувениру.

Кто должен покупать и готовить подарки? Можно поручить это особому «комитету». Но можно устроить и иначе: каждый из гостей заранее покупает один подарок, не зная, кому он предназначается, и готовит такую же

Вечер

Рисунки В. ЖИТНИКОВА.

«безадресную» поздравительную открытку. Кому он достанется — решает случай.

Как раздавать подарки? Во-первых, вспомним нашего старого Деда Мороза с таинственным и вожделенным мешком...

Во-вторых, подарки можно незаметно положить в выставленные башмаки — наугад или условившись заранее, кому что.

В-третьих, подарки разыгрываются, а до этого выставлены на всеобщее обозрение на специальном стенде.

В-четвертых, их раскладывают у каждого прибора, если застолье не очень большое.

ЗАСТОЛЬЕ

Хоть мы и не советуем в этот вечер засиживаться за столом, без праздничного застолья никак не обойтись. Что подать на стол? Здесь может быть немало разных вариантов. И все-таки не стоит тратить много времени на приготовление еды. Часто новогодний стол устраивается «в складчину»: каждый гость или отдельная группа, жильцы одной комнаты готовят и приносят свое блюдо, заранее намеченное и утвержденное хозяйкой стола. Вы помните? Главный человек на вечере — распорядитель, а столом и всеми хозяйственными хлопотами распоряжается хозяйка. Она должна предусмотреть все — бюджет, меню и распределить поручения. А то получится, что все принесут салаты, а про пироги забудут. Или на столе не окажется хлеба. Нет, такую важную вещь, как праздничное застолье, пустить на самотек нельзя.

Кстати, кулинарным приготовлениям тоже можно придать веселый характер и в конце вечера раздать призы за лучший пирог, салат, оценивая и внешний вид и вкус.

МУЗЫКА

Одни пригласят оркестр, другие будут танцевать под магнитофон, радиолу, выступления собственных музыкантов. Надо только заранее продумать программу танцев, чтобы была она разнообразней по ритмам и настроению. Не нужно забывать, что большинство девушек, а может быть, и юношей придут в нарядных бальных костюмах и им захочется соответствующей музыки и движений.

Вот теперь мы перешли к особенно волнующей части новогодних хлопот: к костюмам.

КОСТЮМЫ

Итак, мы договорились, что праздник у нас домашний и романтичный... Не обязательно карнавал. Хотя уже получается, что какая-то группа людей будет одета специально: распорядитель, хозяйка, почтальон, гадалка и так далее. Но если вы такой роли не получили — не беда. Новый год все равно вам дает возможность одеться необычно, не так, как всегда. Тут, конечно, придется проявить фантазию и выдумку.

Не стоит приходить в юбке, которую носила все лето, хоть она и вполне хорошо смотрится. Сшейте лучше новую! В конце концов несколько метров ситца или штапеля — трата вполне посильная, тем более что такое платье вы с удовольствием будете потом носить летом за городом, на пляже. Главное, чтобы платье получилось необычное. В такой необычности — уже праздник. Украшения могут в этот вечер быть чуть-чуть театральными, конечно, елке уподобляться все-таки не нужно. Но зато как необычно и красиво можно убрать волосы с помощью брошки или цветка, и на туфли приколоть блестящие банты; и вспомнить о такой традиционной бальной принадлежности, как веер.

Ну, а любите одежду более традиционную или не хотите тратить время на шитье — тоже не беда. Приходите на вечер в своем самом нарядном платье. Не нужно повседневной одежды, даже модной: джинсов, свитеров, кримпленовых костюмов. В конце концов такой праздник только раз в году.

Итак, что же главное в наших приготовлениях? Во-первых, заранее. Как вы заметили, это слово мы повторяли не раз, не два. И не случайно! Все — от салатов до подарков — должно быть приготовлено в срок с тем, чтобы в канун Нового года можно было позаботиться о собственной внешности и не быть забегавшейся, усталой и издерганной.

Во-вторых, многое должно оставаться в тайне и быть для всех сюрпризом. Все «сюрпризы» известны лишь распорядителю и хозяйке.

Не забудьте о живом темпе вечера, не затягивайте отдельные номера, танцы, застолье...

И последнее: втяните в праздничные приготовления всех гостей. Только тогда у каждого будет приятная уверенность, что он был необходимым и желанным на вечере и что Новый год начался у него хорошо. Если есть среди вас люди не очень активные, застенчивые, пусть они займутся «тихими», но кропотливыми приготовлениями по оформлению и попытаются реализовать рекомендации, которые мы даем в приложении к этому номеру.

З. ИБРАГИМОВА

Вокруг елки

Многие убеждены: что-что, а украсить новогоднюю елку они сумеют, дело нехитрое. Навесил игрушек, «облепил» дождем — и готово. Чем больше всяческой мишуры, тем лучше. Но это далеко не так!

● Не стоит слишком загромождать елку игрушками: вся ее естественная красота и свежесть исчезнут под тяжестью бус, шаров, бумажных цепей. Гораздо лучше повесить немного украшений, распределяя их группами по 4—5 штук и оставляя «свободные», неукрашенные ветви.

● Подвешивайте игрушки на разных уровнях, на длинных (5—8 см) нитках, тогда и они будут видны и елка не закрыта. Нити надо брать потолще и разных цветов — красные, зеленые, синие.

● Перед тем как повесить игрушку, не поленитесь сделать бантик из той же нити — наподобие того, как вы завязываете шнурок: елка будет выглядеть нарядней.

● Дождик и серпантин завершают убранство елки. Распределяйте их сверху вниз небольшими параллельными потоками.

● Не украшайте елку ватой: это старомодно, к тому же вата быстро приобретает несвежий вид.

Вы не сумели купить елку? Ничего страшного. Еловая ветка, прикрепленная к стене и украшенная 5—7 игрушками, желательно разноцветными, но одинаковыми по форме, выглядит нарядно. Игрушки можно подвесить на лентах (только не капроновых) и поставить рядом зажженные свечи.

А. МОРЖИЕВСКИЙ,
декоратор магазина «Элегант»

г. Донецк.

По следам наших выступлений

Меры приняты

В августовском номере журнала была опубликована статья «Жалобы не поступало...».

В статье критиковались администрация и профсоюзный комитет завода «Электросталь» за невнимательное отношение к условиям труда, быта и отдыха работающих здесь женщин.

Как сообщила в редакцию журнала секретарь Центрального комитета профсоюза рабочих металлургической промышленности Н. А. Недосекина, комиссия ЦК профсоюза по работе среди женщин рассмотрела статью на специальном заседании, на которое были приглашены начальник Главспецстали Министерства черной металлургии СССР тов. Менушенков П. П., секретарь Московского обкома профсоюза тов. Глюзицкий Б. Д., ответственные работники завода «Электросталь».

Выступление журнала признано правильным.

Комиссия поручила Московскому обкому профсоюза рассмотреть вопрос об ответственности технического инспектора обкома профсоюза В. Пузакова, который недостаточно контролировал соблюдение законодательства об охране труда женщин. По предложению комиссии на заводе «Электросталь» издан приказ, в котором утверждены точные сроки высвобождения женщин из ночных смен, а также окончания реконструкции цеха столовых приборов и сдачи в эксплуатацию административно-бытового корпуса.

«План выполним»

Саратовский исполком областного Совета депутатов трудящихся, рассмотрев материал «Взрослым дядям о детском саде» («Работница» № 6, 1975 год), сообщает, что серьезные недостатки в строительстве детских дошкольных учреждений подвергнуты в статье справедливой критике.

В августе—сентябре 1975 года состояние работы детских дошкольных учреждений проверялось в восьми районах и городах области. Итоги проверок рассмотрены на совещаниях в районных и городских исполкомах с участием хозяйственных руководителей, а 5 сентября—на совещании в облисполкоме.

Осуществляются конкретные меры по выполнению плана строительства детских дошкольных учреждений. В 1975 году планом предусмотрен ввод по всем источникам финансирования 34 детских дошкольных учреждений на 5310 мест. На 1 сентября в эксплуатацию сдано 8, утвержден график ввода остальных.

Облсовпроф обсудил статью «Работницы» на совещании председателей обкомов профсоюзов и обязал их вести постоянный контроль за ходом строительства и своевременным вводом в эксплуатацию детских дошкольных учреждений. Разрабатывается план строительства на 1976—1980 годы с тем, чтобы мест в садах и яслях хватало всем, кто в них нуждается.

А. ЕЛИСЕЕВА,
заместитель председателя исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся
г. Саратов.

А. Ситдикова.

ДУША ВЕЩЕЙ

На фоне золотистого, свежевыструганного дерева стен, на хрусткой, крахмальной белизне полотенец, расшитых красочным башкирским орнаментом, лежат три ржаных каравая. Кажется, надломи запекшуюся, смуглую корочку—и почувствуешь запах вынутого из печи хлеба.

...Около полки с посудой, задернутой цветастой ситцевой тканью, стоит решето, полное смородины, берестяные туески со спелой клубникой. В белом кувшине парное молоко.

«Дары земли» называется эта картина. «Башкирским хлеборобам»—полотно с караваями. «Дань моего уважения их труду, восхищения ими»,—говорит заслуженный художник Башкирской АССР Адия Хабибулловна Ситдикова, признанный в Уфе мастер натюрморта.

...В татарской деревне, где Адия росла, не было ни кистей, ни красок. Взрослой девушкой она начала рисовать цветными карандашами. Мечтала учиться, но отец слышать об этом не хотел: «Читай коран, больше тебе ничего знать не надо!» Старик был непоколебим, и учиться Адия Хабибулловна начала лишь после его смерти. Работала в колхозе, ходила в начальную школу, а потом и сама стала преподавать в первом классе.

В 1934 году жизнь привела ее в Уфу. Она стала работать в Художественном фонде подсобницей. Вскоре поступила в самодеятельную изостудию. Днем работала. На занятиях не все понимала: тогда еще плохо знала по-русски. А уйти из студии не могла: чувствовала себя счастливой, когда бралась за уголь, графит или краски.

Александр Васильевич Пантелеев, теперь заслуженный художник РСФСР, угадал за ее увлеченностью подлинное дарование.

На первой странице обложки: Поздравление с праздником. Рисунок Л. ХАЙЛОВА

В приложении к этому номеру: Новогодний бал—выкройки бальных платьев, елочные игрушки.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 25/IX-1975 г.
А 08638. Подписано к печ. 16/X-1975 г.
Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 12 950 000 экз.
(1-й завод: 1—11 205 300 экз.)
Изд. № 2520. Заказ № 1193.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника Г. П. ГОРСТИНОЙ.

Технический редактор В. В. МАСЛЕННИКОВ.

Когда Союз художников Башкирии направил Адию Хабибулловну на творческую дачу в Горячий ключ, она растерялась. «Я стыдилась своей неумелости, неловкости, своих — слабых тогда — работ. Старалась уйти с этюдником подальше, никому не попадаться на глаза. Запрусь в старом сарае, плачу и пишу...»

Свои натюрморты Ситдикова пишет звучно, декоративно. Коробы, пиалы, туески с ее картин веками живут вместе с народом, издавна вросли в его быт. Любит художница и редкий теперь жанр интерьера, рассказывающий о быте колхозной деревни. «В башкирском далеком ауле» называется серия картин, написанная под впечатлением поездки по отдаленным районам республики.

«Магический кристалл» искусства помогает художнице, раскрывая душу вещей, через них рассказывать о человеке: его жизни, его пристрастиях и привычках. Она пишет щедро, без устали, и работы ее несут людям радость бытия и нежную любовь к родной земле.

О. ВОРОНОВА

А. Х. СИТДИКОВА.

ДАРЫ ЗЕМЛИ.

ХЛЕБОРОБАМ.

ИНТЕРЬЕР.

Бесплатное приложение к журналу «Работница» № 11 за 1975 год

К НОВОГОДНЕМУ БАЛУ

Такие костюмы могут сшить для себя главные действующие лица новогоднего праздника. По нашей просьбе их нарисовала художник **Жозефина Буль**, руководитель творческой мастерской, изготавливающей костюмы для артистов и участников художественной самодеятельности. Ткани для костюмов годятся самые дешевые, только цвета их должны быть яркими. Трудоемкие вышивки замените аппликациями, которые не обязательно настрачивать, можно просто приклеить клеем ПВА.

Хозяйка. Предлагаем два варианта платья. Первый — по мотивам дымковских глиняных игрушек. Цвета распределяются так. Блуза синяя, оборка на рукаве — оранжевая. Передник — желтый с крупными оранжевыми горохами, мелкие горошки — черные, вьюнчик — красный. Оборка передника — синяя. На белую юбку настрочены круги с желтой оборкой. Наружное кольцо круга — красное, мелкие горошки — синие, в центре — оранжевый круг.

По подолу и клиньям юбки нашит желтый и коричневый вьюнчик, в углах — оранжевые горохи. Белый воротник обшит желтым вьюнчиком, украшен оранжевыми горохами. Головной убор (можно воспользоваться выкройкой кокошника, которую мы даем в натуральную величину в этом приложении) изготовлен из картона, сверху обтянут тканью. Три ряда оборок наклеиваются так, чтобы каждый ряд перекрывал следующий. Верхняя оборка — синяя, средняя, как и воротник,— белая с желтым вьюнком и оранжевыми горохами, нижняя — желтая.

Второе платье одноцветное, с отделкой по подолу. Яркий декоративный передник можно надевать, когда начинается застолье, и снимать на танцах. Можно сшить большой воротник — по тому же принципу, что и отделка на юбке.

Хозяйка японского чайного домика одета в костюм, напоминающий японское кимоно. Платье из голубой ткани отделано синей лентой с белым вьюнчиком (или розовая лента с темно-синим вьюнчиком). Широкий пояс застегивается сзади на крючки, застежка закрыта громадным, в ширину пояса бантом. Пояс хорошо сделать из набивной ткани сиренево-синего цвета. Его можно расшить бусами, стеклярусом. Клипсы — розовые или сиреневые хризантемы; искусственные цветы из материи или бумаги приклеиваются на готовую застежку от клипсов.

Хозяйка русской чайной комнаты в кремовом или золотистом платье. Красный жилет и кокошник украшены аппликациями из черной и золотистой ткани и золотыми пуговками. Можно сделать жилет и кокошник из черной ткани, а аппликации — красные и золотистые. Подвески по краю жилета и кокошника из мелких бус или бисера с крупной бусинкой на конце. Кокошник и серьги вырезают из картона, обклеивают тканью, отделка — аппликации. Серьги прикрепляются к кокошнику толстыми нитками, унизанными бусинками. Чтобы кокошник плотно сидел на голове, пришейте к нему резинку.

Распорядитель одет в обычный, лучше темный костюм. Необычны лишь галстук — большая яркая бабочка и платок в нагрудном кармане. Цвета их зависят от цвета костюма и рубашки. Бабочку можно украсить бусинками.

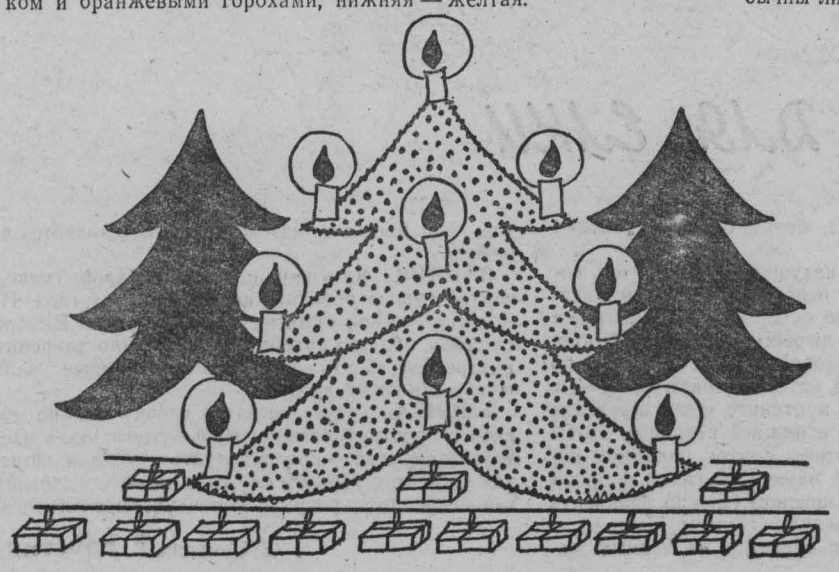
Гадалка одета в комплект из белой блузки и юбки из красного сатина в белый или черный горошек. Аппликации из черного сатина. Черная шаль с красными розами, которые можно вырезать из набивной ткани и наклеить. Кольца по краям шали из желтого металла. К ним прикреплена бахрома. Цвета могут быть и другими, но лучше всего сочетание красных, черных, белых и зеленых цветов.

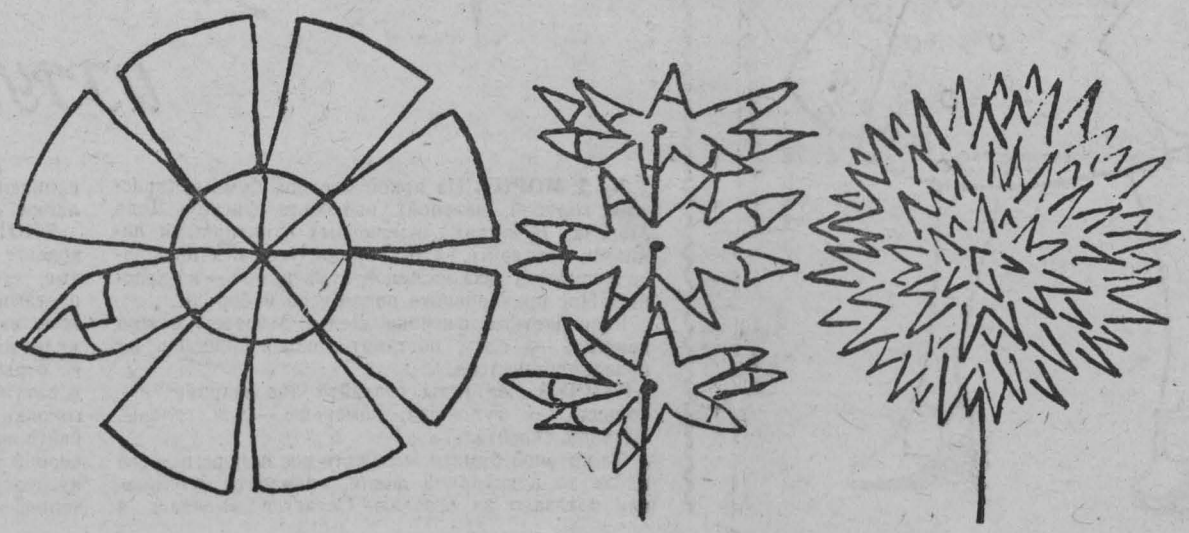
Почтальон. Гладкая юбка, блузка в клетку или полоску, галстук в цвет юбки — своеобразный форменный костюм. Сумку можно сшить специально, а можно использовать обычную кожаную, приклеив или прикрепив к ней какой-нибудь рисунок. Маленькое кепи с козырьком — из бумаги и картона.

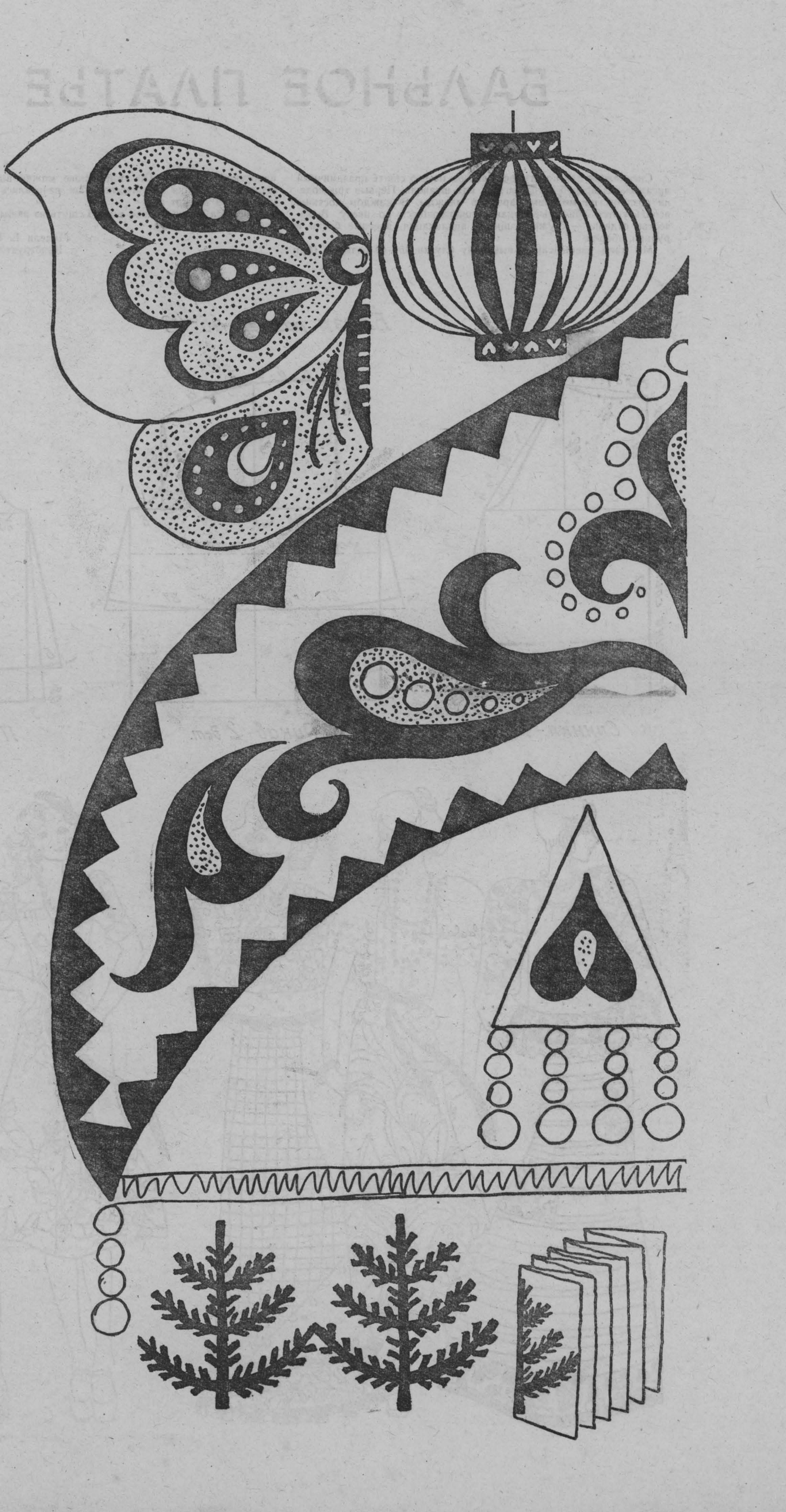
Подарочный стенд, возле которого на тонкую леску подвешены подарки, можно вырезать из картона и обтянуть (или обклеить) красивой бумагой.

Зайчиха для игры в почту. Вырезанная из картона и раскрашенная фигура зайчихи вывешивается у входа в зал, где находится елка. В передник, который сделан из ткани, можно положить номерки с приколотыми к ним булавками. На обороте номерка написать поздравление. Можно сшить и повесить у входа большую рукавичку — почтовый ящик.

Украшения для зала. Из цветной бумаги, фольги вырезать гирлянды, звезды, шары — некоторые из них есть на наших рисунках.







БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ

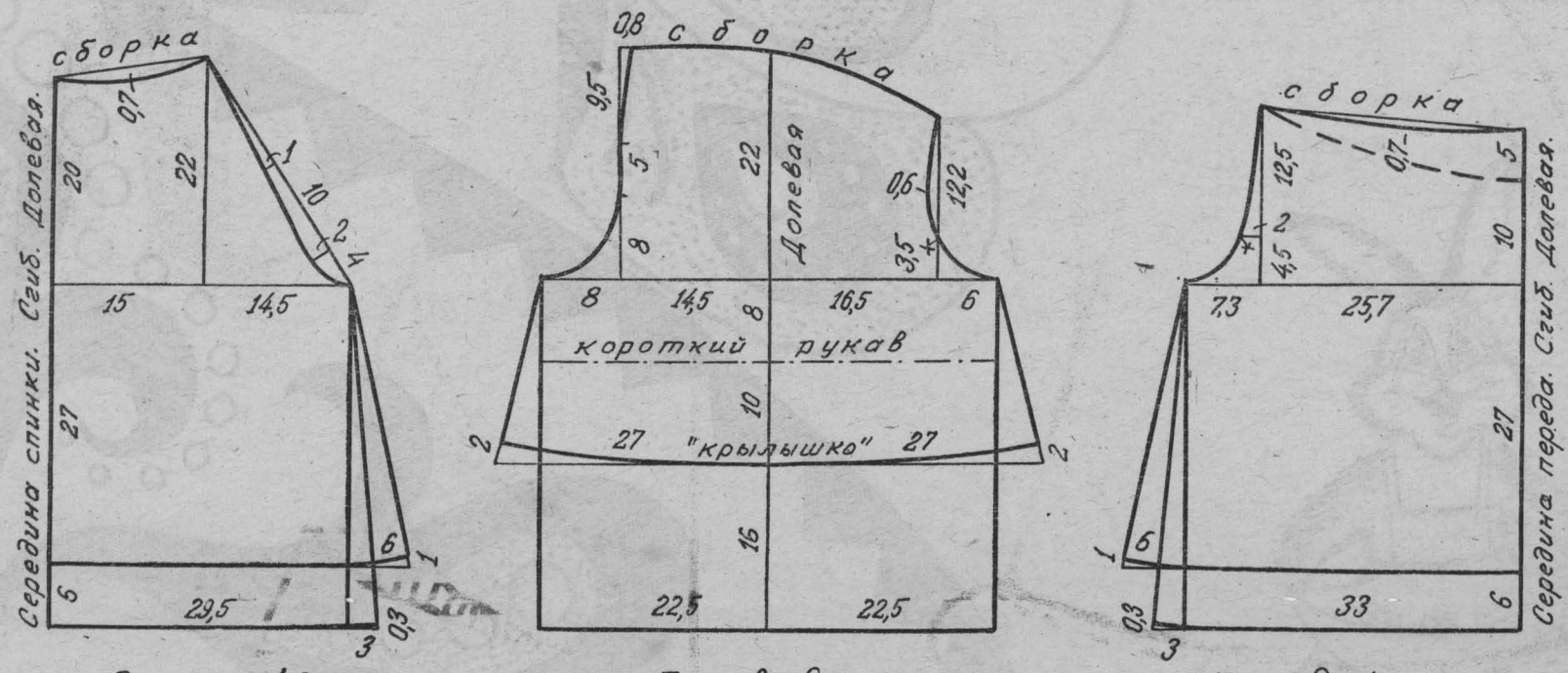
Специально для новогоднего вечера можно сшить праздничный ансамбль из яркого ситца, сатина или штапеля. Первые три модели созданы по мотивам народной одежды. В каждом костюме используются три-четыре ткани, сочетающиеся по цвету. В качестве отделки — кружева, шитье, аппликация, цветные бейки и рулики, оборки.

Мы даем уменьшенную выкройку блузки 46—48 размера (без припусков на швы). По этой основе можно выполнить все три модели. Выкройки различных юбок печатались в приложениях к №№ 6, 9 за этот год.

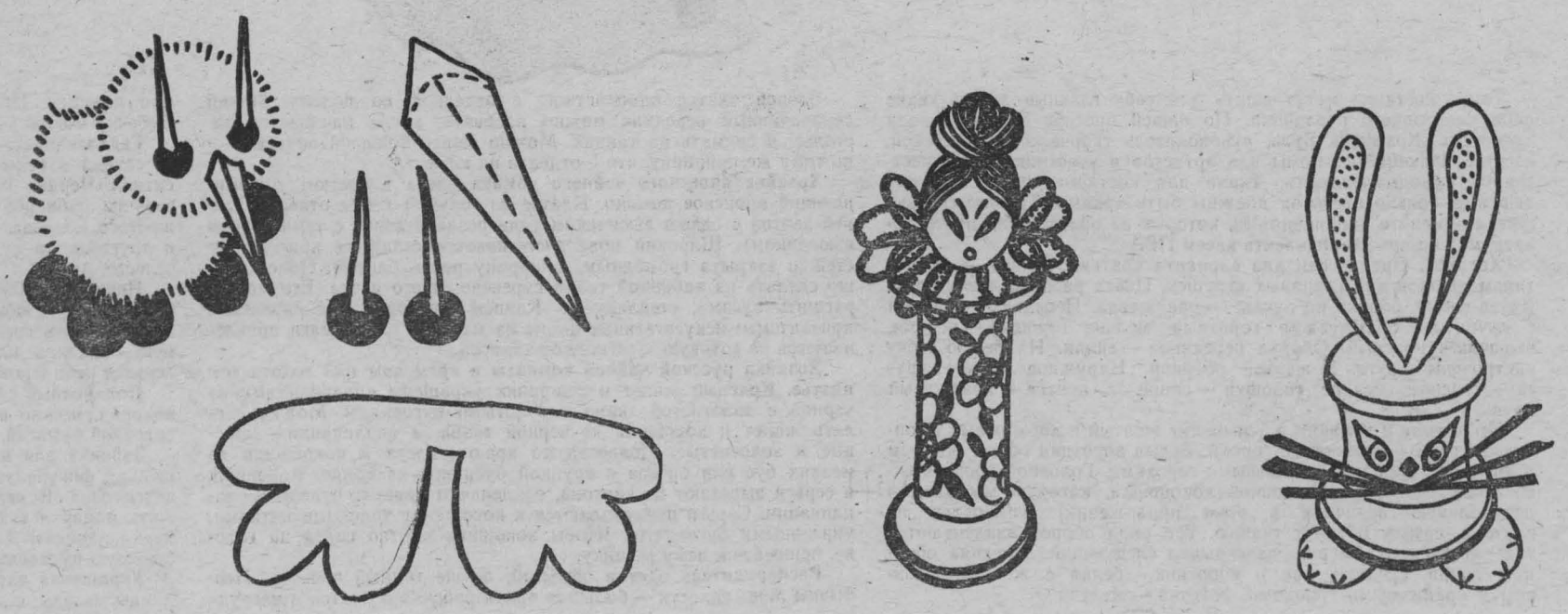
Две следующие модели можно сшить из любых тканей, выбрав расцветку понарядней.

Модели **Е. СТЕРЛИГОВОЙ.**
Конструктор **Т. ЛЕСНОВА.**

Блуза размер 46-48



Спинка - 1 дет. *Рукав - 2 дет.* *Перед - 1 дет.*



ИГРУШКИ ДЛЯ ЕЛКИ

ДЕД МОРОЗ. Из яркой цветной бумаги (красной, голубой, зеленой) вырежьте фигуру Деда Мороза. В местах, отмеченных пунктирными линиями, приклейте вату (борода, усы, мех на шапке и шубе). Глаза из белой бумаги, нос — из красной. Нос приклеивайте после усов и бороды.

Разноцветные фигурки Дедов Морозов можно повесить на елку, поставить около приборов на праздничном столе.

ПТИЧКА. Из ваты скатайте два шарика: побольше для туловища, поменьше — для головы. Шарики склейте.

Из красной бумаги вырежьте нос и, перегнув его вдоль по пунктирной линии, приклейте к голове, как показано на чертеже. Остается вырезать и приклеить черные глаза, белые брови и красные лапки.

ЯПОНКА. Высокую катушку из-под ниток покрасьте яркой гуашью: основание и верх малиновые, стержень — кимоно — белый с малиновыми цветами. Для головки вырежьте небольшой кружок из белой или розовой ткани, соберите по краю на нитку, набейте ватой, стяните нитку — и, не отрывая от шарика, протяните через отверстие в катушке и приклейте с нижней стороны. Чтобы головка держалась плотнее, внутрь цилиндра набейте вату. На головке нарисуйте глаза и брови черной тушью, ротик — красной (можно приклеить кусочек красной бумаги). Волосы покрасьте черной тушью, а пучок сделайте из черных ниток. Из цветных ниток петлями сделайте воротник.

ЗАЙЧИК. Катушку покрасьте белой гуашью, черной тушью обведите контур зеленых глаз. Нос и усы из черной бумаги, уши — из белой. Вырежьте сразу оба уха, чтобы удобнее было закрепить, внутренняя часть ушей розовая. Белые лапки с черными коготками.

ЕЛОЧКА. Такую веселую елочку можно сделать из плотной разноцветной бумаги: одна часть зеленая, другая — красная, третья — белая, четвертая — желтая. Бумагу сложите вдвое и вырезайте, как показано на рисунке. Нужны четыре заготовки.

Художник **Г. ГОРСТИНА.**

На этой странице — несколько коллажей художника Я. Мирошниченко. Новогодняя елка, нахохлившиеся снегири, девочка среди заснеженного двора — эти сюжеты хороши для оригинальной поздравительной новогодней открытки, которая доставит особенную радость родным и знакомым, потому что сделана вашими руками. Техника исполнения несложна: рисунок по частям вырезается из бумаги (или ткани) различных цветов и наклеивается на ватман или тонированную бумагу.

ИНДЕКС 70770 Цена 10 копеек